

Часть первая
Учебник-хрестоматия

ЛИТЕРАТУРА

6

класс

дрофа

Annotation

Учебник-хрестоматия для учащихся 6 класса входит в серию учебных пособий, созданных по единой программе литературного образования (5—11 классы), составленной Т. Ф. Курдюмовой. Для каждого класса выпущены учебник-хрестоматия для учащихся и методическое пособие для учителя.

Программа и учебные книги направлены на воспитание ученика как образованного и вдумчивого читателя, способного оценить художественные произведения, определить их место в историко-литературном процессе.

Учебник-хрестоматия «Литература. 6 класс» продолжает процесс литературного образования школьников. Автор обращает внимание учащихся на образ их ровесника в художественной литературе.

- Литература. 6 класс. Учебник-хрестоматия. В двух частях. Часть 1

- Герой в мире художественного слова

- Далекое прошлое человечества

- История человечества в произведениях литературы

- Былины – богатырский эпос русского народа

- На заставе богатырской

- Герои произведений устного народного творчества

- Александр Николаевич Островский (1823–1886)

- Снегурочка. Весенняя сказка. В сокращении

- Мир вещей далекого прошлого

- Литература XIX века

- Незабываемый мир детства и отрочества

- Василий Андреевич Жуковский (1783–1852)

- Баллада
- Кубок
- Лесной царь
- Сергей Тимофеевич Аксаков (1791–1859)
 -
 - Детские годы Багрова-внука (Фрагмент)
 - Герой литературного произведения как читатель
 - Буран
 - Пейзаж. Мир природы вокруг нас
- Иван Андреевич Крылов (1769–1844)
 -
 - Два мальчика
 - Волк и Ягненок
- Владимир Федорович Одоевский (1803 (1804)-1869)
 -
 - Отрывки из журнала Маши. В сокращении
 - Портрет героя художественного произведения
- Александр Сергеевич Пушкин (1799–1837)
 -
 - К сестре. В сокращении
 - К Пущину (4 мая). В сокращении
 - Послание к Юдину. В сокращении
 - Товарищам
 - Гимн
- Михаил Юрьевич Лермонтов (1814–1841)
 -
 - Утес
 - На севере диком стоит одиноко...
 - Три пальмы (Восточное сказание)
 - Эпиграмма
 - Эпиграмма
 - Панорама Москвы
- Иван Сергеевич Тургенев (1818–1883)
 -
 - Бежин луг[21]
 - Речевая характеристика литературных героев
- Николай Алексеевич Некрасов (1821–1877 (1878))

- Крестьянские дети
- Школьник
- Герой художественного произведения и его имя
- Лев Николаевич Толстой (1828–1910)
 -
 - Отрочество. Главы из повести
- Федор Михайлович Достоевский (1821–1881)
 -
 - Мальчики (из романа «Братья Карамазовы»). Фрагменты
- Антон Павлович Чехов (1860–1904)
 -
 - Хамелеон
 - Толстый и тонкий
 - Герой и сюжет
- Николай Георгиевич Гарин-Михайловский (1852–1906)
 -
 - Детство Тёмы. Фрагменты
 - Поступок героя и характер
- Мир вещей XIX века

○ Иллюстрации

• notes

- 1
- 2
- 3
- 4
- 5
- 6
- 7
- 8
- 9
- 10
- 11
- 12
- 13
- 14
- 15
- 16
- 17
- 18
- 19

- ☐ 20
- ☐ 21
- ☐ 22
- ☐ 23
- ☐ 24
- ☐ 25
- ☐ 26
- ☐ 27
- ☐ 28
- ☐ 29
- ☐ 30
- ☐ 31
- ☐ 32
- ☐ 33
- ☐ 34
- ☐ 35
- ☐ 36
- ☐ 37
- ☐ 38
- ☐ 39
- ☐ 40
- ☐ 41
- ☐ 42
- ☐ 43
- ☐ 44
- ☐ 45
- ☐ 46
- ☐ 47
- ☐ 48
- ☐ 49
- ☐ 50
- ☐ 51
- ☐ 52
- ☐ 53
- ☐ 54
- ☐ 55
- ☐ 56
- ☐ 57
- ☐ 58
- ☐ 59

**Литература. 6 класс. Учебник-хрестоматия. В двух частях. Часть 1
(Автор-составитель Т. Ф. Курдюмова)**

Герой в мире художественного слова

Перед вами давно открылся мир искусства слова. Этот мир ярок и многообразен, и в его центре всегда стоит Человек. В шестом классе вы совершите очередное путешествие по увлекательным книгам. Читателю всегда интересны события, о которых рассказывают авторы, и так как вы очень хорошо умеете разбираться в сюжетах изученных произведений, то знаете, как тесно связаны события с их героями.

Вы как читатели уже прожили долгую читательскую жизнь рядом со своими героями. Пятый класс принес вам знакомство с десятками литературных героев, и, вспоминая их, можно оценить роль чтения в умении понять человека, можно даже сказать, что вы учитесь у писателей умению понимать причины поступков и решений – человековедению.

В шестом классе вам предстоит познакомиться с новыми героями, а среди них много ваших ровесников. Они могут появиться в произведении лишь один раз и только промелькнуть перед вами. Но есть такие герои, которые запомнятся на всю жизнь.

А теперь вспомните героев, с которыми вы встретились в пятом классе, и подумайте, как ответить на вопросы, предложенные в учебнике. Обратите внимание на то, что перед вами теперь уже *три* уровня сложности вопросов. Первый из них – самый легкий (►). Но, наверное, вы захотите справиться и с трудными вопросами, которые обозначены так: ►►.

Вопросы и задания

►1. Каких героев, с которыми встретились на страницах произведений в пятом классе, вы хорошо помните? Объясните, почему именно они вам запомнились.

2. Кто смелее – Герда или Кай? Попробуйте доказать свое мнение.

3. Какой герой прочитанных вами произведений заслужил ваше уважение? Какие качества этого героя вас особенно привлекли?

►►1. Каких героев робинзонад вы помните? Назовите произведения, в которых описаны приключения этих «Робинзонов».

2. Расскажите о таком событии в жизни любимого литературного героя, которое помогло вам оценить его характер.

►►►1. Как могло возникнуть слово «робинзонада»? Чем вы объясните его появление?

2. Что отличает героя сказки от героя рассказа о современном событии?

Далекое прошлое человечества

Былина. Сказка. Легенда. Предание

История человечества в произведениях литературы

Как жили наши далекие предки? Времена, когда не было письменности, открываются нам как через предметы материальной культуры, так и через произведения фольклора.

Художественное слово может воссоздавать реальные картины окружающей жизни, а также возникшие в фантазии автора события далеких эпох. Более всего доверия к правдивости произведений фольклора вызывают былины: само слово *былина* как бы подтверждает достоверность того, что она описывает. В этих героических повествованиях рассказывается о том, как русские богатыри защищали родную землю и во имя этого совершали подвиги. В основе многих былинных повествований лежат реальные события, которые подтверждаются современной наукой. Так, в Киево-Печерской лавре хранится прах Ильи Муромца, и ученый-антрополог, археолог и скульптор М. М. Герасимов восстановил внешний облик этого человека.

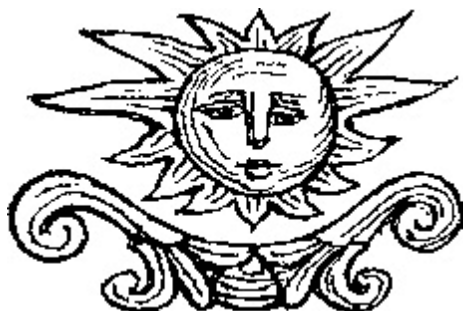
Отзвуки былин и сказок, легенд и преданий живут в

произведениях писателей всех эпох. Знаменитый драматург А. Н. Островский написал «весеннюю сказку» «Снегурочка», в которой передал поэтическое восприятие мира наших предков, их взгляды и убеждения, оценку поступков и поведения человека.

В художественной литературе есть много произведений о жизни разных народов в разные века, в том числе и о жизни в далекие времена, которые так и называются: исторический роман, историческая пьеса, исторический рассказ.

Читатель всегда живет в той эпохе, с которой его знакомит писатель, и его знакомство с миром расширяется безгранично.

Былины – богатырский эпос русского народа

Вы уже встречались с былинами – богатырским эпосом русского народа, которые назывались также и старинами – ведь они рассказывали о старине, о том, что было очень давно. Сюжеты и герои этих произведений вдохновляли и русских писателей и русских художников.

Сказители былин сохранились в истории нашей литературы. Это Рябинины (четыре поколения!), Крюковы, Прохоров. Вот как описано выступление Прохорова в записях одного из фольклористов. «День был воскресный, и народу много. Горница быстро наполнилась народом... Вошел Утка (такое прозвище было у сказителя Никифора Прохорова), невысокого роста старик... откинул назад свою голову, потом с улыбкой обвел взглядом всех присутствующих и, заметив в них нетерпеливое ожидание, еще раз быстро откашлялся и начал петь. Лицо старика-певца мало-помалу изменялось. Он жил со своими любимцами-богатырями. Жалел до слез немощного Илью Муромца, когда он сидел сиднем 30 лет, торжествовал с ним победу над Соловьем-разбойником. Иногда он прерывал себя, вставляя от себя замечания. Жили с героем и все присутствующие... Все сидели, не сводя глаз с певца: каждый звук этого монотонного, но чудного, спокойного мотива ловили они...

Утка кончил и торжествующим взглядом окинул все собрание. С секунду длилось молчание, потом со всех сторон поднялся говор...

– Пожалуй, и сказка все это, – нерешительно проговорил один мужик. На него набросились все.

– Как сказка? Ты слышишь, старина это. При ласковом князе Владимире было.

– Мне вот что думается: кому же это под силу – вишь ведь как он его!

– На то и богатырь – ты что думаешь? Не то что мы с тобой, – богатырь! Нам невозможно, а ему легко, – разъясняли со всех сторон».

Так звучали былины в крестьянских избах. И в XX веке еще были исполнители этих чудесных произведений.

На заставе богатырской

Под городом под Киевом, в широкой степи Цицарской стояла богатырская застава. Атаманом на заставе старый Илья Муромец, податаманом Добрыня Никитич, есаулом Алеша Попович. И дружинники у них храбрые: Гришка – боярский сын, Василий Долгополый, да и все хороши.

Три года стоят богатыри на заставе, не пропускают к Киеву ни пешего, ни конного. Мимо них и зверь не проскользнет, и птица не пролетит. Раз пробегал мимо заставы горностайка, да и тот шубу свою оставил. Пролетал сокол – перо выронил.

Вот раз в недобрый час разбрелись богатыри-караульщики: Алеша в Киев ускакал, Добрыня на охоту уехал, а Илья Муромец заснул в своем белом шатре...

Едет Добрыня с охоты и вдруг видит: в поле, позади заставы, ближе к Киеву, след от копыта конского, да не малый след, а в полпечи. Стал Добрыня след рассматривать:

– Это след коня богатырского. Богатырского коня, да не русского: проехал мимо нашей заставы могучий богатырь из казарской земли – по-ихнему копыта подкованы.

Прискакал Добрыня на заставу, собрал товарищей:

– Что же это мы наделали? Что же у нас за застава, коль проехал мимо чужой богатырь? Как это мы, братцы, не углядели? Надо теперь ехать в погоню за ним, чтобы он чего не натворил на Руси.

Стали богатыри судить-рядить, кому ехать за чужим богатырем.

Думали послать Ваську Долгополого, а Илья Муромец не велит Ваську слать:

– У Васьки полы длинные, по земле ходит Васька заплетается, в бою заплетется и погибнет зря.

Думали послать Гришку боярского.

Говорит атаман Илья Муромец:

– Неладно, ребяташки, надумали. Гришка рода боярского, боярского рода хвастливого. Начнет в бою хвастаться – погибнет понапрасну.

Ну, хотят послать Алешу Поповича. И его не пускает Илья Муромец:

– Не в обиду будь ему сказано, Алеша роду поповского, поповские глаза завидующие, руки загребущие. Увидит Алеша на чуженине много серебра да золота, позавидует и погибнет зря. А пошлем мы, братцы, лучше Добрыню Никитича.

Так и решили – ехать Добрынюшке, побить чуженина, срубить ему голову и привезти на заставу молодецкую.

Добрыня от работы не отлынивал, заседлал коня, брал палицу, опоясался саблей острой, взял плетъ шелковую, въехал на гору Сорочинскую. Посмотрел Добрыня в трубочку серебряную – видит: в поле что-то чернеется. Поскакал Добрыня прямо на богатыря, закричал ему громким голосом:

– Ты зачем нашу заставу проезжаешь, атаману Илье Муромцу челом не бьешь, есаулу Алеше пошлины в казну не кладешь?!

Услышал богатырь Добрыню, повернул коня, поскакал к нему. От его скоку земля заколебалась, из рек, озер вода выплеснулась, конь Добрыни на колени упал. Испугался Добрыня, повернул коня, поскакал обратно на заставу. Приезжает ни жив ни мертв, рассказывает все товарищам.

– Видно, мне, старому, самому в чисто поле ехать придется, раз даже Добрыня не справился, – говорит Илья Муромец.

Снарядился он, оседлал Бурушку и поехал на гору Сорочинскую.

Посмотрел Илья из кулака молодецкого и видит: разъезжает богатырь, тешится. Он кидает в небо палицу железную весом в девяносто пудов, на лету ловит палицу одной рукой, вертит ею, словно перышком.

Удивился Илья, призадумался. Обнял он Бурушку-косматушку:

– Ох, ты, Бурушко мой косматенький, послужи ты мне верой-правдой, чтоб не срубил мне чуженин голову.

Заржал Бурушка, поскакал на нахвальщика.

Подъехал Илья и закричал:

– Эй, ты, вор, нахвальщик! Зачем хвастаешь?! Зачем ты заставу миновал, есаулу нашему пошлины не клал, мне, атаману, челом не бил?!

Услышал его нахвальщик, повернул коня, поскакал на Илью Муромца. Земля под ним содрогнулась, реки, озера выплеснулись.

Не испугался Илья Муромец. Бурушка стоит как вкопанный, Илья в седле не шелохнется.

Съехались богатыри, ударились палицами – у палиц рукоятки отвалились, а друг друга богатыри не ранили. Саблями ударились – переломились сабли булатные, а оба целы. Острыми копьями кололись – переломились копья по маковки!

– Знать, уж надо биться нам врукопашную!

Сошли они с коней, схватились грудь с грудью.

Бьются весь день до вечера, бьются с вечера до полуночи, бьются с полуночи до ясной зари, – ни один верх не берет.

Вдруг взмахнул Илья правой рукой, поскользнулся левой ногой и упал на сырую землю. Наскочил нахвальщик, сел ему на грудь, вынул острый нож, насмехается:

– Старый ты старик, зачем воевать пошел? Разве нет у вас богатырей на Руси? Тебе на покой пора. Ты бы выстроил себе избушку сосновую, собирал бы милостыню, тем был жил-поживал до скорой смерти.

Так нахвальщик насмехается, а Илья от Русской земли сил набирается. Прибыло Илье силы вдвое, – он как вскочит, как подбросит нахвальщика! Полетел тот выше леса стоячего, выше облака ходячего, упал и ушел в землю по пояс.

Говорит ему Илья:

– Ну и славный ты богатырь! Отпущу я тебя на все четыре стороны, только ты с Руси прочь уезжай, да другой раз заставу не минуй, бей челом атаману, плати пошлины. Не броди по Руси нахвальщиком.

И не стал ему Илья рубить голову.

– Ну, – говорит, – братцы мои милые, тридцать лет я езжу по полю, с богатырями бьюсь, силу пробую, а такого богатыря не видывал!

Вопросы и задания

►1. С какими богатырями мы встречаемся на заставе богатырской?

2. Какие из этих богатырей вам знакомы? Кто, кроме них, участвует в защите родины?

3. Почему именно Добрыне доверили поиск нарушителя границы?

4. Чем завершилась поездка Добрыни?

5. Опишите встречу нахвальщика с Ильей Муромцем.

►1. Опишите сборы Добрыни перед поездкой за нахвальщиком. Как вы объясните такую детальность описания этих сборов?

2. В каких местах повествования использованы троекратные повторы в описаниях? Какова роль троекратных повторов?

3. Опишите оружие противников: палицы, сабли и копья. Когда и почему к ним обратились соперники?

►►1. Чем различаются описания трех поединков Ильи и нахвальщика?

2. Почему соперник Ильи Муромца не имеет имени, а именуется нахвальщиком? Как вы объясните это прозвище?

3. Что принесло победу Илье? Как вы поняли, что Илью поддержала сама земля Русская?

4. Как вы объясните то, что Илья с миром отпустил противника?

Герои произведений устного народного творчества

Вы встречали смелых героев и их коварных врагов на страницах знакомых вам сказок. Но при этом вы знали, что и Иван-царевич и Василиса Прекрасная – сказочные герои. Среди них есть хорошие люди и люди плохие, которые враждуют с нашими любимыми героями и неприятны нам.

Вокруг одних героев организуется сюжет, другие не так важны для развития сюжета, но все же участвуют в его событиях. Они не играют большой роли в повествовании: это и царь-отец, который дает задание своим сыновьям, и многочисленная челядь, без которой не обходился царский быт.

Фольклор не знает героев, которые бы одновременно обладали хорошими и плохими качествами. Как *главные* герои,

так и герои *второстепенные* всегда были хорошими или плохими.

Этот контраст добрых и злых героев еще очевидней в былинах, в которых героям защитникам родины противостоят разного рода «нахвальщики», поступки которых определяет только желание себя показать, чистейшей воды тщеславие, гонор, спесь.

В былинах речь идет о том, что было, о *былом*. В события и героев этих произведений верили как рассказчики, так и слушатели. Герои былин имели собственные имена, многим из них даже были присвоены воинские звания. Так Илья Муромец – атаман, Добрыня Никитич – податаман, Алеша Попович – есаул^[1]. Все они не просто смелые воины, но настоящие богатыри, которые защищали родную землю, оберегая ее границы. До сих пор живо слово, которое говорит об этом виде воинской службы, – *пограничники* и существует праздник – День пограничника.

Александр Николаевич Островский (1823–1886)

А. Н. Островский – замечательный русский драматург, создатель сорока семи пьес, которые до сих пор не сходят со сцены многих театров. Среди них одна из самых популярных – «Снегурочка». Автор назвал ее «весенней сказкой», и действительно, в этой пьесе широко используется материал народных сказок, поверий, обычаев, связанных с весной – светлым и радостным временем года. Читая пьесу, вы попадаете в идеальное царство берендеев, которым правит добрый царь, а все отношения между людьми строятся по велению совести.

Драматург работал над созданием пьесы весной 1873 года, и сразу после окончания работы она была поставлена на сцене. Музыка к ней написал П. И. Чайковский: «Это одно из любимых моих детищ. Пьеса Островского мне нравилась, и я в три недели без всякого усилия написал музыку».

В 1881 году композитор Н. А. Римский-Корсаков написал по пьесе А. Н. Островского оперу «Снегурочка», которая стала шедевром русской музыки.

В пьесе «Снегурочка» вы опять увидите все приметы построения драматического произведения. В этой пьесе четыре действия с прологом. Перед прологом и перед каждым действием есть список действующих лиц, тексту предшествуют ремарки, то есть пояснения, которые помогают исполнению, но не звучат со сцены, а весь текст состоит из реплик действующих лиц.

Снегурочка. Весенняя сказка. В сокращении

Действие происходит в стране берендеев в доисторическое время. Пролог на Красной горке, вблизи Берендеева посада, столицы царя Берендея. Первое действие в заречной слободе Берендеевке. Второе действие во дворце царя Берендея. Третье действие в заповедном лесу. Четвертое действие в Ярилиной долине.

Пролог

ЛИЦА:

Весна-Красна.

Дед-Мороз.

Девушка-Снегурочка.

Леший.

Масляница – соломенное чучело.

Бобыль Бакула.

Бобылиха, его жена.

Берендей обоего пола и всякого возраста.

Свита Весны, **птицы**: журавли, гуси, утки, грачи, сороки, скворцы, жаворонки и другие.

Начало весны. Полночь. Красная горка, покрытая снегом. Направо кусты и редкий безлистный березник; налево сплошной частый лес больших сосен и елей с сучьями, повисшими от тяжести снега; в глубине, под горой, река; полыньи и проруби обсажены ельником. За рекой Берендеев посад, столица царя Берендея: дворцы, дома, избы – все деревянные, с причудливой раскрашенной резьбой; в окнах огни. Полная луна серебрит всю открытую местность. Вдали кричат петухи.

Явление первое

Леший сидит на сухом пне. Все небо покрывается прилетевшими из-за моря птицами. **Весна-Красна** на журавлях, лебедях и гусах спускается на землю, окруженная свитой птиц.

Леший

Конец зиме, пропели петухи,
Весна-Красна спускается на землю,

Полночный час настал, сторожку Леший
Отсторожил, – ныряй в дупло и спи!

(Проваливается в дупло.)

Весна-Красна спускается на Красную горку в сопровождении
птиц.

Весна-Красна

В урочный час обычной чередой
Являюсь я на землю берендеев.
Нерадостно и холодно встречает
Весну свою угрюмая страна.

.....

<i>Явление второе</i>

Весна-Красна, Дед Мороз.

Мороз

Весна-Красна, здорово ли вернулась?

Весна

И ты здоров ли, Дед Мороз?

Мороз

Спасибо,
Живется мне не худо. Берендеи
О нынешней зиме не позабудут,
Веселая была; плясало солнце
От холоду на утренней заре,
А к вечеру вставал с ушами месяц.
Задумаю гулять, возьму дубинку,
Повыясню, повысеребрю ночку,
Уж то-то мне раздолье и простор.

.....

Весна

Не дурно ты попиrowал, пора бы
И в путь тебе, на север.

Мороз

Не гони,
И сам уйду. Не рада старику,
Про старое скоренько забываешь.
Вот я, старик, всегда один и тот же.

Весна

У всякого свой норow и обычай.

Мороз

Уйду, уйду, на утренней заре,
По ветерку, умчусь к сибирским тундрам.
.....
Владычество мое в Сибири вечно,
Конца ему не будет. Здесь Ярило
Мешает мне...

Весна

На кого же
Снегурочку оставишь?

Мороз

Дочка наша
На возрасте, без нянек обойдется.
Ни пешему, ни конному дороги
И следу нет в ее терём...

Весна

Тоска возьмет меж филинов и леших

Одной сидеть.
...Девке воля
Милей всего. Ни терем твой точеный,
Ни соболи, бобры, ни рукавички
Строченные не дороги; на мысли
У девушки Снегурочки другое:
С людьми пожить; подружки нужны ей
Веселые да игры до полночи,
Весенние гулянки да горелки
С ребятами, покуда...

Мороз

Что покуда?

Весна

Покуда ей забавно, что ребята
Наперебой за ней до драки рвутся.

Мороз

А там?

Весна

А там полюбится один.

Мороз

Вот то-то мне и нелюбо.

Весна

Безумный
И злой старик! На свете все живое
Должно любить. Снегурочку в неволе
Не даст тебе томить родная мать.
.....
Отдай мою Снегурочку!

Мороз

Не дам.
С чего взяла, чтоб я такой вертушке
Поверил дочь?

Весна

Да что ж ты, красноносый,
Ругаешься!

Мороз

Послушай, помиримся!
Для девушки присмотр всего нужнее
И строгий глаз, да не один, а десять.
И некогда тебе и неохота
За дочерью приглядывать, так лучше
Отдать ее в слободку, Бобылю
Бездетному, на место дочки. Будет
Заботы ей по горло, да и парням
Корысти нет на бобылеву дочку
Закидывать глаза. Согласна ты?

Весна

Согласна, пусть живет в семье бобыльской;
Лишь только бы на воле.

<i>Явление третье</i>

Весна, Мороз, Снегурочка, потом Леший.

Весна

Ах, бедная Снегурочка, дикарка,
Поди ко мне, тебя я приголублю.

(Ласкает Снегурочку.)

Красавица, не хочешь ли на волю?
С людьми пожить?

Снегурочка

Хочу, хочу, пустите!

Мороз

А что манит тебя покинуть терем
Родительский и что у берендеев
Завидного нашла?

Снегурочка

Людские песни.
Бывало я, прижавшись за кустами
Колючими, гляжу не нагляжуся
На девичьи забавы. Одинокой
Взгрустнется мне, и плачу...
Пусти, отец! Когда, зимой холодной,
Вернешься ты в свою лесную глушь,
В сумеречки тебя утешу, песню
Под наигрыш метели запою
Веселую. У Леля перейму
И выучусь скорехонько.

Мороз

А Леля
Узнала ты откуда?

Снегурочка

Из кусточка
Ракитова; пасет в лесу коровок
Да песенки поет.

.....

Мороз

...Снегурочка, беги от Леля! Солнца
Любимый сын-пастух, и так же ясно,
Во все глаза, бесстыдно, прямо смотрит,
И так же зол, как Солнце.

Снегурочка

Я, отец,
Послушное дитя; но ты уж очень
Сердит на них, на Леля с Солнцем; право,
Ни Леля я, ни Солнца не боюсь.

.....

Вдали крики: «Честная Масляница!» Мороз, уходя, машет
рукой; метель унимается, тучи убегают. Ясно, как в начале
действия. Толпы **берендеев**: одни подвигают к лесу сани с
чучелом **Масляницы**, другие стоят поодаль.

<i>Явление четвертое</i>

Снегурочка, Бобыль, Бобылиха, берендеи.

... Бобыль идет в лес и видит Снегурочку, кланяется и
смотрит несколько времени с удивлением. Потом возвращается к
жене и манит ее в лес. В это время Снегурочка отходит и из-за
куста смотрит на берендеев, на ее место у дупла садится **Леший**.

Бобыль
(*Бобылихе*)

Смотри, смотри! Боярышня.

Бобылиха

Да где?

(*Увидав Лешего.*)

Ах, чтоб тебя! Вот невидаль какая.

(Возвращаясь.)

У! пьяница! Убила бы, кажись.

Снегурочка опять возвращается на свое место. Леший уходит в лес.

Один берендей

Да что у вас за споры?

Бобыль

Поглядите!

Диковина, честные берендеи.

Все подходят к дуплу.

Берендеи

(с удивлением)

Боярышня! Живая ли? Живая.

В тулупчике, в сапожках, в рукавичках.

Бобыль

(Снегурочке)

Дозволь спросить, далеко ль держишь путь

И как зовут тебя и величают?

Снегурочка

Снегурочкой. Куда идти, не знаю,

Коль будете добры, с собой возьмите.

Бобыль

К царю отвести прикажешь, к Берендею

Премудрому в палаты?

Снегурочка

Нет, у вас
В слободке я пожить хочу.

Бобыль

Спасибо
На милости! А у кого ж?

Снегурочка

Кто первый
Нашел меня, тому и буду дочкой.

Бобыль

Да точно ль так, да вправду ли ко мне?

Снегурочка кивает головою.

Ну, чем же я, Бакула, не боярин!
Вались, народ, на мой широкий двор,
На трех столбах да на семи подпорках!
Пожалуйте, князья, бояре, просим.
Несите мне подарки дорогие
И кланяйтесь, а я ломаться буду.

Бобылиха

И как это, живешь-живешь на свете,
А все себе цены не знаешь, право.
Возьмем, Бобыль, Снегурочку, пойдем!
Дорогу нам, народ! Посторонитесь!

Снегурочка

Прощай, отец! Прощай, и мама! Лес,
И ты прощай!

Голоса из лесу

Прощай, прощай, прощай!

Деревья и кусты кланяются Снегурочке. Берендеи в ужасе убегают. Бобыль и Бобылиха уводят Снегурочку.

Вопросы и задания

►1. Прочитайте список действующих лиц пролога. Каких героев пролога вы встречали в народных сказках?

2. Прочитайте в ремарках описание царства берендеев. Что в этом описании взято из сказок?

►►1. Почему уже в первой ремарке говорится о местах, где будут происходить события – пролог и все четыре действия?

2. Можно ли считать события пролога завязкой действия пьесы?

►►►1. Как вы представили себе Снегурочку? Что в ее облике – от Весны, а что – от Деда Мороза?

2. Какие народные сказки и песни вспомнили вы, читая пролог?

3. Найдите в стихах сказки прием, который называется **переносом** (несовпадение стихотворной строки с обычным строением предложения).

Мороз

Прощай,
Снегурочка, дочурка! Не успеют
С полей убрать снопов, а я вернусь.
Увидимся.

Весна

Пора бы гнев на милость
Переменить. Уйми метель! Народом
Везут ее, толпами провожают
Широкою...

Сколько переносов вы насчитали в этих репликах Мороза и Весны? Какую роль они играют при чтении пьесы?

Действие первое

ЛИЦА:

Девушка-Снегурочка.

Лель, пастух.

Мураш, богатый слобожанин.

Купава, молодая девушка, дочь Мураша.

Мизгирь, торговый гость из посада Берендеева.

Радушка, **Малуша** – слободские девушки.

Брусило, **Малыш**, **Курилка**, **Бирюч** – парни.

Слуги Мизгирия.

Слобожане: старики, старухи, парни и девки.

Явление третье

Снегурочка, **Лель**.

Лель

Прикажешь петь?

Снегурочка

Приказывать не смею,
Прошу тебя покорно. Слушать песни
Одна моя утеха. Если хочешь,
Не в труд тебе, запой!..

.....

Лель

Сорви цветок с травы и подари
За песенку, с меня довольно.

Снегурочка

Шутишь,

Смеешься ты. На что тебе цветочек?
А нужен он, и сам сорвешь.

Лель

Цветок
Не важность есть, а дорог мне подарок
Снегурочки.

Снегурочка

К чему такие речи?
Зачем меня обманываешь, Лель?
Не все ль равно, где б не взял ты цветочек, —
Понюхаешь и бросишь.

Лель

Вот увидишь,
Дай его!

Снегурочка

(подавая цветок)

Возьми!

Лель

На видном месте
Приткну его. Пусть девки смотрят. Спросят,
Откуда взял, скажу, что ты дала.

(Поет.)

.....

Две девушки издали манят Леля. Он вынимает цветок,
данный Снегурочкой, и бросает, и идет к девушкам.

Снегурочка

Куда бежишь? Зачем цветок бросаешь?

Лель

На что же мне завялый твой цветок!
Куда бегу? Смотри, вон села птичка
На деревце! Немножко попоет
И прочь летит; удержишь ли ее?
Вон, видишь, ждут меня и ручкой манят.
Побегаем, пошутим, посмеемся,
Пошепчемся у тына под шумок.
От матушек сердитых потихоньку.

(Уходит.)

Явление четвертое

Снегурочка – одна.

Снегурочка

Как больно здесь, как сердцу тяжело стало!
Тяжелою обидой, словно камнем,
На сердце пал цветок, измятый Лелем
И брошенный. И я как будто тоже
Покинута и брошена, завяла
От слов его насмешливых. К другим
Бежит пастух...

Явление шестое

Снегурочка, Купава, Малуша, Мизгирь, Малыш, Брусило, Курилка, Лель, слуги Мизгирия и берендеи.

...Лель садится подле Снегурочки и оплетает рожок берестой,
Купава с Мизгирем подходят к Снегурочке.

Купава

Снегурочка, потешь свою подружку
В последний раз, в останешний, – пойдем
Круги водить, играть на Красной горке.
Не долго мне резвиться-веселиться,

Последний день моей девичьей воли,
Снегурочка, последний.

Снегурочка

Я, Купава,
Иду с тобой, возьмем и Леля. Пряжу
Снесу домой и побегу за вами.

(Уходит в избу.)

Купава

(Мизгирю)

Сердечный друг, пойдем! Они догонят.

Мизгирь

Постой, постой!

Купава

Девицы за слободкой
Полком стоят и ждут.

Мизгирь

Твоя подружка
Снегурочка; а Лель у вас при чем?

Снегурочка выходит, за ней **Бобыль** и **Бобылиха**.

<i>Явление седьмое</i>

Снегурочка, Купава, Мизгирь, Лель, Бобыль, Бобылиха.

Купава

Снегурочке без Леля будет скучно.

Мизгирь

Да правда ли? Не веселей ли будет
Снегурочке со мной идти?

Купава

А я-то?

Мизгирь

А ты возьми хоть Леля.

Купава

Как же, милый?
Ведь я твоя, твоя; одна могила
Разлучит нас.

Мизгирь

Пойдешь ли ты, иль нет,
А я останусь здесь.

.....

Мизгирь

Люби меня, Снегурочка! Дарами
Бесценными красу твою осыплю
Бесценную.

Снегурочка

Любви моей не купишь.

Мизгирь

И жизнь свою отдам в придачу. Слуги,
Казну мою несите!

Бобылиха
(Снегурочке)

Ты, с ума-то
Великого, не вздумай отказаться!

Бобыль

Мешки тащат. Снегурочка, попомни
Родителей!

.....
Снегурочка

Сбирайте дань, завистливые люди,
С подружкина несчастья, богатейте
Моим стыдом. Не жалуйтесь, согласна
Притворствоваться для ваших барышей.

.....

Вопросы и задания

►1. Охарактеризуйте Снегурочку в этом действии.

►►1. Как получилось, что Снегурочка не смогла
угодить даже Лелю, песни которого так любила слушать?

2. Почему Снегурочкой недовольны все парни и
девушки слободки?

3. Чем Снегурочка обидела Купаву?

►►►1. После измены Мизгиря Купава готова
утопиться, но ее удерживает Лель. Почему все стремятся
помочь Купаве и верят, что царь Берендей даст ей
верный совет?

2. Понимает ли Снегурочка, почему она никому не
приносит радости и вызывает общее недовольство? А как
это объясняете вы?

Действие второе

ЛИЦА:
Царь Берендей.
Бермята, ближний боярин.
Елена Прекрасная, его жена.
Снегурочка.
Купава.
Бобыль.
Бобылиха.
Мизгирь.
Лель.

Мизгирь доставлен к царю. Он «смиренно ждет суда». Но ни он, ни Купава не хотят соединиться браком: Купава обижена, Мизгирь любит Снегурочку. Мизгирь осужден на изгнание.

Когда перед царем появляется Снегурочка и беседует с царем, все убеждаются в том, что она любви не знает. Царь решает, что кто-то должен спасти Снегурочку, увлечь ее любовью. За это берется Лель. Мизгирь просит отсрочить изгнание, на которое его обрекли в наказание, чтобы и он мог попытаться разбудить спящее сердце Снегурочки.

Явление пятое

Царь

Мизгирь и Лель, при вашем обещанье
Покоен я и беспечально встречу
Ярилин день. Вечернею зарей,
В заповедном лесу моем, сегодня
Сберемся мы для игр и песен. Ночка
Короткая минует незаметно,
На розовой заре, в венке зеленом,
Среди своих ликующих детей
Счастливый царь пойдет на встречу Солнца.

Народ

Да здравствует премудрый,
Великий Берендей...

Все уходят.

►1. В чем Берендей видит причину, по которой Ярило сердится на его народ?

2. За что судят Мизгиря? Согласны ли вы с его осуждением?

►►1. Какое наказание считается самым страшным в царстве берендеев?

2. Почему царь Берендей, понимая, что Снегурочка не знает любви, считает оправданным Ярилин гнев?

►►►1. Почему равнодушие Снегурочки к чужим чувствам и бедам Берендей называет «невольным грехом»?

2. Из каких преданий приходит в эту весеннюю сказку Елена Прекрасная?

3. Почему именно Елена Прекрасная советует поручить Лелю пробудить чувства Снегурочки?

Действие третье

ЛИЦА:

Царь Берендей.

Бермята.

Елена Прекрасная.

Снегурочка.

Бобыль.

Лель.

Купава.

Радушка.

Малуша.

Брусило.

Бобылиха.

Мизгирь.

Курилка.

Леший.

Скоморохи, гудочники, волынщики, свита царя и народ.

Просторная поляна в лесу; справа и слева сплошной лес стеной; перед лесом, по обе стороны, невысокие кусты. Вдали, меж кустами, видны богатые шатры. Вечерняя заря догорает.

Молодые **берендеи** водят круги; один круг ближе к зрителям, другой поодаль. Девушки и парни в венках...

Царь со свитой смотрит издали на играющих.

Девушки и парни

(водя круги, поют)

Ай, во поле липонька...

.....

Царь

(проходит между гуляющими)

Веселое гулянье! Сердцу радость
Глядеть на вас. Играйте, веселитесь,
Заботы прочь гоните: для заботы
Своя пора...

.....

Пора к шатрам, в кругу гостей веселых
Окончить день и встретить новый. Песню
Последнюю пропой, пригожий Лель!

Лель

(поет)

Туча со громом сговаривалась:
Ты, гром, греми, а я дождь разолью,
Вспрыснем-ка землю весенним дождем!
То-то цветочки возрадуются!
Выйдут девицы за ягодками,
Парни за ними увяжутся,
Лель, мой Лель! Лели-лели, Лель!

В роще подруженьки врозь разбрелись,
Кто по кустам, кто по ельничку.
Ягодки брали, аукались,
Милой подруженьки нет как нет.
Все-то девицы расплакались:
Нашу подружку не волк ли заел.
Лель, мой Лель! Лели-лели, Лель!

Встретился девушкам чуж-чуженин,
Чуж-чуженинушко, стар-старичок.
Глупые девки, с ума вы сбрили,
Что вам за радость аукаться,
Что ей за прибыль откликнуться?
Вы б по кустам-то пошарили.
Лель, мой Лель! Лели-лели, Лель!

Туча со громом сговаривалась:
Ты, гром, греми, а я дождь разолью,
Вспрыснем-ка землю весенним дождем!
То-то цветочки возрадуются.
Вымочим девушек-ягодниц,
Вымочим их, да и высушим.
Лель, мой Лель! Лели-лели, Лель!

.....

Явление второе

Лель, Снегурочка.

Лель

Куда она девалась-запропала?
Купавушка! Да не она ли?

(Подходит к Снегурочке.)

Нет,
Снегурочка, одна, в слезах. О чем
Тоскуешь ты?..

.....

Снегурочка

Ужли тебе не жалко
Сиротку так обидеть?

Лель

Я не знаю,
Какую ты нашла обиду.

Снегурочка

Как же?
Красавица Снегурочка иль нет?

Лель

Красавица.

Снегурочка

А ты берешь Купаву,
Ведешь к царю, целуешь. Разве лучше
Снегурочки Купава? Вот обида,
Какой забыть нельзя.

Лель

(обнимая Снегурочку)

За что сердиться,
Снегурочка? Не дорог поцелуй
При всем честном народе, втихомолку
Ценнее он и слаще.

Снегурочка

Я не верю.
Не сладко мне украдкой целоваться.
Подумай ты, когда теперь дождешься,
Чтоб царь велел из всех девиц-красавиц
Красавицу поставить напоказ!

.....

Лель, Купава, Снегурочка.

Купава

Голубчик сизокрылый!
Тепло мое сердечко, благодарной
Навек тебе останусь; ты от сраму,
От жгучих игл насмешки и покров
Купаве спас девическую гордость.
При всем честном народе поцелуем
Сравнил меня, забытую, со всеми.

Лель

Да разве я не знал, какое сердце
Куплю себе...

.....

Лель

Снегурочка, подслушивай почаще
Горячие Купавы речи! Время
Узнать тебе, как сердце говорит,
Когда оно любовью загорится.
Учись у ней любить и знай, что Лелю
Не детская любовь нужна. Прощай!

(Убегает с Купавой.)

Снегурочка

...О мать, Весна-Красна!
Бегу к тебе и с жалобой и с просьбой:
Любви прошу, хочу любить! Отдай
Снегурочке девичье сердце, мама!
Отдай любовь иль жизнь мою возьми.

Вопросы и задания

►1. Почему Лель, которому нравилась Снегурочка, все же выбирает Купаву?

»1. Почему Купава понимает и оценивает поступок Леля?

2. Почему Лель советует Снегурочке учиться у Купавы?

»»1. Как вы прокомментируете слова Купавы?

...а ты сплела венок,
Надела бус на шейку, причесалась,
Пригладилась – и запон^[2], и коты^[3]
Новехоньки, – тебе одна забота,
Как глупому ребенку, любоваться
На свой наряд, да забегать вперед,
Поодаль стать, – в глазах людей вертеться
И хвастаться обновками.

2. Не замечали ли вы такого поведения у своих знакомых? Права ли Купава в своей насмешке над таким поведением?

3. Перечитайте слова Леля, обращенные к Снегурочке:

...Время
Узнать тебе, как сердце говорит,
Когда оно любовью загорится.
Учись у ней любить и знай, что Лелю
Не детская любовь нужна. Прощай!

Почему именно эти слова заставили Снегурочку обратиться к матери с просьбой вернуть сердце и любовь?

<i>Действие четвертое</i>

ЛИЦА:

Царь Берендей.

Снегурочка.

Мизгирь.

Лель.

Весна-Красна.

Все берендеи, свита Весны, цветы.

Ярилина долина: слева (от зрителей) отлогая покатость, покрытая невысокими кустами; справа – сплошной лес; в глубине озеро, поросшее осокой и водяными растениями с роскошными цветами; по берегам цветущие кусты с повисшими над водой ветвями; с правой стороны озера голая Ярилина гора, которая оканчивается острою вершиной. Утренняя заря.

Явление второе

Снегурочка, потом Весна.

Снегурочка

(обращаясь к озеру)

Родимая, в слезах тоски и горя
Зовет тебя покинутая дочь.
Из тихих вод явись – услышать стоны
И жалобы Снегурочки твоей.

Из озера поднимается **Весна**, окруженная **цветами**.

Весна

Снегурочка, дитя мое, о чем
Мольбы твои? Великими дарами
Могу тебя утешить на прощанье.

.....

Чего тебе недостает?

Снегурочка

Люби!
Кругом меня все любят, все счастливы
И радостны; а я одна тоскую;
Завидно мне чужое счастье, мама.

.....

...Мучительную ревность
Узнала я, любви еще не зная.

.....

...О мама, дай любви!
Люби прошу, любви девичьей!

Весна

Дочка,
Забыла ты отцовы опасенья.
Любовь тебе погибель будет.

Снегурочка

Мама,
Пусть гибну я, любви одно мгновенье
Дороже мне годов тоски и слез.

.....

Весна садится на траву. **Снегурочка** подле нее. **Цветы** окружают их.

(Надевает венок на голову Снегурочки)

Ах, мама, что со мной? Какой красую
Зеленый лес оделся! Берегами
И озером нельзя налюбоваться.
Вода манит, кусты зовут меня
Под сень свою; а небо, мама, небо!
Разлив зари зыбучими волнами
Колышется.

Весна

Снегурочка, прощай,
Дитя мое!..

.....

...С первой встречи
Счастливица ты даришь любовью, кто бы
Ни встретился тебе. Но, радость-дочка,
Таи любовь от глаз Ярила-Солнца...

<i>Явление третье</i>

Снегурочка, Мизгирь.

Мизгирь

Снегурочка!

Снегурочка

Ах, встреча!

Мизгирь

Снегурочка, мои слабеют силы,
Всю ночь ловлю тебя. Остановись!
Боишься ты?

Снегурочка

О нет, Мизгирь, не страхом
Полна душа моя...

Мизгирь

(обнимая ее)

Жадным слухом
Ловлю твои слова, боюсь поверить
Блаженству я, Снегурочка.

.....

<i>Явление четвертое</i>

Снегурочка, Мизгирь, царь Берендей, Лель и весь народ.
Все с ожиданием смотрят на восток...

Голоса из народа

О, диво! полюбила
Снегурочка!

Царь

Охотой ли, девица

Снегурочка, вручаешь жениху
Судьбу свою? С твоей рукою вместе
Даешь ли ты любовь ему?

Снегурочка

О царь!
Спроси меня сто раз, сто раз ответчу,
Что я люблю его...

Яркий луч солнца прорезывает утренний туман и падает на Снегурочку.

...Люблю и таю, таю
От сладких чувств любви! Прощайте, все
Подруженьки, прощай, жених! О милый,
Последний взгляд Снегурочки тебе.

(Таит.)

Мизгирь

Снегурочка, обманщица, живи,
Люби меня!..

(Убегает на Ярилину гору и бросается в озеро.)

Царь

Снегурочки печальная кончина
И страшная гибель Мизгиря
Тревожить нас не могут; Солнце знает,
Кого карать и миловать. Свершился
Правдивый суд! Мороза порожденье —
Холодная Снегурочка погибла.
Пятнадцать лет она жила меж нами,
Пятнадцать лет на нас сердилось Солнце.
Теперь, с ее чудесною кончиной,
Вмешательство Мороза прекратилось.
Изгоним же последний стужи след
Из наших душ и обратимся к Солнцу.

Пьеса завершается общим хором, славящим Солнце.

►1. Зачем Весна стремилась поселить свою дочку среди берендеев? На что она рассчитывала?

2. Почему Мороз предвидел, что с его любимой дочкой случится беда? Как он стремился обезопасить ее жизнь среди людей?

►►1. Опишите характер Снегурочки, не забывая ни ее достоинств, ни недостатков.

2. Что в судьбе Снегурочки изменила встреча с Мизгирем?

►►►1. Как встречают появление Ярилы Снегурочка и Мизгирь? Что отличает их чувства?

2. Почему гибель Снегурочки и Мизгиря не нарушили праздника берендеев? Найдите слова царя Берендея из финала пьесы, свидетельствующие об этом.

3. Почему «Снегурочка» названа «весенней сказкой»? Как она отражает пробуждение природы?

4. Как «весенняя сказка» Островского связана с известными вам преданиями, сказками и обрядами?

5. Прослушайте оперу Н. А. Римского-Корсакова «Снегурочка» и оцените знаменитую песню Леля из этой оперы («Туча со громом сговаривалась...»). Как она помогает вам понять героев «весенней сказки»?

Мир вещей далекого прошлого

У каждой эпохи свои приметы: здания, одежда, предметы быта. Вещи стареют вместе со своим временем. Бывает так, что археологи, которые ведут раскопки древних цивилизаций, не могут определить, как использовался и зачем был нужен какой-то найденный ими предмет.

Облик города или даже маленькой деревни во многом определяется местом, на котором они расположены. Так, Москва стоит на семи холмах, а есть города, раскинувшиеся в долинах между гор. Лицо любого населенного пункта определяется и архитектурой зданий, которые характерны для той или иной эпохи. Только то, что знакомо, мы легко можем себе представить. Мишка Нахалёнок из «Донских рассказов» Шолохова, который видел только одноэтажные избы, представлял себе большой город: раз дома в нем высокие, значит, это изба стоит на избе, а на той – еще изба...

Культурный человек сразу отличит архитектурный облик Средневековья от облика современного города. Человечество бережет приметы ушедшего времени. На старинных постройках вы видите специальные охранные надписи.

В домах любого времени есть комнаты разного назначения с набором привычных вещей. Эти столы и стулья, шкафы и кровати, занавески и светильники составляют **интерьер – внутреннее убранство комнаты, кабинета, столовой, прихожей, вообще любого помещения.**

Мир вещей несет на себе приметы времени.

Вопросы и задания

►1. Как вы представляете себе мир вещей, которые окружают нас в сказках? Назовите те предметы, которые вы первыми вспомнили.

2. Опишите те приметы времени, которые вы видели на иллюстрациях В. М. Васнецова, И. Я. Билибина.

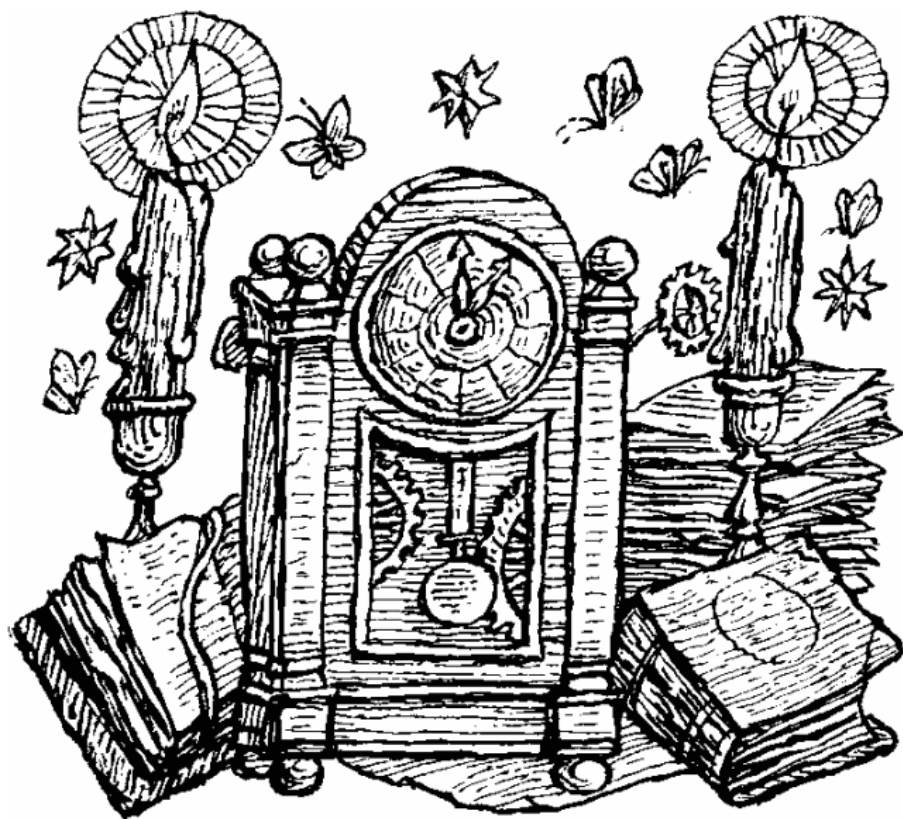
3. Что отличает мир былин от сказочного мира? Опишите снаряжение и вооружение былинного богатыря, которые вы встречали в тексте былин или на репродукциях картин.

4. Какие приметы Средневековья находим мы в описаниях былин?

►►1. Какие вещи, которые употреблялись в далеком прошлом, дожили до наших дней?

►►►1. Составьте словарь вещей и предметов, которые вы найдете на страницах любого из произведений о далеком прошлом. Отметьте в нем те вещи и предметы, которые уцелели в нашем быту до настоящего времени.

Литература XIX века

В. А. Жуковский, С. Т. Аксаков, И. А. Крылов, В. Ф. Одоевский,
А. С. Пушкин, М. Ю. Лермонтов, И. С. Тургенев, Н. А. Некрасов,
Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, А. П. Чехов, Н. Г. Гарин-
Михайловский

Незабываемый мир детства и отрочества

Всего один двадцатый век отделяет нас от века девятнадцатого, который иногда называют «железным». Нам знакомы писатели этого века и понятны судьбы людей, о которых они повествуют. В этом веке возникла специальная литература для детей и юношества: дети и подростки получили свою собственную литературу.

Конечно, и раньше на страницах художественной литературы появлялись герои разных возрастов. Но теперь молодые герои стали главными героями. Во множестве автобиографических произведений, которыми богат XIX век, именно подросток – герой повествования об отрочестве. У писателей, которые делятся с нами воспоминаниями о своей «пустыне отрочества», были разные судьбы. Но у всех есть одно общее качество – они с нежностью и уважением вспоминают начало своей жизни. При этом им дороги не только удачи и маленькие, в масштабах возраста, победы, но даже ошибки и неудачи.

Рассказы о жизни людей этого века, в том числе и

подростков, пройдут перед вами и дадут представление о целой эпохе жизни людей в России и за ее пределами.

Василий Андреевич Жуковский (1783–1852)

В Третьяковской галерее в Москве есть портрет Василия Андреевича Жуковского, созданный в 1816 году знаменитым художником Орестом Кипренским.

На этом портрете мы видим молодого сочинителя на фоне пейзажа: башни средневекового замка, ненастное облачное небо. Картина написана в духе того времени – портрет, созданный Кипренским, отражает поэтические мотивы творчества Жуковского. Грустью наполнены и лирические произведения Жуковского – поэта-романтика. Он часто обращался к картинам средневековья и ярким образам фольклора.

Поэзия Жуковского была популярна среди современников. Его стихи пронизаны удивительной музыкальностью. Пушкин писал:

Его стихов пленительная сладость
Пройдет веков завистливую даль,
И, внемля им, вздохнет о славе младость,
Утешится безмолвная печаль
И резвая задумается радость.

Много мелких деталей сохранила память современников о жизни и облике Жуковского, о его доброте и желании помочь в беде друзьям и совершенно чужим людям.

Особенно доброжелательно относился поэт к детям, обладая несомненным педагогическим талантом. Много лет Василий Андреевич был воспитателем и наставником будущего царя Александра II. Он следил за его образованием и помогал в решении многих жизненных проблем. И когда в Царском Селе царским детям был подарен остров на одном из озер, они «насадили деревьев и цветов, выстроили кирпичный домик, сделали для него мебель. И уже позже, взрослым, Александр поставил туда бюст Жуковского – в воспоминание о счастливых днях детства». Так пишет об этом периоде жизни Жуковского писатель XX века Борис Зайцев.

У Василия Андреевича Жуковского было драгоценное качество – доброта. С юных лет он был таким доброжелательным человеком, что те люди, которые были рядом с ним, становились его верными друзьями. И тема дружбы постоянно звучала в его

произведениях.

Прочтите его стихотворение, которое так и называется «Дружба».

Дружба

Скатившись с горной высоты,
Лежал на прахе дуб, перунами разбитый;
А с ним и гибкий плющ, кругом его обвитый...
О Дружба, это ты!

Наверное, это произведение можно назвать и стихотворением, и притчей: даже ученикам понятна его аллегория. Как гибкий плющ обвивал ствол и ветви мощного дуба, когда тот был в расцвете сил, так он остался вместе с ним и тогда, когда дуб оказался накануне гибели. Как бы мы ни определили жанр этого произведения, оно говорит о преданной дружбе.

Умея преданно дружить, поэт, даже обращаясь к картинам природы, всегда связывал с ней это благородное свойство, которое было одной из важнейших тем его творчества.

Так в своей элегии, грустном по настрою стихотворении «Вечер», рисуя поэтические картины летнего вечера, он прежде всего и более всего вспоминает о дружбе:

Где вы, мои друзья, вы, спутники мои?
Ужели никогда не зреть соединенья?
.....
Где клятвы, данные природе,
Хранить с огнем души нетленность братских уз?
И где же вы, друзья?..
.....

Картины природы, неразрывно связанные с темой дружбы, вы часто встретите в стихах Жуковского, как и в стихах Пушкина.

Вот строфы из того же стихотворения «Вечер», которые вошли в оперу П. И. Чайковского по повести А. С. Пушкина «Пиковая дама».

Уж вечер... облаков померкнули края,
Последний луч зари на башнях умирает;

Последняя в реке блестящая струя
С потухшим небом угасает.

Все тихо: рощи спят; в окрестности покой;
Простершись на траве под ивой наклоненной,
Внимаю, как журчит, сливался с рекой,
Поток, кустами осененный!

Как слит с прохладой растений фимиам!
Как сладко в тишине у берега струй плесканье!
Как тихо веянье зефира по водам
И гибкой ивы трепетанье!

Баллада

Давайте познакомимся теперь с жанром баллады. Вспомним, что баллада развилась из народной плясовой песни, распространенной во Франции, а затем в Италии. Широкое развитие получили исторические баллады в Англии и Германии. Многие русские поэты XIX и XX веков обращались к жанру баллады.

Баллада – лироэпическое стихотворное произведение с ярко выраженным сюжетом исторического или бытового характера, в котором часто используются темы и герои из мифов.

Почитайте баллады Жуковского – поэтические произведения на сюжеты исторических событий или легенд и преданий. Они часто рассказывают о битвах и гибели героев, об их смертельных схватках с врагами... Как правило, герои баллады – смелые, неподкупные и благородные люди – вызывают сочувствие и восхищение читателей. Это действительно герои в настоящем смысле этого слова. Нас привлекают их облик, поступки и то, как они следуют велениям своей чести.

«Кто, рыцарь ли знатный иль латник простой,
В ту бездну прыгнет с вышины?
Бросаю мой кубок туда золотой:
Кто сыщет во тьме глубины
Мой кубок и с ним возвратится безвредно,
Тому он и будет наградой победной».

Так царь возгласил, и с высокой скалы,
Висевшей над бездной морской,
В пучину бездонной, зияющей мглы
Он бросил свой кубок златой.
«Кто, смелый, на подвиг опасный решится?
Кто сыщет мой кубок и с ним возвратится?»

Но рыцарь и латник недвижно стоят;
Молчанье – на вызов ответ;
В молчанье на грозное море глядят;
За кубком отважного нет.
И в третий раз царь возгласил громогласно:
«Отыщется ль смелый на подвиг опасный?»

И все безответны... вдруг паж молодой
Смиренно и дерзко вперед;
Он снял епанчу^[4], и снял пояс он свой;
Их молча на землю кладет...
И дамы, и рыцари мыслят, безгласны:
«Ах! юноша, кто ты? Куда ты, прекрасный?»

И он подступает к наклону скалы,
И взор устремил в глубину...
Из чрева пучины бежали валы,
Шумя и гремя, в вышину;
И волны спирались, и пена кипела:
Как будто гроза, наступая, ревела.

И воет, и свищет, и бьет, и шипит,
Как влага, мешаясь с огнем,
Волна за волною; и к небу летит
Дымящимся пена столбом;
Пучина бунтует, пучина клокочет...
Не море ль из моря извергнуться хочет?

И вдруг, успокоясь, волнение легло;
И грозно из пены седой
Разинулось черною щелью жерло;
И воды обратно толпой
Помчались во глубь истощенного чрева;
И глубь застонала от грома и рева.

И он, упредя разъяренный прилив,
Спасителя-Бога призвал...
И дрогнули зрители, все возопив, —
Уж юноша в бездне пропал.
И бездна таинственно зев свой закрыла:
Его не спасет никакая уж сила.

Над бездной утихло... в ней глухо шумит...
И каждый, очей отвести
Не смея от бездны, печально твердит:
«Красавец отважный, прости!»
Все тише и тише на дне ее воет...

И сердце у всех ожиданием ноет.

«Хоть брось ты туда свой венец золотой,
Сказав: *кто венец возвратит*,
Тот с ним и престол мой разделит со мной! —
Меня твой престол не прельстит.
Того, что скрывает та бездна немая,
Ничья здесь душа не расскажет живая.

Немало судов, закруженных волной,
Глотала ее глубина:
Все мелкой назад вылетали щепой
С ее неприступного дна...»
Но слышится снова в пучине глубокой
Как будто роптанье грозы недалекой.

И воет, и свищет, и бьет, и шипит,
Как влага, мешаясь с огнем,
Волна за волною; и к небу летит
Дымящимся пена столбом...
И брызнул поток с оглушительным ревом,
Извергнутый бездны зияющим зевом.

Вдруг... что-то сквозь пену седой глубины
Мелькнуло живой белизной...
Мелькнула рука и плечо из волны...
И борется, спорит с волной...
И видят – весь берег потрясся от клича —
Он левою правит, а в правой добыча.
И долго дышал он, и тяжело дышал,
И Божий приветствовал свет...
И каждый с весельем: «Он жив! – повторял. —
Чудеснее подвига нет!
Из темного гроба, из пропасти влажной
Спас душу живую красавец отважный».

Он на берег вышел; он встречен толпой;
К царевым ногам он упал;
И кубок у ног положил золотой;
И дочери царь приказал
Дать юноше кубок с струей винограда;
И в сладость была для него та награда.

«Да здравствует царь! Кто живет на земле,

Тот жизнью земной веселись!
Но страшно в подземной таинственной мгле...
И смертный пред Богом смиришь:
И мыслью своей не желай дерзновенно
Знать тайны, им мудро от нас сокровенной.

Стрелою стремглав полетел я туда...
И вдруг мне навстречу поток;
Из трещины камня лилася вода;
И вихорь ужасный повлек
Меня в глубину с непонятною силой...
И страшно меня там кружило и било.

Но Богу молитву тогда я принес,
И Он мне спасителем был:
Торчащий из мглы я увидел утес
И крепко его обхватил;
Висел там и кубок на ветви коралла:
В бездонное влага его не умчала.

И смутно все было внизу подо мной
В пурпуровом сумраке там,
Все спало для слуха в той бездне глухой;
Но виделось страшно очам,
Как двигались в ней безобразные груды,
Морской глубины несказанные чуды.

Я видел, как в черной пучине кипят,
В громадный свиваяся клуб:
И млат водяной, и уродливый скат,
И ужас морей однозуб;
И смертью грозил мне, зубами сверкая,
Мокой^[5] ненасытный, гиена морская.

И был я один с неизбежной судьбой,
От взора людей далеко;
Один меж чудовищ с любящей душой,
Во чреве земли, глубоко
Под звуком живым человеческого слова,
Меж страшных жильцов подземелья немова.

И я содрогался... вдруг слышу: ползет
Стоногое грозно из мглы,
И хочет схватить, и разинулся рот...

Я в ужасе прочь от скалы!..
То было спасеньем: я схвачен приливом
И выброшен вверх водомета порывом».

Чудесен рассказ показался царю:
«Мой кубок возьми золотой;
Но с ним я и перстень тебе подарю,
В котором алмаз дорогой,
Когда ты на подвиг отважишься снова
И тайны все дна перескажешь морскова».

То слыша, царица с волненьем в груди,
Краснея, царю говорит:
«Довольно, родитель, его пощади!
Подобное кто совершит?
И если уж должно быть опыту снова,
То рыцаря вышли, не пажа молодого».

Но царь, не внимая, свой кубок златой
В пучину швырнул с высоты:
«И будешь здесь рыцарь любимейший мой,
Когда с ним воротишься ты;
И дочь моя, ныне твоя предо мною
Заступница, будет твоею женою».

В нем жизнью небесной душа зажжена;
Отважность сверкнула в очах;
Он видит: краснеет, бледнеет *она*;
Он видит: в *ней* жалость и страх...
Тогда, неописанной радостью полный,
На жизнь и погибель он кинулся в волны...

Утихнула бездна... и снова шумит...
И пеною снова полна...
И с трепетом в бездну царица глядит...
И бьет за волною волна...
Приходит, уходит волна быстротечно:
А юноши нет и не будет уж вечно.

Вопросы и задания

- 1. Почему царь предлагал своим подданным

нырнуть за кубком? Какие чувства он вызывал у них этим предложением?

2. Почему молодой паж решился на такой отчаянный поступок?

»1. Прочитайте рассказ пажа, вернувшегося из морской бездны. Как вы охарактеризуете самого рассказчика?

2. Почему царь вновь посылает пажа за кубком – явно на верную смерть?

3. Что заставило пажа выполнить и эту просьбу царя?

»»1. Прочтите еще раз последнюю строфу баллады. Какое чувство владеет автором? Он бунтует против несправедливости или смирился с ней? Попробуйте порассуждать на эту тему.

2. Оцените рифмы первой строфы баллады:

...простой,
...вышины?
...золотой:
...глубины
...безвредно,
...победной.

Определите, как рифмуются строки, найдите точные и неточные рифмы.

3. Почему баллада названа «Кубок»?

Лесной царь
(В. А. Жуковский)

Жуковский перевел балладу Гёте, которая была обработкой немецкой народной баллады. Так один сюжет дал возможность создать несколько разных и очень интересных произведений. Мрачное и драматичное повествование знакомит нас с трагической историей гибели ребенка, которого не удастся спасти его отцу. Мальчик был напуган тем, что было вокруг: ему чудились сказочные существа, он слышал необычные страшные звуки. Отцу не удалось уберечь сына от грозного ночного мира, который окружал скачущего всадника, и мальчик погиб от ужаса, который охватил его при встрече с тем, чего он не в силах был

понять. Мы не можем сказать, по чьей вине погиб ребенок, был ли лесной царь тому виной, или он привиделся мальчику в бреду болезни, но автор заставляет нас испытывать вместе с отцом скорбь по поводу этой гибели.

Кто скачет, кто мчится под холодной мглой?
Ездок запоздалый, с ним сын молодой.
К отцу, весь издрогнув, малютка приник;
Обняв, его держит и греет старик.

– Дитя, что ко мне ты так робко прильнул?
– Родимый, лесной царь в глаза мне сверкнул;
Он в темной короне, с густой бородой.
– О нет, то белеет туман над водой.

«Дитя, оглянися; младенец, ко мне;
Веселого много в моей стороне:
Цветы бирюзовы, жемчужны струи;
Из золота слиты чертоги мои».

– Родимый, лесной царь со мной говорит:
Он золото, перлы и радость сулит.
– О нет, мой младенец, ослышался ты:
То ветер, проснувшись, колыхнул листья.

«Ко мне, мой младенец; в дуброве моей
Узнаешь прекрасных моих дочерей:
При месяце будут играть и летать,
Играя, летая, тебя усыплять».

– Родимый, лесной царь созвал дочерей:
Мне, вижу, кивают из темных ветвей.
– О нет, все спокойно в ночной глубине:
То ветлы седые стоят в стороне.

«Дитя, я пленился твоей красотой:
Неволей иль волей, а будешь ты мой».
– Родимый, лесной царь нас хочет догнать;
Уж вот он: мне душно, мне тяжело дышать.

Ездок оробелый не скачет, летит;
Младенец тоскует, младенец кричит;
Ездок погоняет, ездок доскакал...
В руках его мертвый младенец лежал.

Вопросы и задания

►1. Назовите героев этой баллады. Как проходила ночная скачка отца и сына «под холодной мглой»?

2. Сколько участников в беседе мальчика и лесного царя?

►►1. Опишите лесного царя, каким он представляется больному мальчику.

2. Убеждают ли вас попытки отца объяснить то, что видит мальчик, явлениями природы?

►►►1. Мальчик в стихотворении сначала назван «сын молодой», затем «малютка», «дитя» (дважды) и «младенец» (шесть раз!). Так его называют и автор, и отец, и лесной царь. Как объяснить такое обилие определений?

2. Почему баллада названа «Лесной царь»?

3. Что проще – пересказать балладу или ее заучить? Почему? Сделайте свой выбор и перескажите балладу или прочтите ее наизусть.

Сергей Тимофеевич Аксаков (1791–1859)

Сергей Тимофеевич Аксаков родился в старинной дворянской семье. Детство провел в Уфе и в родовом имении Ново-Аксаково Оренбургской губернии. Учился в Казани, сначала в гимназии, затем в университете. Аксаков жил в Петербурге, Москве и в подмосковной усадьбе Абрамцево (сейчас там литературно-художественный музей). Служил в Комиссии по составлению законов и Московском цензурном комитете.

В памяти потомков Аксаков останется как переводчик, театральный и литературный критик и прежде всего самобытный писатель.

В 1834 году был опубликован очерк «Буря», который считают предвестием автобиографической прозы Аксакова. Затем были созданы «Записки об ужении рыбы», «Записки ружейного охотника Оренбургской губернии» и «Рассказы и воспоминания охотника о разных охотах». Так создалась своеобразная «охотничья» трилогия, в которой писатель сочетал «дельные охотничьи заметки и наблюдения, живописные картины природы,

интересные анекдоты и поэзию», как отмечал Н. А. Некрасов.

Главное место в творчестве С. Т. Аксакова занимают автобиографические произведения – «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука».

Детские годы Багрова-внука (Фрагмент)

(С. Т. Аксаков)

При первом удобном случае начал я читать арабские сказки, надолго овладевшие моим горячим воображением. Все сказки мне нравились; я не знал, которой отдать преимущество! Они возбуждали мое детское любопытство, приводили в изумление неожиданностью диковинных приключений, воспаляли мои собственные фантазии. Гении, заключенные то в колодезе, то в глиняном сосуде, люди, превращенные в животных, очарованные рыбы, черная собака, которую сечет прекрасная Зобеида и потом со слезами обнимает и целует... сколько загадочных чудес, при чтении которых дух занимался в груди! С какою жадностью, с каким ненасытным любопытством читал я эти сказки, и в то же время я знал, что все это выдумка, настоящая сказка, что этого нет на свете и быть не может. Где же скрывается тайна такого очарования? Я думаю, что она заключается в страсти к чудесному, которая более или менее врождена всем детям и которая у меня исключительно не обуздывалась рассудком. Мало того, что я сам читал по обыкновению с увлечением и с восторгом, – я потом рассказывал сестрице и тетушке читанное мной с таким горячим одушевлением и, можно сказать, самозабвением, что, сам того не примечая, дополнял рассказы Шехеразады многими подробностями своего изобретенья и говорил обо всем, мною читанном, точно как будто сам тут был и сам все видел. Возбудив внимание и любопытство моих слушательниц и удовлетворяя их желанью, я стал перечитывать им вслух арабские сказки – и добавления моей собственной фантазии были замечены и обнаружены тетушкой и подтверждены сестрицей. Тетушка часто останавливала меня, говоря: «А как же тут нет того, что ты нам рассказывал? стало быть, ты все это от себя выдумал? Смотри, пожалуй, какой ты хвастун! тебе верить нельзя». – Такой приговор очень меня озадачил и заставил задуматься. Я был тогда очень правдивый мальчик и терпеть не мог лжи; а здесь я сам видел, что точно прилгал много на Шехеразаду. Я сам был удивлен, не находя в книге того, что, казалось мне, я читал в ней и что совершенно утвердилось в моей голове. Я стал осторожнее и наблюдал за собой, покуда не разгорячался; в горячности же я забывал все, и мое пылкое воображение вступало в безграничные

свои права.

Вопросы и задания

►1. Почему все сказки «Тысячи и одной ночи» нравились Сереже?

2. Какие «загадочные чудеса» его особенно привлекали? Назовите некоторые из них.

►►1. Как Сережа пересказывал эти сказки своим родным? Что он особенно подчеркивал в своих пересказах?

2. Почему, когда он стал читать эти сказки вслух, тетушка и сестрица заметили их отличие от его пересказов?

►►►1. В чем, как кажется автору, «тайна очарования» этих волшебных сказок?

2. Как вы объясните, почему Сережа, «сам того не примечая, дополнял рассказы Шехеразеды многими подробностями своего изобретения»?

3. Сережа «говорил обо всем... точно как будто сам тут был и сам все видел». Бывает ли и с вами такое состояние при пересказе интересной книги?

Герой литературного произведения как читатель

Каждый писатель, конечно, бывает активным читателем. Бывает и так, что мы узнаем о чтении писателя, когда знакомимся с его дневниками. Так Лев Толстой, вспоминая о своем детском чтении, составил списки произведений, которые оказали на него самое большое влияние. Первый список касается возраста до 14 лет.

«Детство до 14-ти лет или около того.

История Иосифа из Библии	огромное
Сказки тысячи одной ночи: 40 разбойников, Принц Камаральзаман	большое
«Черная курица» Погорельского	очень большое
Русские былины: Добрыня Никитич, Илья Муромец, Алеша Попович	огромное
Народные сказки	огромное
Стихи Пушкина: Наполеон	большое»

С. Т. Аксаков, как вы теперь знаете, рассказывает о своем детском чтении в автобиографическом произведении «Детские годы Багрова-внука». Но мы часто встречаемся с литературными героями-читателями и в книгах о вымышленных героях. Наверное, у вас нет сомнений, что Том Сойер прочел много книг, которые помогали его буйной фантазии, и в том, что Аня попала в Страну чудес прежде всего потому, что была увлеченной читательницей.

Вспоминая литературных героев-читателей, вы замечаете за ними способность, которую с таким удивлением описал Сережа Багров – он стремился дополнять рассказы автора «многими подробностями своего изобретения». Тетушка и сестричка очень

стыдили его за это и называли хвастуном, да и сам Сережа был удивлен этим обстоятельством, зная точно, что «был тогда очень правдивый мальчик и терпеть не мог лжи». Но даже тщательное наблюдение за собой ему не помогало. Он так пишет об этом состоянии: «Я стал осторожнее и наблюдал за собой, покуда не разгорячался; в горячности же я забывал все, и мое пылкое воображение вступало в безграничные свои права». Так мы узнаем, каким читателем был литературный герой. Наблюдения за тем, как читают литературные герои, помогут отточить ваше собственное мастерство читателя.

Вопросы и задания

►1. Припомните «Правила для читателя». Как они помогают вам организовать собственное чтение?

2. Назовите таких литературных героев, которым вы хотели бы подражать в своем чтении.

►►1. Дайте характеристику Сережи Багрова как читателя.

2. Оцените Аню в Стране чудес как читательницу.

►►►1. Расскажите о том, каким вы представляете себе идеального читателя.

2. Как вы считаете, способность добавлять свои выдумки к тому, что вы прочли в книге, – это достоинство или недостаток читателя?

Буран (С. Т. Аксаков)

Ни облака на туманном беловатом небе, ни малейшего ветра на снежных равнинах. Красное, но неясное солнце своротило с невысокого полдня к недалекому закату. Жестокий крещенский мороз сковал природу, сжимал, палил, жег все живое. Но человек улаживается с яростью стихий; русский мужик не боится мороза.

Небольшой обоз тянулся по узенькой, как ход крестьянских саней, проселочной неторной дорожке, или, лучше сказать, – следу, будто недавно проложенному по необозримым снежным пустыням. Пронзительно, противно для непривычного уха скрипели, визжали полозья. Одетые в дубленые полушубки, тулупы и серые суконные зипуны, нахлобученные башкирскими глухими малахаями, весело бежали мужики за своими возами.

Запущенные инеем, обмерзшие ледяными сосульками, едва разекая рты, из которых белый дым вылетал, как из пушки при выстреле, и не скоро расходился, – они шутили, припрыгивали, боролись, толкали, будто невзначай, друг друга с узенькой тропинки в глубокий сугроб; столкнутый долго барахтался и не скоро вылезал из мягкого снегового пуха на твердую дорогу. Тут-то сыпались русские остроуты, по природе русского человека, всегда одетые в фигуру иронии. «Не больно болтай, – говорил один другому, – язык обожжешь: вишь зной какой, так и палит!» – «Шути, шути, – отвечал другой, – самого-то цыганский пот прошибает!» Все хохотали. Так греются на морозе дух и тело русского мужичка.

Подвигаясь скорым шагом, а под изволок и рысью, обоз поднялся на возвышение и въехал в березовую рощу – единственный лесок на большом степном пространстве. Чудное, печальное зрелище представляла бедная роща! Как будто ураган или громовые удары тешили над нею долгое время: так все было исковеркано. Молодые деревья, согнутые в разнообразные дуги, увязили гибкие вершины свои в сугробах и как будто силились вытащить их. Деревья постарее, пополам изломанные, торчали высокими пнями, а иные, разодранные надвое, лежали, развываясь на обе стороны. «Что за чертовщина! – сказал молодой мужик, – какой леший исковеркал березник?» – «Не леший, а иней, – отвечал старик, – глядь-ка, сколько его нальнуло к сучьям... тяга смертная! Ведь под инеем-то лед, толщиной в руку, и все к одной стороне, все к полуночи. Это бывает после оттепелей, случается не каждый год и вещует урожай: хлеба будет вволю». – «Да куда с ним деваться?..» – подхватил молодой крестьянин и хотел продолжать, но старик, с некоторого времени внимательно озиравшийся на все стороны, с прищуренным глазом припадавший к дороге, сурово крикнул: «Полно калякать, ребята. До умета^[6] далеко, ночь близка, дело негоже. Бери вожжи, садись погоняй лошадей!..» Безмолвно повиновались строгому голосу старика, умудренного годами опытов, пронизательный взор которого провидел в ясности тьму, в тишине бурю. Все трусили, хотя ничего страшного не видали. Проворно повскакали на воза, крикнули, тронули вожжами мочальные оброты^[7] невзнузданных лошадей, и обоз, выбравшись из рощи на покатуую равнину, побежал шибкою рысью.

Все по-прежнему казалось ясно на небе и тихо на земле. Солнце склонялось к западу и, косыми лучами скользя по необозримым громадам снегов, одевало их бриллиантовой корою, а изуродованная налипнувшим инеем роща, в снеговом и ледяном своем уборе, представляла издали чудные и

разновидные обелиски, осыпанные также алмазным блеском. Все было великолепно... Но стаи тетеревов вылетали с шумом из любимой рощи искать себе ночлега на высоких и открытых местах; но лошади храпели, фыркали, ржали и как будто о чем-то перекликались между собою; но беловатое облако, как голова огромного зверя, выплывало на восточном горизонте неба; но едва заметный, хотя и резкий, ветерок потянул с востока к западу – и, наклонясь к земле, можно было заметить, как все необозримое пространство снеговых полей бежало легкими струйками, текло, шипело каким-то змеиным шипеньем, тихим, но страшным! Знакомые с бедою обозы знали роковые приметы, торопились доезжать до деревень или уметов, сворачивали в сторону в ближнюю деревню с прямой дороги, если ночлег был далеко, и не решались на новый переезд даже немногих верст. Но горе неопытным, запоздавшим в таких безлюдных и пустых местах, где нередко, проезжая целые десятки верст, не встретишь жилья человеческого!

В таком именно положении находился незадолго перед сим веселый обоз, состоявший из осьмнадцати подвод и десятиерых возчиков. Они ехали с хлебом в Оренбург, где надеялись, продав свои деревенские избытки хотя недорогой ценою, взять из Илецкой Защиты каменной соли, которую иногда удается сбывать весьма выгодно на соседних базарах, если по распутице мало бывает подвозу. Они выезжали на большую Оренбургскую дорогу, перебивая поперек так называемый *Общий Сырт*, плоское возвышение, которое тянется к Яику, нынешнему Уральску, и по которому лежит известная яицкая казачья дорога. Хотя опытный старик приметил грозу заблаговременно, но переезд был длинен, лошади тощи, на кормежке обоз позамешкался, и беда пришла неминуемая...

Быстро поднималось и росло белое облако с востока, и когда скрылись за горой последние бледные лучи закатившегося солнца – уже огромная снеговая туча заволокла большую половину неба и посыпала из себя мелкий снежный прах; уже закипели степи снегов; уже в обыкновенном шуме ветра слышался иногда как будто отдаленный плач младенца, а иногда вой голодного волка. «Поздно, ребята! – закричал старик. – Стой! нечего гнать и мучить понапрасну лошадей. Поедем шагом. Если не собьемся с дороги, авось Бог помилует. Петрович, – сказал он, оборотясь к высокому плотному мужику, также немолодому, – поезжай сзади: твой гнедко хоть не боек, зато нестомчив, не отстанет, да и ты не задремлешь. Гляди в оба, чтобы кто не отстал да в сторону по дровяной или сенной дороге не отбился, а я поеду передовым!» С большим трудом перетаскивали стариков воз вперед, а лошадь

Петровича, столкнув с дороги в сторону, объехали, потом вытащили ее из сугроба, и Петрович стал задним. Старик снял рысий малахай^[8], выменянный у башкирского кантонного^[9] старшины на жирную молодую лошадь, в осеннюю гололедицу переломившую ногу, помолился Богу и, сев на воз: «ну, серко! – сказал хотя невеселым, но твердым голосом, – выручал ты меня не один раз, послужи и теперь, не сшибись с дороги...» – и обоз поехал шагом.

Снеговая белая туча, огромная, как небо, обтянула весь горизонт и последний свет красной, погорелой вечерней зари быстро задернула густою пеленою. Вдруг настала ночь... наступил буран со всей яростью, со всеми своими ужасами. Разыгрался пустынный ветер на приволье, взрыл снеговые степи, как пух лебяжий, вскинул их до небес... Все одел белый мрак, непроницаемый, как мрак самой темной осенней ночи! Все слилось, все смешалось: земля, воздух, небо превратились в пучину кипящего снежного праха, который слепил глаза, занимал дыхание, ревел, свистал, выл, стонал, бил, трепал, вертел со всех сторон, сверху и снизу, оббивался, как змей, и душил все, что ему ни попадалось.

Сердце падает у самого неробкого человека, кровь стынет, останавливается от страха, а не от холода, ибо стужа во время буранов значительно уменьшается. Так ужасен вид возмущения зимней северной природы. Человек теряет память, присутствие духа, безумеет... и вот причина гибели многих несчастных жертв.

Долго тащился наш обоз с своими двадцатипудовыми возами. Дорогу заносило, лошади беспрестанно оступались. Люди по большей части шли пешком, увязали по колено в снегу; наконец, все выбились из сил; многие лошади пристали. Старик видел это, и хотя его серко, которому было всех труднее, ибо он первый прокладывал след, еще бодро вытаскивал ноги, старик остановил обоз. «Други, – сказал он, скликнув к себе всех мужиков, – делать нечего. Надо отдаться на волю Божью; надо здесь ночевать. Составим возы и распряженных лошадей вместе, кружком. Оглобли свяжем и поднимем вверх, оболочем их кошмами^[10], сядем под ними, как под шалашом, да и станем дожидаться свету Божьего и добрых людей. Авось не все замерзнем!»

Совет был странен и страшен; но в нем заключалось единственное средство к спасению. По несчастью, в обозе были люди молодые, неопытные. Один из них, у которого лошадь менее других пристала, не захотел послушаться старика. «Полно, дедушка! – сказал он. – Серко-то у тебя стал, так и нам околевать с тобой? ты уже пожил на белом свету, тебе все равно; а нам еще пожить хочется. До умета верст семь, больше не будет. Поедем,

ребята! Пусть дедушка останется с теми, у кого лошади совсем стали. Завтра, Бог даст, будем живы, воротимся сюда и откопаем их». Напрасно говорил старик, напрасно доказывал, что серко истомился менее других; напрасно поддерживал его Петрович и еще двое из мужиков: шестеро остальных на двенадцати подводах пустились далее.

Буран свирепел час от часу. Бушевал всю ночь и весь следующий день, так что не было никакой езды. Глубокие овраги делались высокими буграми... Наконец, стало понемногу затихать волнение снежного океана, которое и тогда еще продолжается, когда небо уже блесит безоблачной синевою. Прошла еще ночь. Утих буйный ветер, улеглись снега. Степи представляли вид бурного моря, внезапно оледеневшего... Выкатилось солнце на ясный небосклон; заиграли лучи его на волнистых снегах. Тронулись переждавшие буран обозы и всякие проезжие.

По самой этой дороге возвращался обоз порожняком из Оренбурга. Вдруг передний наехал на концы оглобель, торчащих из снега, около которых намело снеговой шиш, похожий на стог сена или на копну хлеба. Мужики стали разглядывать и заметили, что легкий пар повевал из снега около оглобель. Они смекнули делом; принялись отрывать чем ни попало и отрыли старика, Петровича и двоих их товарищей: все они находились в сонном, беспамятном состоянии, подобном состоянию сурков, спящих зиму в норах своих. Снег около них обтаял, и у них было тепло в сравнении с воздушной температурой. Их вытащили, положили в сани и воротились в умет, который точно был недалеко. Свежий, морозный воздух разбудил их; они стали двигаться, раскрыли глаза, но все еще были без памяти, как бы одурелые, без всякого сознания. В умете, не внося в теплую избу, растерли их снегом, дали выпить вина и потом уложили спать на полати. Проспавшись настоящим сном, они пришли в чувство и остались живы и здоровы.

Шестеро смельчаков, или, лучше сказать, глупцов, послушавшихся молодого удальца, вероятно, скоро сбились с дороги, по обыкновению принялись ее отыскивать, пробуя ногами, не попадется ли в мягком снегу жесткая полоса, разбрелись в разные стороны, выбились из сил – и все замерзли. Весною отыскивали тела несчастных в разнообразных положениях. Один из них сидел, прислонясь к забору того самого умета...

►1. Как изображен зимний день в Оренбургской степи? Дайте его описание.

2. Что помогает представить силу зимнего мороза в описаниях степной дороги и березовой рощи?

►►1. Почему зимняя степь предстает не как спокойное описание картины природы, а как рассказ о схватке человека с суровой природой?

2. Как удастся автору заставить нас понять, что приближается буря?

3. Проследите за изменением описания снеговой тучи.

►►►1. Опишите бурю, стараясь сохранить все детали, которые Аксаков использовал в своем рассказе.

2. Подготовьте выразительное чтение и выучите наизусть описание самых грозных моментов бурана.

Пейзаж. Мир природы вокруг нас

Стоит вспомнить о любом времени года, как на память нам приходят знакомые с дошкольного детства строки стихов. Будь это весна или осень, лето или зима, сразу же вспоминаются стихотворные строки и помогают нарисовать знакомую картину.

Знаем мы и о пристрастиях писателей. Так, мы знаем, что Пушкин очень любил осень, а Есенин – весну. И конечно, мы всегда замечаем такие пристрастия авторов при чтении.

В книгах, которые мы читаем, встречая героев и наблюдая за событиями их жизни, мы часто не задумываемся, зима или лето перед нами, лес или степь, улица города или околица деревни. И все-таки мы постоянно ощущаем фон событий, видим то, что окружает героев.

Писатели часто целиком посвящают страницы своих художественных произведений изображению природы.

Когда волнуется желтеющая нива...
(Михаил Юрьевич Лермонтов (1814–1841))

1

Когда волнуется желтеющая нива,
И свежий лес шумит при звуке ветерка,
И прячется в саду малиновая слива,
Под тенью сладостной зеленого листка;

2

Когда росой обрызганный душистой,
Румяным вечером иль утра в час златой
Из-под куста мне ландыш серебристый
Приветливо кивает головой;

3

Когда студеный ключ играет по оврагу
И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
Лепечет мне таинственную сагу
Про мирный край, откуда мчится он;

4

Тогда смиряется души моей тревога,
Тогда расходятся морщины на челе,
И счастье я могу постигнуть на земле,
И в небесах я вижу Бога!..

Стихотворение говорит о близости поэта и природы. Его четыре строфы объединены в одно предложение. Три части этого большого предложения рисуют картины природы, четвертая – убеждает нас, что мир вокруг прекрасен.

►1. Посмотрите, какие картины родной природы радуют поэта? Перечислите их.

2. Как объяснить, почему 4 части стихотворения поэт объединил в одно большое предложение?

►►1. Какими красками нарисован мир природы?

2. Три первые строфы стихотворения начинаются со слова «когда», и только в четвертой строфе поэт говорит нам «тогда». И что же мы видим «тогда»? Что помогает поэту убедить нас в том, что мир прекрасен?

►►►1. Как показал поэт свою любовь к родной природе и тесную связь с ней?

**Помню – долгий зимний вечер...
(Иван Алексеевич Бунин (1870–1953))**

Помню – долгий зимний вечер,
Полумрак и тишина;
Тускло льется свет лампы,
Буря плачет у окна.

«Дорогой мой, – шепчет мама, —
Если хочешь задремать,
Чтобы бодрым и веселым
Завтра утром быть опять, —

Позабудь, что воеет вьюга,
Позабудь, что ты со мной,
Вспомни тихий шепот леса
И полдневный летний зной;

Вспомни, как шумят березы,
А за лесом, у межи,
Ходят медленно и плавно
Золотые волны ржи!»

И знакомому совету
Я доверчиво внимал
И, обвеянный мечтами,

Забываться начинал.

Вместе с тихим сном сливалось
Убаюкивание грез —
Шепот зреющих колосьев
И невнятный шум берез...

Вопросы и задания

►1. Попробуйте рассказать о грустном зимнем вечере, который мама поэта так умело превратила в воспоминание о теплом лете. Сохраните при рассказе те приемы, которые использовал поэт.

►1. Какие приемы помогают почувствовать контраст между зимой и летом, грустным настроением и подсказанной мамой мечтой?

2. Какую роль играет повторение слова «позабудь» в ласковых уговорах матери?

►►1. Какие картины можно было бы нарисовать, читая строки этого стихотворения?

2. Что вы могли бы рассказать об отношениях матери и сына, прочитав это стихотворение?

3. Найдите рифмы в строках стихотворения. Все ли строки имеют рифмы?

4. Вспомните знакомые вам стихотворения Бунина. Какой из приемов, которыми он рисует мир окружающей природы, проявляется ярче всех других?

Белой ночью месяц красный...

(Александр Александрович Блок (1880–1921))

Белой ночью месяц красный
Выплывает в синеве.
Бродит призрачно-прекрасный,
Отражается в Неве.

Мне провидится и снится
Исполнение тайных дум.
В вас ли доброе таится,

Вопросы и задания

1. В какие цвета окрашена ночь в этом стихотворении Блока?

2. Какое настроение автора доносит до нас это стихотворение?

Поэт зима – аукает...

(Сергей Александрович Есенин (1895–1925))

Поэт зима – аукает,
Мохнатый лес баюкает
Стозвоном сосняка.
Кругом с тоской глубокою
Плывут в страну далекую
Седые облака.

А по двору метелица
Ковром шелковым стелется,
Но больно холодна.
Воробышки игривые,
Как детки сиротливые,
Прижались у окна.

Озябли пташки малые,
Голодные, усталые,
И жмутся поплотней.
А вьюга с ревом бешеным
Стучит по ставням свешенным
И злится все сильнее.

И дремлют пташки нежные
Под эти вихри снежные
У мерзлого окна.
И снится им прекрасная,
В улыбках солнца ясная,
Красавица весна.

- ▶1. Какие беды связывает поэт с грозной зимой?
- 2. Как описал поэт жизнь воробышков в зимнюю пору?

▶▶1. Найдите все эпитеты, связанные с изображением воробышков. Как вы объясните то, что их так много?

▶▶▶1. Найдите в тексте стихотворения фольклорные приемы.

2. Сравните описание зимы у Бунина и других поэтов.

Я воспитан природой суровой...
(Николай Алексеевич Заболоцкий (1903–1958))

Я воспитан природой суровой,
Мне довольно заметить у ног
Одуванчика шарик пуховой,
Подорожника твердый клинок.

Чем обычной простое растение,
Тем живее волнует меня
Первых листьев его появление
На рассвете весеннего дня.

В государстве ромашек, у края,
Где ручей, задыхаясь, поет,
Пролежал бы всю ночь до утра я,
Запрокинув лицо в небосвод.

Жизнь потоком светящейся пыли
Все текла бы, текла сквозь листья,
И туманные звезды светили,
Заливая лучами кусты.

И, внимая весеннему шуму
Посреди очарованных трав,
Все лежал бы и думал я думу
Беспредельных полей и дубрав.

►1. Какие приметы «природы суровой» назвал поэт в своем стихотворении? Назовите самые яркие из этих примет.

2. Расскажите о герое этого стихотворения.

►►1. Какие чувства пробуждают у поэта обыкновенные растения одуванчик и подорожник?

2. Как объясните вы суждение автора: «Чем обычной простое растение, тем живее волнует меня...»?

►►►1. Подготовьте краткий рассказ о «природе суровой», используя только образы одуванчика, подорожника и ромашки. Почему сразу же вам станет не доставать небосвода с его звездами?

2. Как доказать, что автор видит себя на просторах необъятной вселенной?

Способность чувствовать природу и откликаться на ее жизнь свойственна каждому человеку и житейски необходима. Так строки произведений, в которых мы встречаемся с природой, рисуют нам и счастливые и мирные мгновения и бурные и трагичные события этого могучего и независимого мира.

Описание природы в литературном произведении называется пейзажем.

Грозные явления природы часто вторгаются в судьбы людей. В своем очерке Аксаков показывает, как опасно неумение замечать все оттенки изменений в природе. Об этом повествует судьба погибшего обоза в очерке «Буран».

Некоторые юные читатели считают такие описания неинтересными, в них они не умеют видеть связи с жизнью героев. Однако такая связь есть, даже если вы ее пока не сумели заметить. Мы все – из мира природы и это нужно постоянно чувствовать – тогда мы точнее и ярче будем воспринимать окружающий мир.

►1. Вспомните строки описания любого времени года, которые быстрее всего всплывут в вашей памяти. Проверьте себя: какое время года вспомнилось первым?

2. Какие поэты создали много стихотворений о

природе?

»1. Вспомните приметы осени, которые описал Пушкин. Какая из них ярче всего воспроизводит это время года?

2. Какие приметы зимы более всего запомнились вам при чтении «Бурана»?

»»1. Рисуют ли поэты в своих пейзажных описаниях связь человека и природы? Попробуйте порассуждать на эту тему.

2. Создайте словарь из десяти слов, включающих приметы одного из времен года. Какие произведения помогли вам в составлении этого словарика?

3. Проведите конкурс на лучшего знатока стихотворений о родной природе.

4. Подготовьте концерт «Любимые времена года русских поэтов».

Иван Андреевич Крылов (1769–1844)

Читая в очередной раз басни Крылова, вы, наверное, почувствуете себя знатоками его жизни и творчества. Действительно, уже в начальных классах вы смеялись над героями крыловских басен. В прошлом году мы с вами подробно говорили о жанре басни и о самом баснописце. И приступая к чтению новых произведений Крылова, мы советуем вам вспомнить все изученное ранее.

Поведение юных героев басен поможет вам оценить собственные поступки, научит лучше понимать окружающих. Вы, конечно, помните, что авторская точка зрения высказана в морали басни.

Два мальчика (И. А. Крылов)

«Сенюша, знаешь ли, покамест, как баранов,
Опять нас не погнали в класс,
Пойдем-ка да нарвем в саду себе каштанов!» —
«Нет, Федя, те каштаны не про нас!
Хоть, кажется, они и недалеко,
Ты знаешь ведь, как дерево высоко:
Тебе, ни мне туда не влезть,
И нам каштанов тех не есть!» —

«И, милой, да на что ж догадка!
Где силой взять нельзя, там надобна ухватка.
Я все придумал: погоди!
На ближний сук меня лишь подсади.
А там мы сами умудримся —
И досыта каштанов наедемся».
Вот к дереву друзья со всех несутся ног,
Тут Сеня помогать товарищу принялся,
Пыхтел, весь потом обливался,
И Феде, наконец, вскарабкаться помог.

Взобрался Федя на приволье:
Как мышке в закроме, вверху ему раздолье!
Каштанов там не только всех не съесть, —
Не перечесть!
Найдется чем и поживиться,
И с другом поделиться.

Что ж! Сене от того прибыток вышел мал:
Он, бедный, на низу облизывал лишь губки;
Федюша сам вверху каштаны убирал,
А другу с дерева бросал одни скорлупки.

Видал Федюш на свете я,
Которым их друзья

Вскарабкаться наверх усердно помогали,
А после уж от них – скорлупки не видали.

Вопросы и задания

▶1. Кто из мальчиков придумал, как достать каштаны?

2. Почему Сеня решил, что им не удастся добыть каштанов?

3. Какое решение приняли мальчики? Прав ли был Федя?

4. Как повел себя Федя, оказавшись на дереве? Почему? Как вы объясняете его поведение?

▶▶1. Как описано поведение Сени и Феди, когда они решились добыть каштаны?

2. Почему Федя так и не вспомнил о своем приятеле? Как вы это объясните?

▶▶▶1. Расскажите о том, как мальчики добывали каштаны сначала от лица Сени, а потом Феди. Что должно отличать эти рассказы?

2. Создайте диалог между мальчиками, используя для него тот момент, когда Федя, сытый и довольный, слез с дерева.

3. Как вы поняли мораль этой басни? Имеет ли она отношение к вашей школьной жизни?

Волк и Ягненок (И. А. Крылов)

У сильного всегда бессильный виноват:
Тому в истории мы тьму примеров слышим,
Но мы Истории не пишем;
А вот о том как в Баснях говорят.

* * *

Ягненок в жаркий день зашел к ручью напиться;
И надобно ж беде случиться,

Что около тех мест голодный рыскал Волк.
Ягненка видит он, на добычу стремится;
Но, делу дать хотя законный вид и толк,
Кричит: «Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом
Здесь чистое мутить питье
Мое
С песком и илом?
За дерзость такову
Я голову с тебя сорву». —
«Когда светлейший Волк позволит,
Осмелюсь я донести, что ниже по ручью
От Светлости его шагов я на сто пью;
И гневаться напрасно он изволит:
Питья мутить ему никак я не могу». —
«Поэтому я лгу!
Негодный! слыхана ль такая дерзость в свете!
Да помнится, что ты еще в запрошлом лете
Мне здесь же как-то нагрубил:
Я этого, приятель, не забыл!» —
«Помилуй, мне еще и от роду нет году», —
Ягненок говорит. «Так это был твой брат». —
«Нет братьев у меня». – «Так это кум иль сват
И, словом, кто-нибудь из вашего же роду.
Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,
Вы все мне зла хотите
И, если можете, то мне всегда вредите,
Но я с тобой за их разведаюсь грехи». —
«Ах, чем я виноват?» – «Молчи! устал я слушать,
Досуг мне разбирать вины твои, щенок!
Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать», —
Сказал и в темный лес Ягненка поволок.

Вопросы и задания

- ▶1. Как произошла встреча Ягненка с Волком?
2. Чем был вызван диалог Волка и Ягненка? В ответ включите слова басни.
3. Можно ли назвать этот диалог спором?
4. Чем завершились доводы Волка?

▶▶1. Каким изображен в басне Волк? Попробуйте его охарактеризовать.

2. Что отличает реплики Ягненка? Верит ли он в возможность доказать свою правоту?

►►1. Дайте комментарий к морали басни.

2. Кажется ли вам, что эта мораль вполне подходит для многих событий и поступков в наше время? Встречали ли вы в жизни Ягнят и Волков?

3. Устройте выставку лучших иллюстраций к басням И. А. Крылова и расскажите о самой, по вашему мнению, удачной иллюстрации.

Владимир Федорович Одоевский (1803 (1804)-1869)

Отец писателя происходил из древнего княжеского рода, мать была из крепостных крестьян. В. Одоевский учился в Московском благородном университетском пансионе, там он активно занимался литературной деятельностью, писал музыку, увлекался естественными науками. До сих пор интересны его статьи о композиторах Г. Берлиозе, Р. Вагнере, Ф. Листе. Известно его участие в создании Петербургской и Московской консерваторий.

Владимир Федорович Одоевский сотрудничал в пушкинском журнале «Современник» и в ряде других изданий. Ему принадлежит один из первых русских романов, изображающий будущее, – «4338 год».

Особенной популярностью пользовались его «Пестрые сказки». Полное их название: «Пестрые сказки с красным словом, собранные Иринеем Модестовичем Гомозейкою». Второй столь же популярной до сих пор книгой являются «Сказки дедушки Ириней». В. Г. Белинский писал об этом герое: «Советуем, любезные дети, получше познакомиться с дедушкой Иринеем. Не бойтесь его старости... какая юная, благодатная душа у него!»

Мы присоединяемся к совету критика и предлагаем вам «Отрывки из журнала Маши».

Вопросы и задания

►1. Познакомьтесь с названиями «Сказок дедушки Ириней».

Серебряный рубль

Мороз Иванович

Шарманщик

Разбитый кувшин

**Городок в табакерке
Анекдоты о муравьях
Бедный Гнедко
Столяр
О четырех глухих
Червячок
Житель Афонской горы
Сиротинка
Отрывки из журнала Маши
Два дерева**

Какие из этих сказок вам знакомы? О каких можно уже по заглавию сказать, что это сказки? Все ли из этих произведений сказки? Чтобы абсолютно правильно ответить на этот вопрос, нужно их прочитать.

2. Прочитайте фрагмент из «Анекдотов о муравьях».

«Как известно, главное занятие муравьев – это запасти себе в продолжение лета пищу на зиму. Я думаю, всем моим читателям известно, что муравьи прячут в земле собранные ими зерна ночью, а днем выносят их сушить на солнце. Если когда-нибудь вы обращали внимание на муравейник, то, верно, замечали вокруг него небольшие кучки зерен. Я знал их обычай и потому чрезвычайно был удивлен, заметив, что мои постояльцы делали совершенно противное: они держали свои зерна под землею в продолжение целого дня, несмотря на солнечное сияние, и, напротив, выносили их наружу ночью; можно было подумать, что они выносили свои зерна на лунный свет, но я ошибся, – мои муравьи имели преважную причину поступать так, а не иначе.

В небольшом расстоянии от окна находилась голубятня; голуби беспрестанно садились на окошко и съедали зерна, попадавшие им на глаза; следовательно, мои муравьи поступали очень благоразумно, скрывая свое сокровище и не доверяя его похитителям».

Можете ли вы доказать, что перед вами художественная речь, а не научная информация?

3. Автор этого рассказа о муравьях – ваш ровесник. Можете ли вы вспомнить собственную попытку понаблюдать за природой и жизнью живых существ рядом с вами? Если этого не было, то как вы можете это объяснить?

8 января 18.. года.

Сегодня мне исполнилось десять лет... Маменька хочет, чтобы я с сего же дня начала писать то, что она называет журналом, то есть она хочет, чтоб я записывала каждый день все, что со мною случится... Признаюсь, я этому очень рада. Это значит... что я уже большая девушка!.. Сверх того, как весело будет через несколько времени прочитать свой журнал, вспомнить все игры, всех приятельниц, всех знакомых... Однако ж, должно признаться, это и довольно трудно. До сих пор я брала перо в руки только затем, чтоб или списать пропись, или написать маленькое письмецо к бабушке... Да, это совсем нелегко! Однако ж увидим... Ну, что ж я делала сегодня? Проснувшись, я нашла на столике, подле кровати, маменькины подарки. Маменька подарила мне прекрасную книжку в сафьяновом^[11] переплете для моего журнала; папенька подарил мне очень хорошенькую чернильницу с колокольчиком. Как я этому рада! Я все это положу на мой столик – и мой столик будет точь-в-точь как папенькин... Как я этому рада!

Я обедала... Маменька послала меня почивать...

10 января.

Сегодня у нас была гостя – прекрасная дама! На ней была прелестная шляпка с перьями, я непременно такую же сделаю для моей куклы. После обеда я пришла в гостиную. Папенька и маменька разговаривали с дамой. Многого из их слов я не понимала; одно только я заметила: эта дама очень удивлялась, отчего у нас в доме так мало слуг, а между тем все в таком порядке. «Вы, верно, – сказала она маменьке, – очень счастливы в выборе людей». – Нет, – отвечала маменька, – но я сама занимаюсь хозяйством. – «Как это можно? – возразила дама, – я так этого никак не могу сделать». – Кто же у вас смотрит за домом? – спросил папенька. – «Мой муж», – отвечала дама. – Ну, теперь неудивительно, – возразил папенька, – что у вас слуг вдвое больше нашего, а между тем все не делается в доме, как бы надобно. Муж ваш занят службою, целое утро он не бывает дома, возвращается и работает целый вечер, когда же ему заниматься хозяйством? И потому у вас им не занимается никто. – «Это почти правда, – отвечала дама, – но что же делать? Как этому помочь?» – Смею думать, – сказал папенька, – что заниматься хозяйством – дело женщины; ее дело входить во все подробности, сводить счета, надсматривать за порядком. – «Для меня это невозможно, – отвечала дама, – я не так была воспитана: я до самого моего замужества не имела понятия о том, что называется хозяйством,

только и умела, что играть в куклы, одевать себя и танцевать. Теперь я бы и хотела подумать о хозяйстве, да не знаю, как приняться. Какое я ни дам приказание – выйдет вздор, и я в отчаянии уже решила предоставить все мужу или, лучше сказать, никому». Тут папенька долго ей говорил, что ей должно делать, чтобы выучиться тому, чему ее в детстве не учили, но я многого не могла понять из его слов. Они еще разговаривали, когда к ней прискакал человек из дому и сказал, что ее маленький дитя после кушанья очень занемог. Дама вскрикнула, испугалась и сама так вдруг сделалась больна, что маменька не решилась отпустить ее одну, а поехала к ней с нею вместе.

11 января.

Маменька вчера возвратилась очень поздно и рассказывала, что дитя занемог от какой-то нелуженой кастрюльки, доктора думают, что он не доживет до утра. Маменька никак не могла удержаться от слез, рассказывая, как страдал бедный мальчик, – и я заплакала. Я никак не могла понять, каким образом дитя могло занемочь от нелуженой кастрюльки; но когда папенька сказал: «Вот что может произойти, когда мать семейства сама не занимается хозяйством!» – Как? – спросила я, – неужели дитя умирает от того, что его маменька не занимается хозяйством? – «Да, моя милая, – отвечал папенька, – если б его маменьку с детских лет приучали заниматься домом больше, нежели танцами, тогда бы с нею не было такого несчастья». – Ах, Боже мой! – вскричала я, бросившись к маменьке на шею, – научите меня хозяйству! – «Изволь, моя милая, – отвечала маменька, – но только этого вдруг сделать нельзя; надобно, чтоб ты привыкла помаленьку, да достанет ли у тебя и терпения?» – О, уверяю вас, что достанет! – «Хорошо, – сказала маменька, – мы сделаем опыт. Ты видела в комод, что в твоей комнате, свое белье?» – Видела, маменька. – «Заметила ли ты, что когда прачка Авдотья приносит белье к твоей нянюшке, то нянюшка принимает его по счету?» – Заметила, маменька. – «Теперь, вместо нянюшки, ты будешь принимать белье от Авдотьи». – Но как же, маменька, я упомяну, сколько какого белья? Я заметила, что и нянюшка часто ошибается и спорит с Авдотьей. – «Я не удивлюсь этому, – сказала маменька, – потому что твоя нянюшка не знает грамоте, для тебя же большою помощью будет то, что ты умеешь читать и писать. Ты запиши на бумажке все свое белье и отметь, сколько, какого. Когда Авдотья будет тебе приносить его, то ты, смотря на бумажку, проверяй, все ли то принесла Авдотья, что ты ей выдала». – Ах, маменька, это очень легко! Как хорошо, что я умею читать и писать! – «Вот видишь ли, моя милая, – заметила

маменька, – помнишь, как ты скучала, когда заставляли тебя читать книжку или списывать прописи, ты мне тогда не хотела верить, как это необходимо». – О, маменька! – вскричала я, – теперь во всем буду вам верить, но скажите мне, разве и белье принадлежит к хозяйству? – «Да, моя милая, это составляет часть хозяйства, прочее ты узнаешь со временем, теперь заметь, один раз навсегда, что без порядка не может быть и хозяйства, а порядок должен быть и в белье, и в содержании прислуги, и в покупках, и в собственном своем платье, словом, во всем, и ежели не наблюдать порядка в одной какой-либо вещи, то слуги не будут его наблюдать и в другой, и оттого все в доме пойдет наыворот, от этого-то и происходят такие несчастья, какое случилось с дитятею этой дамы».

12 января.

Сегодня пришли нам сказать, что бедный дитятея умер: какое несчастье! Бедная мать, говорят, в отчаянии. Вижу, что надобно слушаться маменькиных слов. – Сегодня я приняла белье от нянюшки по реестру^[12], составила особую записку черному белью и отдала Авдотье: она должна его возвратить чрез четыре дня. Я спрашиваю у маменьки, как узнать, сколько надобно мыла для того, чтобы вымыть белье. Маменька похвалила меня за этот вопрос и сказала, что на каждый пуд^[13] белья надобно фунт^[14] мыла. Я велела взвесить белье, выданное мною Авдотье, и его вышло полпуда; из этого я заключила, что на него пойдет мыла полфунта.

Сегодня к папеньке принесли большие свертки, он развернул их на столе, и я увидела какие-то престранные картинки. Я никак не могла понять, что это такое. Папенька сказал мне, что это географические карты. – На что они служат? – спросила я его. – «Они изображают землю, на которой мы живем», – сказал он. – Землю, на которой мы живем? Стало быть, здесь можно найти и Петербург? – «Разумеется, моя милая». – Где же он? – спросила я папеньку, – я его не вижу, здесь нет ни домов, ни улиц, ни Летнего сада. – «Точно так, моя милая, здесь нельзя видеть ни домов, ни улиц, ни Летнего сада, но это вот отчего: слушай и пойми меня хорошенько». Тут он взял лист бумаги и сказал: «Смотри, я нарисую эту комнату, в которой мы сидим, она четвероугольная, и я рисую четвероугольник: вот здесь окошко, здесь другое, здесь третье, вот одна дверь, вот другая, вот диван, фортепиано, стул, вот шкафчик с книгами». – Вижу, – сказала я, – я бы тотчас узнала, что это наша комната. – «Теперь вообрази себе, что я бы хотел нарисовать план – такого рода рисунок называется планом, – план дома, в котором мы живем; но на этом же листе бумаги я его поместить не могу, и для того я, уменьшив

его несколько в размере, перенесу мою комнату на другой лист. Вот посмотри: вот наша гостиная, вот кабинет, вот спальня, твоя детская. Узнала ли бы ты по этому плану, что это наш дом?» – О, без сомнения! – «Теперь вообрази себе, что я бы хотел на таком же листе нарисовать план нашей улицы. Посмотри, как от этого должен уменьшиться план нашего дома. Теперь еще вообрази себе, что я на таком же листе хотел бы нарисовать план целого Петербурга. Тут наш дом должен уже обратиться почти в точку для того, чтоб можно было на этом листе уместить все улицы Петербурга; но кроме Петербурга есть и другие города, из которых иные далеко, очень далеко. Собрание всех этих городов называется нашим отечеством, Россиею. Вообрази же себе, что я хотел бы на этом же листе нарисовать план всей России, точно так же, как я рисовал план Петербурга, план нашей улицы, нашего дома, нашей гостиной; но уже в плане России самый Петербург обратится в точку. Вот эта карта, которая теперь лежит перед нами, есть карта или план России. Вот на ней Петербург, вот и Нева; но нельзя в нем видеть ни Летнего сада, ни нашей улицы, ни нашего дома, потому что сам Петербург замечен одною небольшою точкою или, лучше сказать, этим домиком с крестиком наверху, который ты здесь видишь». – Ах, как это любопытно! – сказала я папеньке. – А есть ли еще что-нибудь, кроме России? – «Как же, моя милая, есть и другие земли, и для них есть особые карты». – Ах, папенька, как бы я желала узнать все эти земли! – «Ты это узнаешь, моя милая, но для этого надобно учиться истории». – А что такое история? – «На этот вопрос отвечать долго; напomini мне о нем после».

17 января.

Вспомня обещание папеньки, я пошла к нему с своим журналом и сказала: «Вы обещали рассказать мне, что такое история». – История, моя милая, – отвечал он, – есть то, что ты теперь в руках держишь. – «Это мой журнал». – Да, моя милая, я повторяю, что ты держишь в руках свою историю. – «Как это, папенька?» – Описание происшествий, чьих бы то ни было, называется историей, и потому-то я сказал тебе, что ты, описывая все, что с тобою случается, пишешь свою историю. Теперь представь себе, что я и твоя маменька, мы также пишем журналы, и Вася, когда подрастет, будет то же делать. Если бы соединить все эти журналы, то из них бы составила история нашего семейства. – «Понимаю, папенька». – Теперь вообрази себе, что мой папенька, а твой дедушка также писал свою историю, таким же образом и его папенька, а мой дедушка, которого вот ты видишь портрет, писал свою историю. – Я посмотрела на портрет и сказала: «Ах, папенька, как бы я рада была, если бы ваш

дедушка в самом деле писал свою историю». – Для чего это, моя милая? – «Для того, что я могла бы тогда узнать, почему он не так одет, как вы». – Этот вопрос очень кстати, моя милая; в то время, когда жил дедушка, все одевались так, как ты его видишь, и разница была не только в платье, но тогда иначе говорили, иначе думали. Точно то же я тебе должен сказать и о дедушке моего дедушки, вот знаешь старичка с бородою, которого портрет висит в столовой. Тогда еще более разницы с нами было как в платье, так и во всем; он не только носил бороду, ходил в шитом длинном кафтане, подпоясанном кушаком, но в его доме не было ни кресел, ни дивана, ни фортепиано. Вместо того у него стояли кругом комнаты дубовые скамейки; он ездил не в карете, а всегда почти верхом; жена его ходила под фатою, никогда не показывалась мужчинам; она не ездила ни в театр, потому что его не было, ни на балы, потому что это почиталось неприличным; они оба не знали грамоты. Видишь ли, какая во всем разница с нами. – «Ах, папенька, как это любопытно! И все это можно узнать из истории?» – Да, моя милая, но заметь, что как жил дедушка моего дедушки, так и все, которые жили в одно с ним время. У них также были отцы и дедушки, у этих также, еще, еще... История всех этих людей, или, как говорят, народа, с описанием всего того, чем они были на нас похожи или не похожи, составляет то, что мы называем историею России, нашего отечества. Такие же есть истории и о других землях и народах. – «Каких же это народов, папенька?» – О, их было много! И если бы я тебе их назвал всех, то это не дало бы тебе никакого о них понятия; ты их узнаешь постепенно. На этот раз замечу тебе только то, что они все между собою столь же мало похожи, сколько мы на прадедушку. Все они носили разные имена, из которых теперь многие уже потерялись. Так, ты встретишь в истории такие народы, которые, вместо нашего фрака, носили на себе одни покрывала. Вот, например, бюст, который представляет человека без шляпы на голове, с одним перекинутым чрез плечо плащом, – это был человек, которого называли Сократом, он жил в земле, которую называют Грециею, почти за две тысячи лет до нас; я тебе со временем дам прочитывать его историю...

20 января.

Я вчера так устала, что не могла приняться за перо, и потому решила описать сегодня все, что со мною вчера случилось. Не знаю, с чего начать: так много я видела нового, прекрасного... Когда мы приехали к графине Воротынской, музыка уже играла. Пропать дам, кавалеров, все так нарядны: в комнатах так светло, все блестит!.. Дожидаясь окончания танца, я села подле маленькой барышни, которая сидела в уголку, была одета очень

просто, в белом кисейном^[15] платице; на ней были поношенные перчатки. Она обошлась со мною очень ласково... Признаюсь, мне было немножко досадно, потому что танцы только начались и мне долго надобно было просидеть на одном месте; но моя подруга Таня, так ее называли, была так мила, что я скоро позабыла об этой неприятности. Она мне рассказывала, как вырезать картинки и наклеивать на дерево или на стекло, выклеивать ими внутри хрустальных чаш; как переводить живые цветы на бумагу, как срисовывать картинки; я не знаю, чего эта девочка не знает!.. Одним словом, время протекло с нею для меня незаметно, если бы не она, то я бы целые полчаса умирала со скуки. – Между тем танец кончился, и все мои маленькие приятельницы бросились обнимать меня, но я заметила, что многие из них не говорили ни слова с Таней и очень невежливо оборачивались к ней спиною. Это мне было очень неприятно, и я, со своей стороны, стала беспрестанно обращаться к Тане и с нею заговаривать. Вдруг маленькая хозяйка дома, графиня Мими, схватила меня за руку и, сказав, что она хочет мне показать другие комнаты, увела меня от Тани. Когда мы отошли на несколько шагов, графиня Мими сказала мне: «Что вы все говорите с этою девочкою? Пожалуйста, не дружите с нею!» – Да почему же? – спросила я, – она очень мила. – «Ах, как вам не стыдно!» – сказала графиня Мими. – Мы с нею не говорим; я не знаю, зачем маменька позволила ей приехать к нам. Она дочь нашего учителя. Посмотрите, какие на ней черные перчатки, как башмаки дурно сидят; говорят, что она у своего папеньки ходит на кухню!» Очень мне жаль было бедной Тани и хотелось мне за нее заступиться, но все мои маленькие приятельницы так захохотали, повторяя: «Ходит на кухню, кухарка, кухарка», что я не имела духу вымолвить слова. Тут начались танцы: у меня сердце сжималось, слушая, как мои приятельницы смеялись над Таней и говорили: посмотрите, как танцует кухарка! Это дошло до того, что одна из моих маленьких приятельниц подошла к Тане и, насмешливо посмотрев на нее, сказала: «Ах, как от вас пахнет кухней!» – Я удивляюсь этому, – очень просто отвечала Таня, – потому что платье, в котором я хожу на кухню, я оставила дома, а это у меня другое. – «Так вы ходите на кухню?» – закричали все с хохотом. – Да, – отвечала Таня, – а вы разве не ходите? Мой папенька говорит, что всякой девочке необходимо приучаться к хозяйству. – «Да ведь мы и вы – совсем другое», – сказала одна из барышень. – Какая же между нами разница? – спросила Таня. – «О, пребоольшая, – отвечала гордая барышня, – у вас отец – учитель, а у меня – генерал; вот, посмотрите: в больших эполетах, со звездою, ваш отец нанимается, а мой нанимает; понимаете ли вы это?» И с этими

словами она оборотилась к Тане спиной. Таня чуть не заплакала, но, несмотря на то, все ее оставили одну и – я вместе со всеми. Я невольно за себя краснела. Я видела, что все презирали Таню за то, чего именно от меня требовала маменька и что я сама любила, но не имела силы подвергнуть себя общим насмешкам. И Таня стояла одна, оставленная всеми; никто не подходил к ней, никто не говорил с нею. Ах, я очень была виновата! Она одна приласкала меня, когда никто не обращал на меня внимания, когда мне было скучно!.. Но кажется, что маменька графини Мими заметила ее несправедливое презрение к Тане; я это думаю вот почему. Графиня, поговоря с другими маменьками, позвала нескольких из нас в другую комнату.

«Как это хорошо, – сказала она, – что вы теперь все вместе, все вы такие милые, прекрасные, – я бы хотела иметь ваши портреты; это очень легко и скоро можно сделать: каждая из вас сделает по тени силуэт другой, и, таким образом, мы в одну минуту составим целую коллекцию портретов, и, в воспоминание нынешнего вечера, я повешу их в этой комнате». При этом предложении все призадумались, принялись было за карандаши, за бумагу, но, к несчастью, у всех выходили какие-то каракульки, и все с досадою бросили и карандаши и бумагу. Одна Таня тотчас обвела по тени силуэт графини Мими, взяла ножницы, обрезала его кругом по карандашу, потом еще раз – и силуэт сделался гораздо меньше, потом еще – и силуэт Мими сделался такой маленький, какой носится в медальонах, и так похож, что все вскрикнули от удивления. Очень мне хотелось, чтобы Таня сделала и мой силуэт, но после моего холодного с нею обращения я не смела и подумать просить ее о том; каково же было мое удивление, когда Таня сама вызвалась сделать мой силуэт. Я согласилась: она сделала его чрезвычайно похоже и отдала графине. Потом, взглянув на меня, эта добрая девочка, видно, прочла в моих глазах, что мне очень бы хотелось оставить этот силуэт у себя; она тотчас по первому силуэту сделала другой, еще похожее первого, провела его несколько раз над свечью, чтоб он закоптился, и подарила его мне. Тут я не могла более удержаться, бросилась к ней на шею и, почти со слезами, просила у нее прощения. Милая Таня сама была растрогана...

Вопросы и задания

►1. Произведение Одоевского называется «Отрывки из журнала Маши». Как теперь мы чаще называем такие записи?

2. Сосчитайте, сколько дней описала Маша в своем журнале. Как вы объясняете, почему одни записи длиннее, другие короче?

3. Сколько героев населяет страницы дневника Маши? О ком она больше всего рассказывает в своем дневнике?

►1. Как вы представляете себе Машу – автора дневника?

2. Как она относится к людям, о которых пишет?

►►1. Расскажите о Маше как авторе дневника.

2. Подготовьте сочинение (можно устное) «Один день девочки Маши».

3. Сделайте записи одного-двух дней вашей жизни, подражая записям журнала Маши.

4. Почему, как вам кажется, «Отрывки из журнала Маши» помещены автором в книге «Сказки бабушки Ирины»?

Портрет героя художественного произведения

Посмотрите на портрет знаменитого человека в книге, которую вы читаете, на памятник, который украшает площадь вашего города. Это всегда изображение человека, которое дает вам представление и о его внешности, и о его характере. В искусстве слова портрет – это всегда *описание*.

Портрет в литературном произведении – изображение внешности героя: его лица, его фигуры, одежды, манеры держаться.

Литература не сразу освоила портрет как описание конкретного человека. В произведениях устного народного творчества описание внешности героев не содержало индивидуальных примет. Так, все положительные герои сказок были добрыми молодцами, а героини – красивыми девицами.

Влияние фольклора сказывается и на произведениях писателей. Тридцать три богатыря в «Прологе» к «Руслану и Людмиле» были на одно лицо, как и семь богатырей в его же сказке о мертвой царевне.

В художественном произведении мы часто читаем описание внешности героя или героини и даже знакомимся с тем, как можно воссоздать такой портрет. Вот девочка Таня по тени на стене создает силуэт графини Мими. Такие силуэты создают некоторые художники. Они знакомят нас и с портретами писателей.

А вот на страницах дневника Маши попытка записать некоторые приметы гостя, создать ее портрет: «Сегодня у нас была гостя – прекрасная дама! На ней была прелестная шляпка с перьями, я непременно такую же сделаю для моей куклы». Наверное, вы поняли, что автор сразу же обрисовал и облик «прекрасной дамы» и вкусы девочки Маши.

Вопросы и задания

►1. Что называется портретом в литературном произведении?

2. Какие портреты литературных героев остались в вашей памяти из детских книжек?

►►1. Какие портреты героев поэмы «Руслан и Людмила» вам запомнились? Опишите один из них.

2. Опишите одного из героев «Отрывков из журнала Маши».

►►►1. Найдите портреты ваших любимых писателей. Посмотрите, какие художники их нарисовали.

2. Найдите иллюстрации, на которых изображены ваши любимые герои. Кто автор этих иллюстраций?

3. Какие изображения ваших любимых героев вам больше нравятся на иллюстрациях – те, которые даны в цвете, или черно-белые рисунки, созданные графиками?

4. Создайте словесное описание внешности одного из своих одноклассников.

Александр Сергеевич Пушкин (1799–1837)

Отрочество Александра Пушкина прошло в Лицее. Представление о Лицее как о родном доме, о лицейских учителях

как старших в семье, а о лицеистах как братьях сохранилось у поэта на всю жизнь.

Лицей – учебное заведение для подготовки дворянских детей к государственной службе. Он находился во флигеле Екатерининского дворца – летней резиденции русских царей в Царском Селе под Петербургом. Будущих лицеистов разместили по «дортюарам» (маленьким и очень скромным комнатам), выдали форму: синий двубортный сюртук со стоячим воротником, с красным кантом на манжетах, синий суконный жилет, синие панталоны, полусапожки...

19 октября 1811 года состоялось торжественное открытие Лицея. На нем присутствовал царь и члены царской фамилии.

Вы помните: когда возник Лицей,
И царь для нас открыл чертог царицын...

Вот почему самое знаменитое из стихотворений об этой поре жизни поэта названо «19 октября». Вы не раз будете читать это произведение. Внимательно прочтите самую знаменитую седьмую строфу:

Друзья мои, прекрасен наш союз!
Он, как душа, неразделим и вечен —
Неколебим, свободен и беспечен
Срастался он под сенью дружных муз.
Куда бы нас ни бросила судьбина,
И счастье куда б ни повело,
Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
Отечество нам Царское Село.

В Царском Селе Пушкин почувствовал себя Поэтом. «...Начал я писать с 13-летнего возраста и печатать почти с того же времени».

В Лицее процветал культ дружбы. Это не значило, что никто ни с кем никогда не ссорился. Конечно, бывали и ссоры. Были дружественные и враждебные группировки среди учеников. Были удачи, ошибки, неудачи и неприятности и у лицеиста Александра Пушкина...

Каким же был Пушкин в эти годы? Прочтем отзыв надзирателя. «Пушкин (Александр). 13-ти лет. Имеет более блистательные, нежели основательные дарования, более пылкий и тонкий, нежели глубокий ум. Прилежание его к учению посредственно, ибо трудолюбие еще не сделалось его

добродетелью. Читав множество французских книг, но без выбора, приличного его возрасту, наполнил он память свою многими удачными местами известных авторов; довольно начитан и в русской словесности, знает много басен и стихков. Знания его вообще поверхностны, хотя начинает несколько привыкать к основательному размышлению. Самолюбие вместе с честолюбием, делающее его иногда застенчивым, чувствительность с сердцем, жаркие порывы вспыльчивости, легкомысленность и особенная словоохотность с остроумием ему свойственны. Между тем приметно в нем и добродушие, познавая свои слабости, он охотно принимает советы с некоторым успехом...» Вы, конечно, обратили внимание на непривычный язык справки Мартына Пилецкого о Пушкине. И все же, наверное, поняли, что, не сумев оценить яркость дарования мальчика, автор справки отметил сложность и противоречивость его характера.

Ежедневные занятия не мешали интересу лицеистов к литературному творчеству. Они выпускали несколько рукописных журналов: «Лицейский Мудрец», «Для удовольствия и пользы», «Юные Пловцы», «Неопытное перо» и др.

Вот так выглядела первая страница одного из них.

<i>Лицейский Мудрец № 1</i>

1815

Оглавление

Изящная словесность.

1) *Проза.*

а) К Читателям.

б) Осел-философ.

2) *Стихотворения.*

а) К заключенному другу Поэту.

б) К Мудрецу.

с) Эпиграммы.

д) Эпитафия.

е) Нет, нет.

3) *Критика.*

а) Письмо к издателю.

б) Объявление.

4) *Смесь.*

а) Письмо из Индостана.

б) Анекдот.

При сем две карикатуры. Печатать позволяется.

А теперь прочитайте стихотворение из первого выпуска и посмотрите карикатуру из второго номера «Лицейского Мудреца».

Нет! Нет!
(Подражание)

Ты хочешь, чтоб я вновь пустился,
Любезный друг, в сей шумный свет,
Кричал, гремел и суетился, —
Нет! Нет!

Ты хочешь, чтобы полн отваги,
Наемный будучи Поэт,
Я разум ставил в контр бумаги, —
Нет! Нет!

Чтоб для асессорского^[16] чину
Готов был всякому сонет,
Чтоб льстил вельможе-господину, —
Нет! Нет!

Чтоб франтом в общество пустился,
Имел тьму слуг и тьму карет,
Был bel-esprit^[17], шутил, резвился, —
Нет! Нет!

Ты хочешь, чтобы в глупом споре
Решал все ссоры пистолет, —
Чтоб был я с разумом в раздоре, —
Нет! Нет!

А я хочу, чтобы в спокойном
Убежище я был всегда, —
Был в счастья зависти достойном, —
Да! Да!

На карикатуре Медведь осаждается четырьмя лицами в разных позах: это – Данзас, редактор «Мудреца», на него напали товарищи, в которых – по описанию автора – можно узнать налево: Броглию (внизу) и Корнилова, а направо: Комовского (внизу) и Мартынова.

Мы не знаем авторов ни стихотворного текста, ни рисунка. Но можно сказать, что лицеисты были высоко одарены талантом. И одного среди многих они считали лучшим стихотворцем, который в поэзии был сильнее Пушкина. Этого лицеиста звали Алексей Илличевский. Вот фрагмент его стихотворного письма приятелю, написанного в 1812 году:

Что? Каково теперь в Гимназии у вас?
Пиши, пожалуйста, ни мало не стыдясь.
Скажу же про себя – нет лучше, как в Лицее:
Учась с прилежностью, ведя себя скромнее,
Бояться нечего: беда, напасть – пустяк,
Счастлив быть может всяк.

В Лицее были популярны коллективные песни. В их создании участвовал и Пушкин. Пущин приводит в своих записках строки одной из них:

Блажен муж, иже
Сидит к каше ближе;
Как лексикон,

Растолстеет он.

Известно, что «лексиконы» (словари) обычно бывали очень толстыми.

Такие песни лицеисты включали в свои рукописные сборники – антологии. Одна из них называлась «Мудрец-Поэт». В ней есть произведения разных жанров. Среди них забавные стихотворные вопросы и ответы.

Во(прос): Ответ дай мне, зачем дурак
Всем кажет свой кулак?

От(вет): Доказывать свое дурак слабее,
а ведь кулак дилеммы посильнее.

Напомним, что дилемма – один из способов умозаключения, доказательства, при котором необходим выбор между двумя решениями.

В эти годы Пушкин создал множество посланий, которые адресованы знакомым и друзьям. Его первое напечатанное стихотворение «К другу-стихотворцу» – тоже послание.

Послание – стихотворное произведение, написанное в форме письма или обращения к какому-нибудь лицу (лицам).

Среди лицейских стихов есть послания «К Пущину», «К Галичу», «К Дельвигу», «К Жуковскому», «В альбом Илличевскому», «К живописцу», «Из письма к В. Л. Пушкину»...

Прочтите послание, адресованное сестре Ольге, к которой поэт относился с большой симпатией и любовью.

К сестре. В сокращении (А. С. Пушкин)
--

Ты хочешь, друг бесценный,
Чтоб я, поэт молодой,
Беседовал с тобой
И с лирою забвенной,
Мечтами окриленный,
Оставил монастырь
И край уединенный,
Где непрерывный мир
Во мраке опустился
И в пустыни глухой
Безмолвно воцарился

С угрюмой тишиной.

.....

И быстрою стрелой
На невский берег примчуся,
С подругой обнимуся
Весны моей златой,
И, как певец Людмилы,
Мечты невольник милый,
Взошед под отчий кров,
Несу тебе не золото
(Чернец я небогатый),
В подарок пук стихов.

.....

Но вот уж я с тобою,
И в радости немой
Твой друг расцвел душою,
Как ясный вешний день.
Забыты дни разлуки,
Дни горести и скуки,
Исчезла грусти тень.

Но это лишь мечтанье!
Увы, в монастыре,
При бледном свеч сиянье,
Один пишу к сестре,
Все тихо в мрачной келье:
Защелка на дверях,
Молчанье, враг веселий,
И скука на часах!
Стул ветхий, необитый,
И шаткая постель,
Сосуд, водой налитый,
Соломенна свирель —
Вот все, что пред собою
Я вижу, пробужден.
Фантазия, тобою
Одной я награжден...

►1. Почему, как вы думаете, поэт выделил в строках стихотворения слова *пук стихов*?

2. Найдите слова-синонимы, которыми автор характеризует себя в этом послании.

3. Почему поэт называет Лицей монастырем?

►►1. Каким стихотворным размером написано это послание?

2. Создайте словарик рифм этого стихотворения.

3. Попробуйте использовать рифмы этого стихотворения для игры в буриме.

Вы уже знаете, что самым близким товарищем Пушкина был Иван Пущин. Поэт дарит ему стихотворное поздравление.

К Пущину (4 мая). В сокращении
(А. С. Пушкин)

Любезный именинник,
О Пущин дорогой!
Прибрел к тебе пустынный
С открытою душой;
С пришельцем обнимися —
Но доброго певца
Встречать не суетися
С парадного крыльца.
Он гость без этикета,
Не требует привета
Лукавой суеты;
Прими ж его лобзанья
И чистые желанья
Сердечной простоты!..

Вопросы и задания

►1. В стихотворении автор говорит о себе. Найдите эти синонимы.

2. Как вы поняли выражение «гость без этикета»? Найдите в словарице слово *этикет* и объясните значение этого выражения.

►►1. Определите, каким размером написано это

стихотворение:

двустопным ямбом (Да. Нет.) _____

трехстопным ямбом (Да. Нет.) _____

четырёхстопным ямбом (Да. Нет.) _____

Товарищам по Лицею Пушкин посвятил не одно стихотворение. Вот начало стихотворения, обращенного к лицеисту Павлу Юдину. Воображение поэта рисует подмосковное имение Захарово, памятное ему по годам детства. С 1806 по 1810 год он проводил лето в этом имении своей бабушки Марьи Алексеевны Ганнибал.

Послание к Юдину. В сокращении (А. С. Пушкин)
--

Ты хочешь, милый друг, узнать
Мои мечты, желанья, цели
И тихий глас простой свирели
С улыбкой дружества внимать.
Но можно ль резвому поэту,
Невольнику мечты молодой,
В картине быстрой и живой
Изобразить в порядке свету
Все то, что в юности златой
Воображение мне кажется?

.....

Мое Захарово; оно
С заборами, в реке волнистой,
С мостом и рощею тенистой
Зерцалом вод отражено.
На холме домик мой; с балкона
Могу сойти в веселый сад...

.....

И счастлив в утренних трудах...

.....

Но вот уж полдень. – В светлой зале
Весельем круглый стол накрыт...

.....

Вот кабинет уединенный,
Где я, Москвою утомленный...

.....

Живу с природной простотой.
С философической забавой
И с музой резвой и молодой...

.....
Но что! мечтанья отлетели!
Увы! Я счастлив был во сне...

В отрадной музам тишине
Простыми звуками свирели,
Мой друг, я для тебя воспел
Мечту, молодых певцов удел...

Вопросы и задания

►1. Какой вы представили себе мечту юного Пушкина о будущем? Верит ли поэт в ее осуществление?

2. В стихотворении есть несколько синонимов, которые определяют призвание автора («резвый поэт», «невольник мечты молодой»). Как вы объясните эти оценки-характеристики?

3. Сколько стоп в стихотворной строке этого стихотворения?

Незадолго до окончания Лицея Пушкин написал стихотворение, адресованное лицеистам, мечтавшим скорее завершить образование и стать самостоятельными. Однако потом они с благодарностью вспоминали Лицей.

Поэт размышляет о возможной для каждого лицеиста карьере. Военная карьера – это судьба гусара, капитана или улана, карьера чиновника – возможность стать асессором, чиновником высокого ранга и в конце концов знатным вельможей. Но автора привлекает только свободное творчество, даже если его неперемнная принадлежность – красный колпак шута. Именно оно – его судьба, его удел, который, как вы видите, определился уже в школьные годы.

Товарищам
(А. С. Пушкин)

Промчались годы заточенья;
Недолго, мирные друзья,
Нам видеть кров уединенья
И царскосельские поля.
Разлука ждет нас у порогу,
Зовет нас дальний света шум,

И каждый смотрит на дорогу
С волненьем гордых, юных дум.
Иной, под кивер^[18] прятал ум,
Уже в воинственном наряде
Гусарской саблею махнул —
В крещенской утренней прохладе
Красиво мерзнет на параде,
А греться едет в караул;
Другой, рожденный быть вельможей,
Не честь, а почести любя,
У плута знатного в прихожей
Покорным плутом зрит себя;
Лишь я, судьбе во всем послушный,
Счастливой лени верный сын,
Душой беспечный, равнодушный,
Я тихо задремал один...
Равны мне писари, уланы,
Равны законы, кивера,
Не рвусь я грудью в капитаны
И не ползу в ассессора;
Друзья! немного снисхожденья —
Оставьте красный мне колпак,
Пока его за прегрешенья
Не променял я на шишак,
Пока ленивому возможно,
Не опасаясь грозных бед,
Еще рукой неосторожной
В июле распахнуть жилет.

Вопросы и задания

- ▶1. Чему посвящено это стихотворение?
2. Что можно сказать о карьере военного, как она представлена в стихотворении?
3. Что привлекает автора в судьбе поэта?

- ▶▶1. Как вам кажется, почему послание обращено к товарищам, а не к друзьям? Как вы это объясняете?

Вы познакомились с двумя темами поэтического творчества Пушкина. Это тема дружбы и тесно связанная с ней тема поэтического призвания.

Тема дружбы звучит в его посланиях и в стихотворениях самой различной формы. В античном мире восхваление, хвала богам, героям, победителям сражений обычно оформлялась в виде гимна. Мы знаем, что государственный гимн имеет каждая страна; есть гимн студенчества, гимн физкультурников, гимн олимпиады... Можно использовать это слово и в переносном значении. Так, стихотворение «19 октября» часто называют гимном дружбы. Это легко доказать, опираясь на прочитанную вами седьмую строфу. Итак, **гимн – торжественная песнь в честь богов, героев, победителей или в честь какого-нибудь важного события; гимн – один из жанров лирики.**

Конечно, у вас еще впереди изучение многих других произведений Пушкина. Вам предстоит глубже раскрыть темы дружбы и предназначения поэта. Но первый и существенный шаг уже сделан.

Вопросы и задания

►1. Попробуйте представить Пушкина-лицеиста как своего ровесника. Какие мысли и чувства юного поэта близки и понятны вам?

►►1. Напишите сочинение на тему «Пушкин-лицеист».

Михаил Юрьевич Лермонтов (1814–1841)

Короткая жизнь замечательного поэта Михаила Лермонтова была трагична с самых первых дней. В детстве он испытал серьезное потрясение – раннюю смерть матери, которая привела к серьезной размолвке между отцом и бабушкой. Многочисленные

свидетельства сложных отношений между родными людьми – отцом и бабушкой – лишь подтверждают: дружной семьи у мальчика не было. И все же он через всю свою жизнь пронес теплые воспоминания о детстве и родном доме.

Ласкаю я в душе старинную мечту,
Погибших лет святые звуки...
И вижу я себя ребенком, и кругом
Родные все места: высокий барский дом
И сад с разрушенной теплицей...

Образ отца, опоэтизированный и трагический, вопреки реальным биографическим фактам, – вошел в поэзию Лермонтова. Поэт помнил, любил и воспевал свое детство. Однако это теплое чувство не спасало его от одиночества. Не каждому читателю близка тема одиночества. Однако у каждого она вызывает сочувствие к автору и повышает интерес к его творчеству.

Утес (М. Ю. Лермонтов)

Ночевала тучка золотая
На груди утеса-великана,
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя;

Но остался влажный след в морщине
Старого утеса. Одиноко
Он стоит, задумался глубоко
И тихонько плачет он в пустыне.

<i>Вопросы и задания</i>

►1. Как вы представляете себе «утес-великан» и «золотую тучку»? Используйте устное рисование.

2. Почему «утес-великан» испытывает горе?

►►1. Какие приемы помогли автору показать одиночество своего героя?

2. Почему стихотворение названо «Утес»?

»»1. Со многими другими стихотворениями поэта «Утес» связывает тема одиночества. Припомните эти стихотворения.

2. Это стихотворение положили на музыку примерно шестьдесят композиторов. Как вы объясняете такой интерес к этому произведению?

3. Найдите иллюстрации к этому стихотворению. Их создавали многие художники: В. Д. Поленов, Н. Н. Дубовской и др. Как избранная вами иллюстрация помогает дать комментарий к стихотворению?

На севере диком стоит одиноко...

(М. Ю. Лермонтов)

На севере диком стоит одиноко
На голой вершине сосна
И дремлет качаясь, и снегом сыпучим
Одета, как ризой, она.

И снится ей все, что в пустыне далекой
В том крае, где солнца восход,
Одна и грустна на утесе горячем
Прекрасная пальма растет.

Вопросы и задания

»1. Сколько героев в этом стихотворении?

2. О чем мечтает сосна?

»»1. Какие художественные приемы помогают ощутить одиночество героини стихотворения?

2. Найдите эпитеты, которые подчеркивают одиночество сосны.

»»1. Это стихотворение – вольный перевод стихотворения Г. Гейне, которое называется «Сосна стоит одиноко». Подходит ли это название к переводу Лермонтова?

2. В этом стихотворении главная героиня – сосна. Сам Лермонтов создал иллюстрацию к этому стихотворению. Многие художники рисовали ее мощные и покрытые снегом ветви. Создайте свою устную

иллюстрацию с изображением не просто дерева – сосны, а героини стихотворения.

3. Более ста композиторов создали произведения на текст этого стихотворения, в том числе А. С. Даргомыжский, Н. А. Римский-Корсаков, С. В. Рахманинов. Как вы объясните такую популярность этого стихотворения?

Три пальмы (<i>Восточное сказание</i>) (М. Ю. Лермонтов)

В песчаных степях аравийской земли
Три гордые пальмы высоко росли.
Родник между ними из почвы бесплодной,
Журча, пробивался волною холодной,
Хранимый, под сенью зеленых листов,
От знойных лучей и летучих песков.

И многие годы неслышно прошли;
Но странник усталый из чуждой земли
Пылающей грудью ко влаге студеной
Еще не склонялся под кущей зеленой,
И стали уж сохнуть от знойных лучей
Роскошные листья и звучный ручей.

И стали три пальмы на Бога роптать:
«На то ль мы родились, чтоб здесь увядать?
Без пользы в пустыне росли и цвели мы,
Колеблемы вихрем и зноем палимы,
Ничей благосклонный не радуя взор?..
Не прав твой, о небо, святой приговор!»

И только замолкли – в дали голубой
Столбом уж крутился песок золотой,
Звонков раздавались нестройные звуки,
Пестрели коврами покрытые выюки,
И шел, колыхаясь, как в море челнок,
Верблюд за верблюдом, взрывая песок.

Мотаясь, висели меж твердых горбов
Узорные полы походных шатров;
Их смуглые ручки порой подымали,
И черные очи оттуда сверкали...
И, стан худощавый к луке наклоня,

Араб горячил вороного коня.

И конь на дыбы подымался порой
И прыгал, как барс, пораженный стрелой;
И белой одежды красивые складки
По плечам фариса вились в беспорядке;
И, с криком и свистом несясь по песку,
Бросал и ловил он копьё на скаку.

Вот к пальмам подходит, шумя, караван:
В тени их веселый раскинулся стан
Кувшины, звуча, налилися водою,
И, гордо кивая махровой главою,
Приветствуют пальмы нежданных гостей,
И щедро поит их студёный ручей.

Но только что сумрак на землю упал,
По корням упругим топор застучал,
И пали без жизни питомцы столетий!
Одежду их сорвали малые дети,
Изрублены были тела их потом,
И медленно жгли их до утра огнем.

Когда же на запад умчался туман,
Урочный свой путь совершал караван;
И следом печальным на почве бесплодной
Виднелся лишь пепел седой и холодный;
И солнце остатки сухие дожгло,
А ветром их в степи потом разнесло.

И ныне все дико и пусто кругом —
Не шепчутся листья с гремучим ключом:
Напрасно пророка о тени он просит —
Его лишь песок раскаленный заносит
Да коршун хохлатый, степной нелюдим,
Добычу терзает и щиплет над ним.

Вопросы и задания

- ▶1. Опишите долгую и однообразную жизнь трех пальм в пустыне.
2. О чем просили пальмы Бога?

3. К чему привело исполнение их просьбы?

»1. Какими вы представляете себе эти пальмы? Какими художественными приемами нарисованы в этом стихотворении красавицы пустыни?

2. Опишите появление каравана около этого крохотного оазиса.

»»1. Докажите, что это «восточное сказание» – баллада.

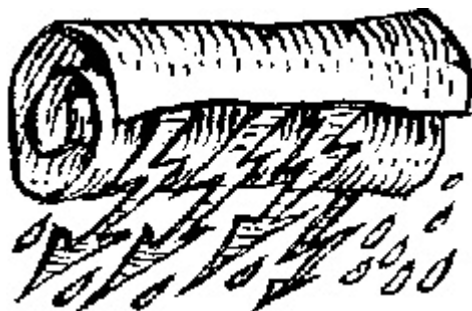
2. Объясните причину гибели пальм и источника. Каким вы видите отношение человека и природы в этом стихотворении?

3. Оцените, как иллюстрации помогают представить себе реальную картину событий.

Эпиграмма (М. Ю. Лермонтов)

Тот самый человек пустой,
Кто весь наполнен сам собой.

Эпиграмма

Напомним, что эпиграмма – жанр лирической поэзии. Он появился в античной литературе как стихотворная надпись на храмах, постаментах статуй. Тогда это было высказывание или пожелание. В литературе эпиграмма приобрела характер сатирический.

Эпиграмма – жанр лирической поэзии, чаще всего остросатирического содержания; бывает очень краткой и обычно состоит из одной строфы (стихотворение из одной строфы называют также монострофой).

Вы, наверное, согласитесь с утверждением, высказанным Лермонтовым в эпиграмме. Оно же поможет вам понять, что одиночество и эгоизм – вещи разные. Это суждение позволяет предположить, что одиночество поэта родилось не из повышенной самооценки, а из неумения легко и просто общаться с окружающими людьми.

Панорама Москвы (М. Ю. Лермонтов)

Кто никогда не был на вершине Ивана Великого, кому никогда не случалось окинуть одним взглядом всю нашу древнюю столицу с конца в конец, кто ни разу не любовался этою величественной, почти необозримой панорамой, тот не имеет

понятия о Москве, ибо Москва не есть обыкновенный город, каких тысяча; Москва не безмолвная громада камней холодных, составленных в симметрическом порядке... нет! у нее есть своя душа, своя жизнь. Как в древнем римском кладбище, каждый ее камень хранит надпись, начертанную временем и роком, надпись, для толпы непонятную, но богатую, обильную мыслями, чувством и вдохновением для ученого, патриота и поэта!.. Как у океана, у нее есть свой язык, сильный, звучный, святой, молитвенный!.. Едва проснется день, как уже со всех ее златоглавых церквей раздается согласный гимн колоколов, подобно чудной, фантастической увертюре Беетговена^[19], в которой густой рев контр-баса, треск литавр, с пением скрипки и флейты, образуют одно великое целое; – и мнится, что бестелесные звуки принимают видимую форму, что духи неба и ада свиваются под облаками в один разнообразный, неизмеримый, быстро вертящийся хоровод!..

О, какое блаженство внимать этой неземной музыке, взобравшись на самый верхний ярус Ивана Великого, облокотясь на узкое, мшистое окно, к которому привела вас истертая, скользкая, витая лестница, и думать, что весь этот оркестр гремит под вашими ногами, и воображать, что все это для вас одних, что вы царь этого неведомого мира, и пожирать очами этот огромный муравейник, где суетятся люди, для вас чуждые, где кипят страсти, вами на минуту забытые!.. Какое блаженство разом обнять душою всю суетную жизнь, все мелкие заботы человечества, смотреть на мир – с высоты!

На север перед вами, в самом отдалении на краю синего небосклона, немного правее Петровского замка, чернеет романическая Марьиная роща, и перед нею лежит слой пестрых кровель, пересеченных кое-где пыльной зеленью бульваров, устроенных на древнем городском валу; на крутой горе, усыпанной низкими домиками, среди коих изредка лишь проглядывает широкая белая стена какого-нибудь боярского дома, возвышается четвероугольная, сизая, фантастическая громада – Сухарева башня. Она гордо взирает на окрестности, будто знает, что имя Петра начертано на ее мшистом челе! Ее мрачная физиономия, ее гигантские размеры, ее решительные формы, все хранит отпечаток другого века, отпечаток той грозной власти, которой ничто не могло противиться.

Ближе к центру города здания принимают вид более стройный, более европейский; проглядывают богатые колоннады, широкие дворы, обнесенные чугунными решетками, бесчисленные главы церквей, шпицы колоколен с ржавыми крестами и пестрыми раскрашенными карнизами.

Еще ближе, на широкой площади, возвышается Петровский театр, произведение новейшего искусства, огромное здание, сделанное по всем правилам вкуса, с плоской кровлей и величественным портиком, на коем возвышается алебастровый Аполлон, стоящий на одной ноге в алебастровой колеснице, неподвижно управляющий тремя алебастровыми конями и с досадою вззирающий на кремлевскую стену, которая ревниво отделяет его от древних святынь России!..

На восток картина еще богаче и разнообразнее: за самой стеной, которая вправо спускается с горы и оканчивается круглой угловой башнею, покрытой как чешуею зелеными черепицами; – немного левее этой башни являются бесчисленные куполы церкви Василия Блаженного, семидесяти приделам которой дивятся все иностранцы и которую ни один русский не потрудился еще описать подробно.

Она, как древний Вавилонский столп, состоит из нескольких уступов, кои оканчиваются огромной, зубчатой, радужного цвета главой, чрезвычайно похожей (если простят мне сравнение) на хрустальную граненую пробку старинного графина. Кругом нее рассеяно по всем уступам ярусов множество второклассных глав, совершенно не похожих одна на другую; они рассыпаны по всему зданию без симметрии, без порядка, как отрасли старого дерева, пресмыкающиеся по обнаженным корням его.

Витые тяжелые колонны поддерживают железные кровли, повисшие над дверями и наружными галереями, из коих выглядывают маленькие темные окна, как зрачки стоглазого чудовища. Тысячи затейливых иероглифических изображений рисуются вокруг этих окон; изредка тусклая лампада светится сквозь стекла их, загороженные решетками, как блещет ночью мирный светляк сквозь плющ, обвивающий полуразвалившуюся башню. – Каждый придел раскрашен снаружи особенною краской, как будто они не были выстроены все в одно время, как будто каждый владетель Москвы в продолжение многих лет прибавлял по одному, в честь своего ангела.

Весьма немногие жители Москвы решились обойти все приделы сего храма. Его мрачная наружность наводит на душу какое-то уныние; кажется, видишь перед собою самого Иоанна Грозного, – но таковым, каков он был в последние годы своей жизни!

И что же? – рядом с этим великолепным, угрюмым зданием, прямо против его дверей, кипит грязная толпа, блещут ряды лавок, кричат разносчики, суетятся булешники у пьедестала монумента, воздвигнутого Минину; гремят модные кареты, лепечут модные барыни... все так шумно, живо, непокойно!..

Вправо от Василия Блаженного, под крутым скатом, течет мелкая, широкая, грязная Москва-река, изнемогая под множеством тяжких судов, нагруженных хлебом и дровами; их длинные мачты, увенчанные полосатыми флюгерами, встают из-за Москворецкого моста, их скрипучие канаты, колеблемые ветром, как паутина, едва чернеют на голубом небосклоне. На левом берегу реки, глядясь в ее гладкие воды, белеет воспитательный дом, коего широкие голые стены, симметрически расположенные окна и трубы, и вообще европейская осанка резко отделяются от прочих соседних зданий, одетых восточной роскошью или исполненных духом средних веков. Далее к востоку на трех холмах, между коих извивается река, пестреют широкие массы домов всех возможных величин и цветов; утомленный взор с трудом может достигнуть дальнего горизонта, на котором рисуются группы нескольких монастырей, между коими Симонов примечателен особенно своею, почти между небом и землей висящею, платформой, откуда наши предки наблюдали за движениями приближающихся татар.

К югу, под горой, у самой подошвы стены кремлевской, против Тайницких ворот, протекает река, и за нею широкая долина, усыпанная домами и церквями, простирается до самой подошвы Поклонной горы, откуда Наполеон кинул первый взгляд на гибельный для него Кремль, откуда в первый раз он увидел его вещее пламя: этот грозный светоч, который озарил его торжество и его падение!

На западе, за длинной башней, где живут и могут жить одни ласточки (ибо она, будучи построена после французов, не имеет внутри ни потолков ни лестниц, и стены ее расперты крестообразно поставленными брусьями), возвышаются арки Каменного моста, который дугою перегибается с одного берега на другой; вода, удержанная небольшой запрудой, с шумом и пеною вырывается из-под него, образуя между сводами небольшие водопады, которые часто, особливо весною, привлекают любопытство московских зевак, а иногда принимают в свои недра тело бедного грешника. Далее моста, по правую сторону реки, отделяются на небосклоне зубчатые силуэты Алексеевского монастыря; по левую, на равнине между кровлями купеческих домов, блещут верхи Донского монастыря... А там – за ним одеты голубым туманом, восходящим от студеньих волн реки, начинаются Воробьевы горы, увенчанные густыми рощами, которые с крутых вершин глядятся в реку, извивающуюся у их подошвы подобно змее, покрытой серебристою чешуей.

Когда склоняется день, когда розовая мгла одевает дальние части города и окрестные холмы, тогда только можно видеть

нашу древнюю столицу во всем ее блеске, ибо подобно красавице, показывающей только вечером свои лучшие уборы, она только в этот торжественный час может произвести на душу сильное, неизгладимое впечатление.

Что сравнить с этим Кремлем, который, окружась зубчатыми стенами, красуясь золотыми главами соборов, возлежит на высокой горе, как державный венец на челе грозного владыки?..

Он алтарь России, на нем должны совершаться и уже совершались многие жертвы, достойные отечества... Давно ли, как баснословный феникс, он возродился из пылающего своего праха?!

Что величественнее этих мрачных храмин, тесно составленных в одну кучу, этого таинственного дворца Годунова, коего холодные столбы и плиты столько лет уже не слышат звуков человеческого голоса, подобно могильному мавзолею, возвышающемуся среди пустыни в память царей великих?!

Нет, ни Кремля, ни его зубчатых стен, ни его темных переходов, ни пышных дворцов его описать невозможно... Надо видеть, видеть... надо чувствовать все, что они говорят сердцу и воображению!..

Юнкер Л. Г. Гусарского Полка, Лермонтов.

Сочинение «Панорама Москвы» Лермонтов написал, когда учился в юнкерской школе.

Слово «панорама» образовано от двух греческих слов: «пан» – все и «рама» – вид, зрелище. Таким образом, панорама – это вид местности, обычно открывающийся с высоты, обширный и охватывающий все вокруг. Панорамой называют и большую по размеру живописную картину, и сочетание картины с рядом объемных изображений близких предметов. Такова знаменитая Бородинская панорама в Москве. Панорамой можно называть и описание обширной местности. Именно это и сделал Михаил Лермонтов в своем сочинении.

Вопросы и задания

►1. Составьте краткий план «Панорамы Москвы» М. Ю. Лермонтова.

2. Подготовьте краткий пересказ, используя составленный план.

►►1. Попробуйте сравнить панораму современной Москвы с той, которую видел Лермонтов в 1830-е годы.

Вы, наверное, используете не только личные впечатления, но и карты, альбомы, книги.

2. Лермонтов надолго сохранил в памяти два сравнения из текста этого сочинения: сравнение реки со змеей, покрытой серебристой чешуею, и сравнение судовых мачт и канатов с паутиной. Оба эти сравнения он использовал в своем последнем прозаическом произведении «Герой нашего времени» в повестях «Бэла» и «Тамань». Подумайте, почему эти сравнения остались в памяти поэта.

Иван Сергеевич Тургенев (1818–1883)

Биография Ивана Сергеевича Тургенева интересовала и современников, и читателей последующих поколений. Их привлекали человеческие качества писателя – доброта и благородство. Один из самых известных педагогов нашей страны Виктор Острогорский завершил свою книжку «Хорошие люди» рассказом об образованном писателе и хорошем человеке Иване Сергеевиче Тургеневе. В пятом классе вы уже познакомились с фрагментами этой биографии, мы предлагаем вам прочитать другие отрывки.

«Иван Сергеевич Тургенев родился 28 октября 1818 года в городе Орле, в богатой помещичьей семье, жившей на широкую ногу, роскошно и весело. В деревне у Тургеневых был свой оркестр из дворовых людей и нередко давались домашние спектакли, в которых, по фамильному преданию, принимал участие, еще до рождения Ивана Сергеевича, знаменитый поэт Василий Андреевич Жуковский. Отец Ивана Сергеевича, Сергей Николаевич, гордился целой вереницей знатных и богатых предков, выходцев из Золотой Орды и служивших в XVII веке воеводами при московских царях. Служа прежде в кирасирском^[20] полку, он, уже полковником, женившись на богатой девушке, Варваре Петровне Лутовиновой, присоединил к своему небольшому имению ее приданое, прекрасное село Спасское-Лутовиново, в Орловской же губернии, Мценского уезда, вышел в отставку и поселился в деревне. Это был человек суровый и холодный, но с изящными светскими манерами, большой барин, относившийся свысока ко всем, кто по богатству и связям стоял ниже его, и мало занимавшийся своими детьми. Мало доброго видел поэт и от своей матери, женщины бессердечной, обращавшейся очень дурно со своими крестьянами и дворовыми...

Воспитывала этого гениального ребенка, на месте которого

всякий другой сделался бы надутым, ничтожным баричем, сама жизнь, и окружавшая его в детстве роскошная природа, противоположность между роскошью барского дома и голой нищетой мужика, беспрестанные несправедливости и притеснения крестьянства, телесные наказания, отдачи в солдаты, высокомерное обращение с дворней, – все это не могло не пробудить в ребенке мысли и чувства, тем более что, благодаря именно родительской и гувернерской небрежности, он мог зачастую уходить из дому и проводить целые часы в обществе дворни или мужиков, очень любивших живого и доброго барчонка...

А природа, окружавшая поэта в детстве, была в самом деле прелестнейшая. Спасское – один из самых привлекательных уголков во всей средней России. Оно лежит среди обширной черноземной равнины, изрытой глубокими оврагами, с холмами, изредка покрытыми лиственными лесами, в двенадцати верстах от города Мценска. Окрестности живописны и величавы... Особенно красива сама усадьба. Впоследствии он вспоминал:

...И понемногу начало назад
Его тянуть в деревню, в темный сад,
Где липы так огромны, так тенисты,
И ландыши так девственно душисты,
Где круглые ракиты над водой
С плотины наклонились чередой,
Где тучный дуб растет над тучной нивой,
Где пахнет конопелью да крапивой...

Но вот минуло мальчику одиннадцать лет, и в 1830 году родители повезли его в Москву, где отдали в частный пансион. Среди преподавателей был и известный в те поры переводчик и исследователь прекрасной русской поэмы „Слово о полку Игореве“. Он пристрастил юношу к родному языку и литературе...»

Впоследствии впечатления детства и юности во многом определили содержание знаменитых «Записок охотника» И. С. Тургенева, в которых писатель нарисовал яркую картину средней России с ее пейзажами, бытом, нравами и обычаями всех, кто населял ее деревни и поместья. Рассказ «Бежин луг» входит в этот сборник.

Был прекрасный июльский день, один из тех дней, которые случаются только тогда, когда погода установилась надолго. С самого раннего утра небо ясно; утренняя заря не пылает пожаром: она разливается кротким румянцем. Солнце – не огнистое, не раскаленное, как во время знойной засухи, не тускло-багровое, как перед бурей, но светлое и приветно лучезарное – мирно всплывает под узкой и длинной тучкой, свежо просияет и погрузится в лиловый ее туман. Верхний, тонкий край растянутого облачка засверкает змейками; блеск их подобен блеску кованого серебра... Но вот опять хлынули играющие лучи, – и весело и величаво, словно взлетая, поднимается могучее светило. Около полудня обыкновенно появляется множество круглых высоких облаков, золотисто-серых, с нежными белыми краями. Подобно островам, разбросанным по бесконечно разлившейся реке, обтекающей их глубоко прозрачными рукавами ровной синевы, они почти не трогаются с места; далее, к небосклону, они сдвигаются; теснятся, синевы между ними уже не видать; но сами они так же лазурны, как небо: они все насквозь проникнуты светом и теплотой. Цвет небосклона, легкий, бледно-лиловый, не изменяется во весь день и кругом одинаков; нигде не темнеет, не густеет гроза; разве кое-где протянутся сверху вниз голубоватые полосы: то сеется едва заметный дождь. К вечеру эти облака исчезают; последние из них, черноватые и неопределенные, как дым, ложатся розовыми клубами напротив заходящего солнца; на месте, где оно закатилось так же спокойно, как спокойно взошло на небо, алое сиянье стоит недолгое время над потемневшей землей, и, тихо мигая, как бережно несомая свечка, затеплится на нем вечерняя звезда. В такие дни краски все смягчены; светлы, но не ярки; на всем лежит печать какой-то трогательной кротости. В такие дни жар бывает иногда весьма силен, иногда даже «пáрит» по скатам полей; но ветер разгоняет, раздвигает накопившийся зной, и вихри-круговороты – несомненный признак постоянной погоды – высокими белыми столбами гуляют по дорогам через пашню. В сухом и чистом воздухе пахнет полынью, сжатой рожью, гречихой: даже за час до ночи вы не чувствуете сырости. Подобной погоды желает земледелец для уборки хлеба...

В такой точно день охотился я однажды за тетеревами в Чернском уезде, Тульской губернии. Я нашел и настрелял довольно много дичи; наполненный ягдташ^[22] немилосердно резал мне плечо; но уже вечерняя заря погасала, и в воздухе, еще светлом, хотя не озаренном более лучами закатившегося солнца, начинали густеть и разливаться холодные тени, когда я решился наконец вернуться к себе домой. Быстрыми шагами прошел я длинную «площадь» кустов, взобрался на холм и, вместо ожидаемой знакомой равнины с дубовым леском направо и низенькой белой церковью в отдалении, увидел совершенно другие, мне не известные места. У ног моих тянулась узкая долина; прямо, напротив, крутой стеной возвышался частый осинник. Я остановился в недоумении, оглянулся... «Эге! – подумал я, – да это я совсем не туда попал: я слишком забрал вправо», – и, сам дивясь своей ошибке, проворно спустился с холма. Меня тотчас охватила неприятная, неподвижная сырость, точно я вошел в погреб; густая высокая трава на дне долины, вся мокрая, белела ровной скатертью; ходить по ней было как-то жутко. Я поскорей выкарабкался на другую сторону и пошел, забирая влево, вдоль осинника. Летучие мыши уже носились над его заснувшими верхушками, таинственно кружась и дрожа на смутно-ясном небе; резво и прямо пролетел в вышине запоздалый ястребок, спеша в свое гнездо. «Вот как только я выйду на тот угол, – думал я про себя, – тут сейчас и будет дорога, а с версту крюку я дал!»

Я добрался наконец до угла леса, но там не было никакой

дороги: какие-то некошеные, низкие кусты широко расстилались передо мной, а за ними, далеко-далеко, виднелось пустынное поле. Я опять остановился. «Что за притча?.. Да где же я?» Я стал припоминать, как и куда ходил в течение дня... «Э! да это Парахинские кусты! – воскликнул я наконец, – точно! вон это, должно быть, Синдеевская роща... Да как же это я сюда зашел? Так далеко?.. Странно! Теперь опять нужно вправо взять».

Я пошел вправо, через кусты. Между тем ночь приближалась и росла, как грозовая туча; казалось, вместе с вечерними парами отовсюду поднималась и даже с вышины лилась темнота. Мне попалась какая-то неторная, заросшая дорожка; я отправился по ней, внимательно поглядывая вперед. Все кругом быстро чернело и утихало, – одни перепела изредка кричали. Небольшая ночная птица, неслышно и низко мчавшаяся на своих мягких крыльях, почти наткнулась на меня и пугливо нырнула в сторону. Я вышел на опушку кустов и побрел по полю межой. Уже я с трудом различал отдаленные предметы; поле неясно белело вокруг; за ним, с каждым мгновением надвигаясь, громадными клубами вздымался угрюмый мрак. Глухо отдавались мои шаги в застывающем воздухе. Побледневшее небо стало опять синеть – но то уже была синева ночи. Звездочки замелькали, зашевелились на нем.

Что я было принял за рощу, оказалось темным и круглым бугром. «Да где же это я?» – повторил я опять вслух, остановился в третий раз и вопросительно посмотрел на свою английскую желто-пегую собаку Дианку, решительно умнейшую из всех четвероногих тварей. Но умнейшая из четвероногих тварей только повиляла хвостиком, уныло моргнула усталыми глазками и не подала мне никакого дельного совета. Мне стало совестно перед ней, и я отчаянно устремился вперед, словно вдруг догадался, куда следовало идти, обогнул бугор и очутился в неглубокой, кругом распаханной лощине. Странное чувство тотчас овладело мной. Лощина эта имела вид почти правильного котла с пологими боками; на дне ее торчало стоймя несколько больших, белых камней, – казалось, они сползли туда для тайного совещания, – и до того в ней было немо и глухо, так плоско, так уныло висело над нею небо, что сердце у меня сжалось. Какой-то зверок слабо и жалобно пискнул между камней. Я поспешил выбраться назад на бугор. До сих пор я все еще не терял надежды сыскать дорогу домой; но тут я окончательно удостоверился в том, что заблудился совершенно, и, уже нисколько не стараясь узнавать окрестные места, почти совсем потонувшие во мгле, пошел себе прямо, по звездам – наудалую... Около получаса шел я так, с трудом переставляя

ноги. Казалось, отроду не бывал я в таких пустых местах: нигде не мерцал огонек, не слышалось никакого звука. Один пологий холм сменялся другим, поля бесконечно тянулись за полями, кусты словно вставали вдруг из земли перед самым моим носом. Я все шел и уже собирался было прилечь где-нибудь до утра, как вдруг очутился над страшной бездной.

Я быстро отдернул занесенную ногу и, сквозь едва прозрачный сумрак ночи, увидел далеко под собою огромную равнину. Широкая река огибала ее уходящим от меня полукругом; стальные отблески воды, изредка и смутно мерцая, обозначали ее течение. Холм, на котором я находился, спускался вдруг почти отвесным обрывом; его громадные очертания отделялись, чернея, от синеватой воздушной пустоты, и прямо подо мною, в углу, образованном тем обрывом и равниной, возле реки, которая в этом месте стояла неподвижным, темным зеркалом, под самой кручью холма, красным пламенем горели и дымились друг подле дружки два огонька. Вокруг них копошились люди, колебались тени, иногда ярко освещалась передняя половина маленькой кудрявой головы...

Я узнал наконец, куда я зашел. Этот луг славится в наших околотках под названием Бежина луга... Но вернуться домой не было никакой возможности, особенно в ночную пору; ноги подкашивались подо мной от усталости. Я решился подойти к огонькам и в обществе тех людей, которых принял за гуртовщиков^[23], дожждаться зари. Я благополучно спустился вниз, но не успел выпустить из рук последнюю ухваченную мною ветку, как вдруг две большие, белые, лохматые собаки со злобным лаем бросились на меня. Детские звонкие голоса раздались вокруг огней; два-три мальчика быстро поднялись с земли. Я откликнулся на их вопросительные крики. Они подбежали ко мне, отозвали тотчас собак, которых особенно поразило появление моей Дианки, и я подошел к ним.

Я ошибся, приняв людей, сидевших вокруг тех огней, за гуртовщиков. Это просто были крестьянские ребяташки из соседних деревень, которые стерегли табун. В жаркую летнюю пору лошадей выгоняют у нас на ночь кормиться в поле: днем мухи и оводы не дали бы им покоя. Выгонять перед вечером и пригонять на утренней заре табун – большой праздник для крестьянских мальчиков. Сидя без шапок и в старых полушубках на самых бойких клячонках, мчатся они с веселым гиканьем и криком, болтая руками и ногами, высоко подпрыгивают, звонко хохочут. Легкая пыль желтым столбом поднимается и несется по дороге; далеко разносится дружный топот, лошади бегут, наострив уши; впереди всех, задравши хвост и беспрестанно

меня ноги, скачет какой-нибудь рыжий космач, с репейником в спутанной гриве.

Я сказал мальчикам, что заблудился, и подсел к ним. Они спросили меня, откуда я, помолчали, посторонились. Мы немного поговорили. Я прилег под обглоданный кустик и стал глядеть кругом. Картина была чудесная: около огней дрожало и как будто замирало, упираясь в темноту, круглое красноватое отражение; пламя, вспыхивая, изредка забрасывало за черту того круга быстрые отблески; тонкий язык света лизнет голые сучья лозника и разом исчезнет; острые, длинные тени, врываясь на мгновение, в свою очередь, добежали до самых огоньков: мрак боролся со светом. Иногда, когда пламя горело слабее и кружок света суживался, из надвинувшейся тьмы внезапно выставлялась лошадиная голова, гнедая, с извилистой проточиной, или вся белая, внимательно и тупо смотрела на нас, проворно жуя длинную траву, и, снова опускаясь, тотчас скрывалась. Только слышно было, как она продолжала жевать и отфыркивалась. Из освещенного места трудно разглядеть, что делается в потемках, и потому вблизи все казалось задернутым почти черной завесой; но далее к небосклону длинными пятнами смутно виднелись холмы и леса. Темное чистое небо торжественно и необъятно высоко стояло над нами со всем своим таинственным великолепием. Сладко стеснялась грудь, вдыхая тот особенный, томительный и свежий запах – запах русской летней ночи. Кругом не слышалось почти никакого шума... Лишь изредка в близкой реке с внезапной звучностью плеснет большая рыба и прибрежный тростник слабо зашумит, едва поколебленный набежавшей волной... Одни огоньки тихонько потрескивали.

Мальчики сидели вокруг них; тут же сидели и те две собаки, которым так было захотелось меня съесть. Они еще долго не могли примириться с моим присутствием и, сонливо щурясь и косясь на огонь, изредка рычали с необыкновенным чувством собственного достоинства; сперва рычали, а потом слегка визжали, как бы сожалея о невозможности исполнить свое желание. Всех мальчиков было пять: Федя, Павлуша, Ильюша, Костя и Ваня. (Из их разговоров я узнал их имена и намерен теперь же познакомить с ними читателя.)

Первому, старшему из всех, Феде, вы бы дали лет четырнадцать. Это был стройный мальчик, с красивыми и тонкими, немного мелкими чертами лица, кудрявыми белокурыми волосами, светлыми глазами и постоянной полувеселой, полурассеянной улыбкой. Он принадлежал, по всем приметам, к богатой семье и выехал-то в поле не по нужде, а так, для забавы. На нем была пестрая ситцевая рубаша с желтой

каемкой; небольшой новый армячок^[24], надетый внакидку, чуть держался на его узеньких плечиках; на голубеньком поясе висел гребешок. Сапоги его с низкими голенищами были точно его сапоги – не отцовские. У второго мальчика, Павлуши, волосы были всклоченные, черные, глаза серые, скулы широкие, лицо бледное, рябое, рот большой, но правильный, вся голова огромная, как говорится, с пивной котел, тело приземистое, неуклюжее. Малый был неказистый, – что и говорить! – а все-таки он мне понравился: глядел он очень умно и прямо, да и в голосе у него звучала сила. Одеждой своей он щеголять не мог: вся она состояла из простой замашной^[25] рубахи да из заплатанных портов. Лицо третьего, Ильюши, было довольно незначительно: горбоносое, вытянутое, подслеповатое, оно выражало какую-то тупую, болезненную заботливость; сжатые губы его не шевелились, сдвинутые брови не расходились – он словно все щурился от огня. Его желтые, почти белые волосы торчали острыми косицами из-под низенькой войлочной шапочки, которую он обеими руками то и дело надвигал себе на уши. На нем были новые лапти и онучи, толстая веревка, три раза перевитая вокруг стана, тщательно стягивала его опрятную черную свитку. И ему и Павлуше на вид было не более двенадцати лет. Четвертый, Костя, мальчик лет десяти, возбуждал мое любопытство своим задумчивым и печальным взором. Все лицо его было невелико, худо, в веснушках, книзу заострено, как у белки; губы едва было можно различить; но странное впечатление производили его большие, черные, жидким блеском блестящие глаза: они, казалось, хотели что-то высказать, для чего на языке, – на его языке по крайней мере, – не было слов. Он был маленького роста, сложения тщедушного и одет довольно бедно. Последнего, Ваню, я сперва было и не заметил: он лежал на земле, смирнехонько прикорнув под угловатую рогожу, и только изредка выставлял из-под нее свою русую кудрявую голову. Этому мальчику было всего лет семь.

Итак, я лежал под кустиком в стороне и поглядывал на мальчиков. Небольшой котельчик висел над одним из огней; в нем варились «картошки». Павлуша наблюдал за ним и, стоя на коленях, тыкал щепкой в закипавшую воду. Федя лежал, опершись на локоть и раскинув полы своего армяка. Ильюша сидел рядом с Костей и все так же напряженно щурился. Костя понурил немного голову и глядел куда-то вдаль. Ваня не шевелился под своей рогожей. Я притворился спящим. Понемногу мальчики опять разговорились.

Сперва они покалякали о том о сем, о завтрашних работах, о лошадях; но вдруг Федя обратился к Ильюше и, как бы

возобновляя прерванный разговор, спросил его:

– Ну, и что ж ты, так и видел домового?

– Нет, я его не видал, да его и видеть нельзя, – отвечал Ильюша сильным и слабым голосом, звук которого как нельзя более соответствовал выражению его лица, – а слышал... Да и не я один.

– А он у вас где водится? – спросил Павлуша.

– В старой рольне^[26].

– А разве вы на фабрику ходите?

– Как же, ходим. Мы с братом, с Авдюшкой, в лисовщиках^[27] состоим.

– Вишь ты – фабричные!..

– Ну, так как же ты его слышал? – спросил Федя.

– А вот как. Пришлось нам с братом Авдюшкой, да с Федором Михеевским, да с Ивашкой Косым, да с другим Ивашкой, что с Красных Холмов, да еще с Ивашкой Сухоруковым, да еще были там другие ребята; всех было нас ребяток человек десять – как есть вся смена; но а пришлось нам в рольне заночевать, то есть не то чтобы этак пришлось, а Назаров, надсмотрщик, запретил, говорит: «Что, мол, вам, ребятам, домой таскаться, завтра работы много, так вы, ребятки, домой не ходите». Вот мы остались и лежим все вместе, и зачал Авдюшка говорить, что, мол, ребята, ну, как домовой придет?.. И не успел он, Авдей-то, проговорить, как вдруг кто-то над головами у нас и заходил; но а лежали-то мы внизу, а заходил он наверху, у колеса. Слышим мы: ходит, доски под ним так и гнутся, так и трещат; вот прошел он через наши головы; вода вдруг по колесу как зашумит, зашумит; застучит, застучит колесо, завертится; но а заставки у дворца-то^[28] спущены. Дивимся мы: кто ж это их поднял, что вода пошла; однако колесо повертелось, повертелось, да и стало. Пошел тот опять к двери наверху да по лестнице спускаться стал, и этак спускается, словно не торопится; ступеньки под ним так даже и стонут... Ну, подошел тот к нашей двери, подождал, подождал – дверь вдруг вся так и распахнулась. Всполохнулись мы, смотрим – ничего... Вдруг, глядь, у одного чана форма^[29] зашевелилась, поднялась, окунулась, походила, походила этак по воздуху, словно кто ею полоскал, да и опять на место. Потом у другого чана крюк снялся с гвоздя да опять на гвоздь; потом будто кто-то к двери пошел да вдруг как закашляет, как заперхает, словно овца какая, да зычно так... Мы все так ворохом и свалились, друг под дружку полезли... Уж как же мы напугались о ту пору!

– Вишь как! – промолвил Павел. – Чего ж он раскашлялся?

– Не знаю; может, от сырости.

Все помолчали.

– А что, – спросил Федя, – картошки сварились?

Павлуша пощупал их.

– Нет, еще сыры... Вишь, плеснула, – прибавил он, повернув лицо в направлении реки, – должно быть, щука... А вон звездочка покатилась.

– Нет, я вам что, братцы, расскажу, – заговорил Костя тонким голоском, – послушайте-ка, намердись что тятя при мне рассказывал.

– Ну, слушаем, – с покровительствующим видом сказал Федя.

– Вы ведь знаете Гаврилу, слободского плотника?

– Ну да; знаем.

– А знаете ли, отчего он такой все невеселый, все молчит, знаете? Вот отчего он такой невеселый. Пошел он раз, – тятенька говорил, – пошел он, братцы мои, в лес по орехи. Вот пошел он в лес по орехи, да и заблудился; зашел, бог знает, куды зашел. Уж он ходил, ходил, братцы мои, – нет! не может найти дороги, а уж ночь на дворе. Вот и присел он под дерево, давай, мол, дождусь утра, – присел и задремал. Вот задремал и слышит вдруг, кто-то его зовет. Смотрит – никого. Он опять задремал – опять зовут. Он опять глядит, глядит: а перед ним на ветке русалка сидит, качается и его к себе зовет, а сама помирает со смеху, смеется... А месяц-то светит сильно, так сильно, явственно светит месяц – все, братцы мои, видно. Вот зовет она его, и такая вся сама светленькая, беленькая сидит на ветке, словно плотичка какая или пескарь, – а то вот еще карась бывает такой белесоватый, серебряный... Гаврила-то плотник так и обмер, братцы мои, а она знай хохочет да его все к себе этак рукой зовет. Уж Гаврила было и встал, послушался было русалки, братцы мои, да, зная, Господь его надоумил: положил-таки на себя крест... А уж как ему было трудно крест-то класть, братцы мои, говорит, рука просто как каменная, не ворочается... Ах ты этакой, а!.. Вот как положил он крест, братцы мои, русалочка-то и смеяться перестала, да вдруг как заплачет... Плачет она, братцы мои, глаза волосами утирает, а волосы у нее зеленые, что твоя конопля. Вот поглядел, поглядел на нее Гаврила, да и стал ее спрашивать: «Чего ты, лесное зелье, плачешь?» А русалка-то как взговорит ему: «Не креститься бы тебе, говорит, человече, жить бы тебе со мной на веселии до конца дней; а плачу я, убиваюсь оттого, что ты крестился; да не я одна убиваться буду: убивайся же и ты до конца дней». Тут она, братцы мои, пропала, а Гавриле тотчас и понятственно стало, как ему из лесу, то есть, выйти... А только с тех пор он все невеселый ходит.

– Эка! – проговорил Федя после недолгого молчанья, – да как

же это может такая лесная нечисть христианскую душу испортить, – он же ее не послушался?

– Да вот поди ты! – сказал Костя. – И Гаврила баил, что голосок, мол, у ней такой тоненький, жалобный, как у жабы.

– Твой батька сам это рассказывал? – продолжал Федя.

– Сам. Я лежал на полатах, все слышал.

– Чудное дело! Чего ему быть невеселым?.. А, знать, он ей понравился, что позвала его.

– Да, понравился! – подхватил Ильюша. – Как же! Защекотать она его хотела, вот что она хотела. Это ихнее дело, этих русалок-то.

– А ведь вот и здесь должны быть русалки, – заметил Федя.

– Нет, – отвечал Костя, – здесь место чистое, вольное. Одно – река близко.

Все смолкли. Вдруг, где-то в отдалении, раздался протяжный, звенящий, почти стенящий звук, один из тех непонятных ночных звуков, которые возникают иногда среди глубокой тишины, поднимаются, стоят в воздухе и медленно разносятся наконец, как бы замирая. Прислушаешься – и как будто нет ничего, а звенит. Казалось, кто-то долго, долго прокричал под самым небосклоном, кто-то другой как будто отозвался ему в лесу тонким, острым хохотом, и слабый, шипящий свист промчался по реке. Мальчики переглянулись, вздрогнули...

– С нами крестная сила! – шепнул Илья.

– Эх вы, вороны! – крикнул Павел. – Чего всполохнулись? Посмотрите-ка, картошки сварились. (Все пододвинулись к котельчику и начали есть дымящийся картофель; один Ваня не шевельнулся.) Что же ты? – сказал Павел.

Но он не вылез из-под своей рогожи. Котельчик скоро весь опорожнился.

– А слышали вы, ребятки, – начал Ильюша, – что намерднись у нас в Варнавицах приключилось?

– На плотине-то? – спросил Федя.

– Да, да, на плотине, на прорванной. Вот уж нечистое место, так нечистое, и глухое такое. Кругом все такие буераки, овраги, и в оврагах всё казюли^[30] водятся.

– Ну, что такое случилось? рассказывай...

– А вот что случилось. Ты, может быть, Федя, не знаешь, а только там у нас утопленник похоронен; а утопился он давным-давно, как пруд еще был глубок; только могила его еще видна, да и та чуть видна: так – бугорочек... Вот, на днях, зовет приказчик псаря Ермила, говорит: «Ступай, мол, Ермил, на пошту». Ермил у нас завсегда на пошту ездит; собак-то он всех своих поморил: не живут они у него отчего-то, так-таки никогда и

не жили, а псарь он хороший, всем взял. Вот поехал Ермил за поштой, да и замешкался в городе, но а едет назад уж он хмельён. А ночь, и светлая ночь: месяц светит... Вот и едет Ермил через плотину: такая уж его дорога вышла. Едет он этак, псарь Ермил, и видит: у утопленника на могиле барашек, белый такой, кудрявый, хорошенький, похаживает. Вот и думает Ермил: «Сем возьму его, – что ему так пропадать», да и слез, и взял его на руки... Но а барашек – ничего. Вот идет Ермил к лошади, а лошадь от него таращится, храпит, головой трясет; однако он ее отпрукал, сел на нее с барашком и поехал опять; барашка перед собой держит. Смотрит он на него, и барашек ему прямо в глаза так и глядит. Жутко ему стало, Ермилу-то псарю: что, мол, не помню я, чтобы этак бараны кому в глаза смотрели; однако ничего, стал он его этак по шерсти гладить, – говорит: «Бяша, бяша!» А баран-то вдруг как оскалит зубы, да ему тоже: «Бяша, бяша...»

Не успел рассказчик произнести это последнее слово, как вдруг обе собаки разом поднялись, с судорожным лаем ринулись прочь от огня и исчезли во мраке. Все мальчики перепугались. Ваня выскочил из-под своей рогожи. Павлуша с криком бросился вслед за собаками. Лай их быстро удалялся... Послышалась беспокойная беготня встревоженного табуна. Павлуша громко кричал: «Серый! Жучка!..» Через несколько мгновений лай замолк; голос Павла принёсся уже издалека... Прошло еще немного времени; мальчики с недоумением переглядывались, как бы выжидая, что-то будет... Внезапно раздался топот скачущей лошади, круто остановилась она у самого костра, и, уцепившись за гриву, проворно спрыгнул с нее Павлуша. Обе собаки также вскочили в кружок света и тотчас сели, высунув красные языки.

– Что там? что такое? – спросили мальчики.

– Ничего, – отвечал Павел, махнув рукой на лошадь, – так, что-то собаки зачужали. Я думал, волк, – прибавил он равнодушным голосом, проворно дыша всей грудью.

Я невольно полюбовался Павлушей. Он был очень хорош в это мгновение. Его некрасивое лицо, оживленное быстрой ездой, горело смелой удаley и твердой решимостью. Без хворостинки в руке, ночью, он, нимало не колеблясь, поскакал один на волка... «Что за славный мальчик!» – думал я, глядя на него.

– А видали их, что ли, волков-то? – спросил трусишка Костя.

– Их всегда здесь много, – отвечал Павел, – да они беспокойны только зимой.

Он опять прикорнул перед огнем. Садясь на землю, уронил он руку на мохнатый затылок одной из собак, и долго не поворачивало головы обрадованное животное, с признательной гордостью посматривая сбоку на Павлушу.

Ваня опять забился под рогожку.

– А какие ты нам, Илюшка, страхи рассказывал, – заговорил Федя, которому, как сыну богатого крестьянина, приходилось быть запевалой (сам же он говорил мало, как бы боясь уронить свое достоинство). – Да и собак тут нелегкая дернула залаять... А точно, я слышал, это место у вас нечистое.

– Варнавицы?.. Еще бы! еще какое нечистое! Там не раз, говорят, старого барина видали – покойного барина. Ходит, говорят, в кафтане долгополом и все это этак охает, чего-то на земле ищет. Его раз дедушка Трофимыч повстречал: «Что, мол, батюшка, Иван Иванович, изволишь искать на земле?»

– Он его спросил? – перебил изумленный Федя.

– Да, спросил.

– Ну, молодец же после этого Трофимыч... Ну, и что ж тот?

– Разрыв-травы, говорит, ищу. Да так глухо говорит, глухо: – Разрыв-травы. – А на что тебе, батюшка Иван Иванович, разрыв-травы? – Давит, говорит, могила давит, Трофимыч: вон хочется, вон...

– Вишь какой! – заметил Федя, – мало, знать, пожил.

– Экое диво! – промолвил Костя. – Я думал, покойников можно только в родительскую субботу видеть.

– Покойников во всяк час видеть можно, – с уверенностью подхватил Илюша, который, сколько я мог заметить, лучше других знал все сельские поверья... – Но в родительскую субботу ты можешь и живого увидеть, за кем, то есть, в том году очередь помирать. Стоит только ночью сесть на паперть на церковную да все на дорогу глядеть. Те и пойдут мимо тебя по дороге, кому, то есть, умирать в том году. Вот у нас в прошлом году баба Ульяна на паперть ходила.

– Ну, и видела она кого-нибудь? – с любопытством спросил Костя.

– Как же. Перво-наперво она сидела долго, долго, никого не видала и не слыхала... только все как будто собачка этак залает, залает где-то... Вдруг, смотрит: идет по дорожке мальчик в одной рубашонке. Она приглянулась – Ивашка Федосеев идет...

– Тот, что умер весной? – перебил Федя.

– Тот самый. Идет и головушки не подымает... А узнала его Ульяна... Но а потом смотрит: баба идет. Она вглядываться, вглядываться, – ах ты, Господи! – сама идет по дороге, сама Ульяна.

– Неужто сама? – спросил Федя.

– Ей-богу, сама.

– Ну что ж, ведь она еще не умерла?

– Да году-то еще не прошло. А ты посмотри на нее, в чем

душа держится.

Все опять притихли. Павел бросил горсть сухих сучьев на огонь. Резко зачернелись они на внезапно вспыхнувшем пламени, затрещали, задымилась и пошла коробиться, приподнимая обожженные концы. Отражение света ударило, порывисто дрожа, во все стороны, особенно кверху. Вдруг откуда ни возьмись белый голубок, – налетел прямо в это отражение, пугливо повертелся на одном месте, весь обливаясь горячим блеском, и исчез, звеня крылами.

– Знать, от дому отбилсь, – заметил Павел. – Теперь будет лететь, покуда на что наткнется, и где ткнет, там и ночует до зари.

– А что, Павлуша, – промолвил Костя, – не праведная ли эта душа летела на небо, ась?

Павел бросил другую горсть сучьев на огонь.

– Может быть, – проговорил он наконец.

– А скажи, пожалуй, Павлуша, – начал Федя, – что, у вас тоже в Шаламове было видать предвиденье-то^[31] небесное?

– Как солнца-то не стало видно? Как же.

– Чай, напугались и вы?

– Да не мы одни. Барин-то наш, хоша и толковал нам напередки, что, дескать, будет вам предвиденье, а как затемнело, сам, говорят, так перетрусился, что нá-поди. А на дворовой избе баба-стряпуха, так та, как только затемнело, слышь, взяла да ухватом все горшки перебила в печи: «Кому теперь есть, говорит, наступило светопрестановление». Так шти и потекли. А у нас на деревне такие, брат, слухи ходили, что, мол, белые волки по земле побегут, людей есть будут, хищная птица полетит, а то и самого Тришку^[32] увидят.

– Какого это Тришку? – спросил Костя.

– А ты не знаешь? – с жаром подхватил Ильюша. – Ну, брат, откентелева же ты, что Тришки не знаешь? Сидни же у вас в деревне сидят, вот уж точно сидни! Тришка – эвто будет такой человек удивительный, который придет; а придет он, когда наступят последние времена. И будет он такой удивительный человек, что его и взять нельзя будет, и ничего ему сделать нельзя будет: такой уж будет удивительный человек. Захотят его, например, взять хрестьяне, выйдут на него с дубьем, оцепят его, но а он им глаза отведет – так отведет им глаза, что они сами друг друга побьют. В острог его посадят, например, – он попросит водицы испить в ковшике: ему принесут ковшик, а он нырнет туда, да и поминай как звали. Цепи на него наденут, а он в ладошки затрепещется – они с него так и попадают. Ну, и будет ходить этот Тришка по селам да по городам; и будет этот Тришка,

лукавый человек, соблазнять народ христианский... ну, а сделать ему нельзя будет ничего... Уж такой он будет удивительный, лукавый человек.

– Ну да, – продолжал Павел своим неторопливым голосом, – такой. Вот его-то и ждали у нас. Говорили старики, что вот, мол, как только предвиденье небесное зачнется, так Тришка и придет. Вот и зачалось предвиденье. Высыпал весь народ на улицу, в поле, ждет, что будет. А у нас, вы знаете, место видное, привольное. Смотрят – вдруг от слободки с горы идет какой-то человек, такой мудреный, голова такая удивительная... Все как крикнул: «Ой, Тришка идет! ой, Тришка идет!» – да кто куды! Староста наш в канаву залез; старостиха в подворотне застряла, благим матом кричит, свою же дворовую собаку так запужала, что та с цепи долой, да через плетень, да в лес; а Кузькин отец, Дорофеич, вскочил в овес, присел, да и давай кричать перепелом: «Авось, мол, хоть птицу-то враг, душегубец, пожалеет». Такого-то все переполошились!.. А человек-то это шел наш бочар^[33], Вавила: жбан себе новый купил да на голову пустой жбан и надел.

Все мальчишки засмеялись и опять приумолкли на мгновение, как это часто случается с людьми, разговаривающими на открытом воздухе. Я поглядел кругом: торжественно и царственно стояла ночь; сырую свежесть позднего вечера сменила полуночная сухая теплынь, и еще долго было ей лежать мягким пологом на заснувших полях; еще много времени оставалось до первого лепета, до первых шорохов и шелестов утра, до первых росинок зари. Луны не было на небе: она в ту пору поздно всходила. Бесчисленные золотые звезды, казалось, тихо текли все, наперерыв мерцая, по направлению Млечного Пути, и, право, глядя на них, вы как будто смутно чувствовали сами стремительный, безостановочный бег земли...

Станный, резкий, болезненный крик раздался вдруг два раза сряду над рекой и, спустя несколько мгновений, повторился уже далее...

Костя вздрогнул. «Что это?»

– Это цапля кричит, – спокойно возразил Павел.

– Цапля, – повторил Костя... – А что такое, Павлуша, я вчера слышал вечером, – прибавил он, помолчав немного, – ты, может быть, знаешь...

– Что ты слышал?

– А вот что я слышал. Шел я из Каменной Гряды в Шашкино; а шел сперва все нашим орешником, а потом лужком пошел – знаешь, там, где он сугибелью^[34] выходит, – там ведь есть бучило^[35]; знаешь, оно еще все камышом заросло; вот пошел я мимо этого бучила, братцы мои, и вдруг из того-то бучила как

застонет кто-то, да так жалостливо, жалостливо: у-у... у-у... у-у! Страх такой меня взял, братцы мои: время-то позднее, да и голос такой болезненный. Так вот, кажется, сам бы и заплакал... Что бы это такое было? ась?

– В этом бучиле в запрошлом лете Акима-лесника утопили воры, – заметил Павлуша, – так, может быть, его душа жалобится.

– А ведь и то, братцы мои, – возразил Костя, расширив свои и без того огромные глаза... – Я и не знал, что Акима в том бучиле утопили: я бы еще не так напужался.

– А то, говорят, есть такие лягушки махонькие, – продолжал Павел, – которые так жалобно кричат.

– Лягушки? Ну, нет, это не лягушки... какие это... (Цапля опять прокричала над рекой.) – Эх ее! – невольно произнес Костя, – словно леший кричит.

– Леший не кричит, он немой, – подхватил Ильюша, – он только в ладоши хлопает да трещит...

– А ты его видал, лешего-то, что ли? – насмешливо перебил его Федя.

– Нет, не видал, и сохрани Бог его видеть; но а другие видели. Вот на днях он у нас мужичка обошел: водил, водил его по лесу, и все вокруг одной поляны... Едва-те к свету домой добился.

– Ну, и видел он его?

– Видел. Говорит, такой стоит большой, большой, темный, скутанный, этак словно за деревом, хорошенько не разберешь, словно от месяца прячется, и глядит, глядит глазищами-то, моргает ими, моргает...

– Эх ты! – воскликнул Федя, слегка вздрогнув и передернув плечами, – пфу!..

– И зачем эта погань в свете развелась? – заметил Павел. – Не понимаю, право!

– Не бранись: смотри, услышит, – заметил Илья.

Настало опять молчание.

– Гляньте-ка, гляньте-ка, ребятки, – раздался вдруг детский голос Вани, – гляньте на Божьи звездочки, – что пчелки роятся!

Он выставил свое свежее личико из-под рогожи, оперся на кулачок и медленно поднял кверху свои большие тихие глаза. Глаза всех мальчиков поднялись к небу и не скоро опустились.

– А что, Ваня, – ласково заговорил Федя, – что, твоя сестра Анютка здорова?

– Здорова, – отвечал Ваня, слегка картавя.

– Ты ей скажи – что она к нам, отчего не ходит?..

– Не знаю.

– Ты ей скажи, чтобы она ходила.

- Скажу.
- Ты ей скажи, что я ей гостинца дам.
- А мне дашь?
- И тебе дам.

Ваня вздохнул.

– Ну, нет, мне не надо. Дай уж лучше ей: она такая у нас добренькая.

И Ваня опять положил свою голову на землю. Павел встал и взял в руку пустой котельчик.

- Куда ты? – спросил его Федя.
- К реке, водицы зачерпнуть: водицы захотелось испить. Собаки поднялись и пошли за ним.
- Смотри не упади в реку! – крикнул ему вслед Ильюша.
- Отчего ему упасть? – сказал Федя, – он остережется.

– Да, остережется. Всяко бывает: он вот нагнется, станет черпать воду, а водяной его за руку схватит да потащит к себе. Станут потом говорить: упал, дескать, малый в воду... А какое упал?... Во-вон, в камыши полез, – прибавил он, прислушиваясь.

Камыши точно, раздвигаясь, «шуршали», как говорится у нас.

– А правда ли, – спросил Костя, – что Акулина-дурочка с тех пор и рехнулась, как в воде побывала?

– С тех пор... Какова теперь! Но а говорят, прежде красавица была. Водяной ее испортил. Знать, не ожидал, что ее скоро вытащут. Вот он ее, там у себя на дне, и испортил.

(Я сам не раз встречал эту Акулину. Покрытая лохмотьями, страшно худая, с черным, как уголь, лицом, помутившимся взором и вечно оскаленными зубами, топчется она по целым часам на одном месте, где-нибудь на дороге, крепко прижав костлявые руки к груди и медленно переваливаясь с ноги на ногу, словно дикий зверь в клетке. Она ничего не понимает, что бы ей ни говорили, и только изредка судорожно хохочет.)

– А говорят, – продолжал Костя, – Акулина оттого в реку и кинулась, что ее полюбовник обманул.

– От того самого.

– А помнишь Васю? – печально прибавил Костя.

– Какого Васю? – спросил Федя.

– А вот того, что утонул, – отвечал Костя, – в этой вот в самой реке. Уж какой же мальчик был! и-их, какой мальчик был! Мать-то его, Феклиста, уж как же она его любила, Васю-то! И словно чужая она, Феклиста-то, что ему от воды гибель произойдет. Бывало, пойдет-от Вася с нами, с ребятами, летом в речку купаться, – она так вся и встрепещется. Другие бабы ничего, идут себе мимо с корытами, переваливаются, а Феклиста поставит корыто наземь и станет его кликать: «Вернись, мол, вернись, мой

светик! ох, вернись, соколик!» И как утонул, Господь знает. Играл на бережку, и мать тут же была, сено сгребала; вдруг слышит, словно кто пузыри по воде пускает, – глядь, а только уж одна Васина шапонька по воде плывет. Ведь вот с тех пор и Феклиста не в своем уме: придет да и ляжет на том месте, где он утонул; ляжет, братцы мои, да и затянет песенку, – помните, Вася-то все такую песенку певал, – вот ее-то она и затянет, и сама плачет, плачет, горько Богу жалится...

– А вот Павлуша идет, – молвил Федя.

Павел подошел к огню с полным котельчиком в руке.

– Что, ребята, – начал он, помолчав, – неладно дело.

– А что? – торопливо спросил Костя.

– Я Васин голос слышал.

Все так и вздрогнули.

– Что ты, что ты? – пролепетал Костя.

– Ей-богу. Только стал я к воде нагибаться, слышу вдруг зовут меня этак Васиным голосом и словно из-под воды: «Павлуша, а Павлуша!» Я слушаю, а тот опять зовет: «Павлуша, подь сюда». Я отошел. Однако воды зачерпнул.

– Ах ты, Господи! ах ты, Господи! – проговорили мальчики, крестясь.

– Ведь это тебя водяной звал, Павел, – прибавил Федя... – А мы только что о нем, о Васе-то, говорили.

– Ах, это примета дурная, – с расстановкой проговорил Ильяша.

– Ну, ничего, пушай! – произнес Павел решительно и сел опять, – своей судьбы не минуешь.

Мальчики приутихли. Видно было, что слова Павла произвели на них глубокое впечатление. Они стали укладываться перед огнем, как бы собираясь спать.

– Что это? – спросил вдруг Костя, приподняв голову.

Павел прислушался.

– Это кулички летят, посвистывают.

– Куда ж они летят?

– А туда, где, говорят, зимы не бывает.

– А разве есть такая земля?

– Есть.

– Далеко?

– Далеко, далеко, за теплыми морями.

Костя вздохнул и закрыл глаза.

Уже более трех часов протекло с тех пор, как я присоединился к мальчикам. Месяц взмошел наконец, я его не тотчас заметил: так он был мал и узок. Эта безлунная ночь, казалось, была все так же великолепна, как и прежде... Но уже

склонились к темному краю земли многие звезды, еще недавно высоко стоявшие на небе; все совершенно затихло кругом, как обыкновенно затихает все только к утру: все спало крепким, неподвижным, передрагсметным сном. В воздухе уже не так сильно пахло, – в нем снова как будто разливалась сырость... Недолги летние ночи!.. Разговор мальчиков угасал вместе с огнями... Собаки даже дремали; лошади, сколько я мог различить, при чуть брезжущем, слабо льющемся свете звезд, тоже лежали, понунив головы... Сладкое забытие напало на меня; оно перешло в дремоту.

Свежая струя пробежала по моему лицу. Я открыл глаза: утро зачиналось. Еще нигде не румянилась заря, но уже забелелось на востоке. Все стало видно, хотя смутно видно, кругом. Бледно-серое небо светлело, холодело, синело; звезды то мигали слабым светом, то исчезали; отсырела земля, запотели листья, кое-где стали раздаваться живые звуки, голоса, и жидкий, ранний ветерок уже пошел бродить и порхать над землею. Тело мое ответило ему легкой, веселой дрожью. Я проворно встал и подошел к мальчикам. Они все спали как убитые вокруг тлеющего костра; один Павел приподнялся до половины и пристально поглядел на меня.

Я кивнул ему головой и пошел восвояси вдоль задымившейся реки. Не успел я отойти двух верст, как уже полились кругом меня по широкому мокрому лугу, и спереди, по зазеленевшимся холмам, от лесу до лесу, и сзади по длинной пыльной дороге, по сверкающим, обгаренным кустам, и по реке, стыдливо синевшей из-под редющего тумана, – полились сперва алые, потом красные, золотые потоки молодого, горячего света... Все зашевелилось, проснулось, запело, зашумело, заговорило. Всюду лучистыми алмазами зарделись крупные капли росы; мне навстречу, чистые и ясные, словно тоже обмытые утренней прохладой, принесли звуки колокола, и вдруг мимо меня, погоняемый знакомыми мальчиками, промчался отдохнувший табун...

Я, к сожалению, должен прибавить, что в том же году Павла не стало. Он не утонул: он убится, упав с лошади. Жаль, славный был парень!

Вопросы и задания

- ▶1. Как вы представляете себе «ночное»? Зачем мальчики должны всю ночь быть с лошадьми на лугу?
2. Почему рассказ назван по тому месту, где

происходят события?

3. Кого вы считаете главными героями рассказа?

4. Какую роль в рассказе играет охотник, который присоединился к мальчикам у костра?

5. Какое место в рассказе занимает беседа мальчиков у костра?

►1. Опишите одного из мальчиков и при этом объясните свой выбор.

2. Насколько активно принимал участие в беседе каждый из мальчиков? Чем вы это объясняете?

3. Чего в этой беседе у костра было больше – монологов? диалогов?

►►1. Подготовьте пересказ одной из историй, которые прозвучали у костра. Объясните свой выбор.

2. Подготовьте сравнительную характеристику Павла и Ильюши.

3. Создайте групповую характеристику всех пятерых мальчиков.

4. Тургенев долго искал слово, которым лучше назвать истории, рассказываемые мальчиками. Сначала он назвал их *рассказнями*, затем – *преданиями*, наконец, *поверьями*. Современные ученые называют такие рассказы *былинками*. Попробуйте объяснить отличие в значении этих слов.

Речевая характеристика литературных героев

Всем известно, как важна речь в жизни человека. Наверное, поэтому самое первое слово, которое сказал человек, обычно замечает не только его мама, но и все окружающие. Много позже они обязательно расскажут о нем самому герою этого события.

Речевая характеристика человека показывает, как он общается с другими людьми, каков его образ мыслей, уровень

знаний. Иногда речевую характеристику присоединяют к портретному описанию героя. Но все же она заслуживает отдельного разговора.

Речевая характеристика человека, которую автор предлагает читателю, помогает понять героя, делает ясными его отношения с другими людьми, раскрывает его темперамент, культуру, взгляды.

Богатство или бедность словаря человека, владение связной речью, умение красиво и убедительно говорить во многом определяют наше отношение и к любому человеку, и к литературному герою.

Мы всегда можем оценить участие героя в диалоге и его собственные монологи. Но при этом знаем, что автор сознательно дает нам этот материал, чтобы мы – читатели – могли разобраться в том, какой перед нами человек. С детства нам ясно, что за человек «почемучка» и как рождаются некоторые обидные прозвища, связанные с речью человека.

Мы, читатели, учимся ценить речь героев и совершенствовать свою речь, читая совершенные произведения классики.

В рассказе И. С. Тургенева «Бежин луг» вокруг костра сидели пять мальчиков, и писатель представляет их, вслушиваясь в их речь, на основе которой он может дать каждому речевую характеристику.

Вопросы и задания

►1. Разговор мальчиков у костра занимает более десяти страниц. Сколько монологов входит в описание этой беседы?

2. Что отличает монологи Павла от монологов Илюши?

3. Создайте словарик одного из пяти мальчиков, которые сидели у костра. Что отличает речь каждого из мальчиков?

►►1. Речь какого литературного героя, как вам кажется, отличается многословием?

2. Речь какого героя отличается излишним лаконизмом?

3. Вспомните диалог Тома и Гека и решите, кто из них красноречивее. Докажите свою правоту.

►►►1. Что вам легче подготовить для исполнения – диалог или монолог? Почему?

Николай Алексеевич Некрасов (1821–1877 (1878))

Имение Грешнево, в котором прошло детство Некрасова, стояло у дороги, по которой проходил самый разный народ. Спустя много лет поэт напишет об этом в стихотворении «Крестьянские дети»:

Под наши густые, старинные вязы
На отдых тянуло усталых людей.
Ребята обступят: начнутся рассказы
Про Киев, про турку, про чудных зверей.
.....
Рабочий расставит, разложит снаряды —
Рубанки, подпилки, долота, ножи:
«Гляди, чертенята!» А дети и рады,
Как пилишь, как лудишь – им все покажи.
.....
Случалось, тут целые дни пролетали,
Что новый прохожий, то новый рассказ...

Недалеко от усадьбы Некрасовых протекала Волга. Здесь, на великой русской реке, мальчик столкнулся с нечеловечески трудной работой бурлаков, которые на себе, волоком, держась за крепкие лямки (веревки), тащили баржи против течения. Позже, лишившись поддержки отца, Николай испытал, каково было жить трудовому человеку. Тяжко работалось не только взрослым, но и малым детям. У Некрасова есть стихотворение, которое называется «Плач детей». Доведенные до отчаяния работой, дети кричат:

– Погоди, ужасное круженье!
Дай нам память слабую собрать! —
Бесполезно плакать и молиться,
Колесо не слышит, не щадит:
Хоть умри – проклятое вертится,
Хоть умри – гудит – гудит – гудит!

Некрасов был, пожалуй, единственным русским поэтом, кто рассказал о тяжести подневольного труда так, как это сделал бы сам народ.

Летом 1856 года поэт жил на берегу Финского залива в Ораниенбауме, в сорока километрах от Санкт-Петербурга. Эта морская пристань и город вокруг нее связаны с именем великого русского ученого и поэта М. В. Ломоносова. Становление личности этого выдающегося человека всегда волновало поэта. В 1840 году, в самом начале своего творчества, Некрасов написал пьесу в стихах «Юность Ломоносова». Проведя лето в местах, которые хранят память о великом соотечественнике, он создал стихотворение «Школьник». Вера в силы народа пронизывает строки этого замечательного произведения.

Крестьянские дети (Н. А. Некрасов)

Опять я в деревне. Хожу на охоту,
Пишу мои вирши – живется легко.
Вчера, утомленный ходьбой по болоту,
Забрел я в сарай и заснул глубоко.
Проснулся: в широкие щели сарая
Глядятся веселого солнца лучи.
Воркует голубка; над крышей летая,
Кричат молодые грачи;
Летит и другая какая-то птица —
По тени узнал я ворону как раз;
Чу! шепот какой-то... а вот вереница
Вдоль щели внимательных глаз!
Всё серые, карие, синие глазки —
Смешались, как в поле цветы.
В них столько покоя, свободы и ласки,
В них столько святой доброты!
Я детского глаза люблю выражение,
Его я узнаю всегда.
Я замер: коснулось души умиление...
Чу! шепот опять!

Первый голос

Борода!

Второй

А барин, сказали!..

Третий

Потише вы, черти!

Второй

У бар бороды не бывает – усы.

Первый

А ноги-то длинные, словно как жерди.

Четвертый

А вона на шапке, глади-тко – часы!

Пятый

Ай, важная штука!

Шестой

И цепь золотая...

Седьмой

Чай, дорого сто́ит?

Восьмой

Как солнце горит!

Девятый

А вона собака – большая, большая!
Вода с языка-то бежит.

Пятый

Ружье! Погляди-тко: стволина двойная,
Замочки резные...

Третий (с испугом)

Глядит!

Четвертый

Молчи, ничего! постоим еще, Гриша!

Третий

Прибьет...

* * *

Испугались шпионы мои
И кинулись прочь: человека заслыша,
Так стаяй с мякины летят воробы.
Затих я, прищурился – снова явились,
Глазенки мелькают в щели.
Что было со мною – всему подивились
И мой приговор изрекли:
«Такому-то гусю уж что за охота!
Лежал бы себе на печи!
И видно, не барин: как ехал с болота,
Так рядом с Гаврилой...» – «Услышит, молчи!»

* * *

О милые плуты! Кто часто их видел,
Тот, верю я, любит крестьянских детей...
Заметив, что стали ребята смелей,
«Эй! вору идут! – закричал я Фингалу: —
Украдут, украдут! Ну, прячь поскорей!»

Фингалушка скорчил серьезную мину,
Под сено пожитки мои закопал,
С особым старанием припрятал дичину,
У ног моих лег – и сердито рычал.
Обширная область собачьей науки
Ему в совершенстве знакома была;
Он начал такие выкидывать штуки,
Что публика с места сойти не могла,
Дивятся, хохочут! Уж тут не до страха!
Командуют сами! – «Фингалка, умри!»
«Не за́сти, Сергей! Не толкайся, Кузяха!» —
«Смотри – умирает – смотри!»
Я сам наслаждался, валяясь на сене,
Их шумным весельем. Вдруг стало темно
В сарае: так быстро темнеет на сцене,
Когда разразится грозе суждено.
И точно: удар прогремел над сараем,
В сарай полилась дождевая река,
Актер залился оглушительным лаем,
А зрители дали стрелка!
Широкая дверь отперлась, закрипела,
Ударилась в стену, опять заперлась.
Я выглянул: темная туча висела
Над нашим театром как раз.
Под крупным дождем ребятишки бежали
Босые к деревне своей...
Мы с верным Фингалом грозу переждали
И вышли искать дупелей.

Вопросы и задания

- ▶1. Кого вы считаете героями этого стихотворения?
2. Сколько ребятишек – участников диалога – насчитал автор?
3. Что отличает **третий** голос, которому принадлежат четыре реплики, от голосов остальных участников беседы?

- ▶▶1. Какие краски использовал автор в этом стихотворении? Найдите их и объясните, почему он так скуп в красках, описывая летнюю сцену в сарае.
2. Составьте портрет охотника по замечаниям-

репликам крестьянских детей.

►►►1. Найдите рифмы в диалоге деревенских ребятишек.

2. Опишите представление, которое дал Фингал. Почему автор назвал эту сцену театром? Что в ней особенно понравилось деревенским ребятишкам?

3. Как описано начало грозы? Почему гроза не вызвала страха у ребятишек из деревни?

4. Какова роль сравнений в этом стихотворении?

Школьник (Н. А. Некрасов)
--

– Ну, пошел же, ради Бога!
Небо, ельник и песок —
Невеселая дорога...
Эй! садись ко мне, дружок!

Ноги босы, грязно тело,
И едва прикрыта грудь...
Не стыдися! что за дело?
Это многих славных путь.

Вижу я в котомке книжку.
Так, учиться ты идешь...
Знаю: батка на сынишку
Издержал последний грош.

Знаю: старая дьячиха
Отдала четвертачок,
Что проезжая купчиха
Подарила на чаек.

Или, может, ты дворовый
Из отпущенных?.. Ну, что ж!
Случай тоже уж не новый —
Не робей, не пропадешь!

Скоро сам узнаешь в школе,
Как архангельский мужик
По своей и Божьей воле
Стал разумен и велик.

Не без добрых душ на свете —
Кто-нибудь свезет в Москву,
Будешь в университете —
Сон свершится наяву!

Там уж поприще широко:
Знай работай да не трусь...
Вот за что тебя глубоко
Я люблю, родная Русь!

Не бездарна та природа,
Не погиб еще тот край,
Что выводит из народа
Столько славных то и знай, —

Столько добрых, благородных,
Сильных любящей душой,
Посреди тупых, холодных
И напыщенных собой!

Вопросы и задания

- ▶1. Кто герой этого стихотворения?
2. Почему будущий ученый назван «школьником»?
3. Из каких сословий, как говорит поэт, приходят новые «школьники»?

▶▶1. Как вы объясняете название стихотворения? Это описание трудного пути к учению или характеристика будущего ученого?

2. Какие приметы трудного пути в науку рисует поэт? Найдите эти эпитеты.

▶▶▶1. Когда вы догадались, что Некрасов рассказывает нам о трудном пути Ломоносова и других ученых, которые вышли из народа?

2. Найдите в стихотворении строфу, которая несет главную мысль стихотворения и говорит о том, что богата «славными» людьми наша Родина.

Герой художественного произведения и его имя

Когда мы вспоминаем прочитанную книгу, то прежде всего на память приходят имена героев, с которыми мы встретились на ее страницах. Вспомните новых друзей, которых нам подарили писатели в этом учебном году. У некоторых из них имена, которые мы встречаем ежедневно. Это Маша, Павлуша, Федя, Ваня, Илюша... Некоторые имена встречаются только на страницах книг. Так мы узнали о Добрыне Никитиче, Морозе, Весне, Снегурочке. В произведениях есть и безымянные герои, звучат условные обозначения и прозвища... Так, в «Крестьянских детях» названы «номера» голосов ребятишек, которые наблюдают за охотником через щели сарая. Мы узнаем, что их восемь и что одного из них зовут Гриша. Больше не названо ни одного имени. Вы только что прочли стихотворение «Школьник». В нем также нет имени героя. Но мы знаем, что в нем рассказывается о Ломоносове и всех тех, кто, преодолев трудности, сумел достичь высот науки. Так что тут и не имя, и не прозвище, а обозначение главного занятия, к которому стремится герой: он постоянно учится и он постоянно *школьник*.

Вопросы и задания

►1. Какие имена героев недавно прочитанных книг вы вспоминаете первыми?

2. Какие знакомые вам имена героев художественных произведений стали нарицательными?

►►1. Как объяснить появление безымянных героев? В каких произведениях вы их встречали?

2. Как вы объясните замену имени прозвищем?

►►►1. Есть ли в знакомых вам произведениях герои, которых автор назвал, но так и не выпустил на страницы своего произведения? Как вы объясните, зачем это делается?

2. Может ли быть героем толпа людей? Как объяснить появление таких героев, как «толпа», «ученики», «одноклассники», указания на которых мы встречаем во многих произведениях?

3. Перечислите названия произведений, включающих имя героя.

4. Ораниенбаум в 1948 году был переименован в город Ломоносов. Именем Ломоносова также названы течение в Атлантическом океане, горный хребет на Новой Земле, подводный хребет в Северном Ледовитом океане, возвышенность на острове Шпицберген. Как вы объясняете такой выбор мест?

Лев Николаевич Толстой (1828–1910)

Имя Льва Толстого памятно вам с самого раннего возраста. Рассказы, сказки и притчи для детей вы читали вместе с родителями и в начальных классах школы. Вам, конечно, известно, что Лев Толстой – один из самых известных и популярных в мире русских писателей, которого многие считали и считают подлинным учителем жизни. О нем можно точно сказать, что это гений. Гений, как вам известно, это самая высшая степень человеческой одаренности, ума, таланта.

Лев Толстой стремился разобраться в себе и других людях. Размышляя о себе, он помогает нам подумать и о нас самих. И это особенно полезно читателю, когда он следит за строками рассказа о детстве, отрочестве и юности Николеньки Иртеньева – героя автобиографической трилогии.

Когда его первое произведение – «Детство», напечатали под названием «История моего детства», Лев Толстой очень обиделся: в письме по этому поводу он писал, что его волновала судьба любого детства вообще, а не только его собственного. Однако мы читаем «Детство», «Отрочество», «Юность» прежде всего как автобиографические произведения.

Автобиография – прозаический жанр, жизнеописание какого-либо лица, составленное им самим. Способность придать своему жизнеописанию более общее значение – заслуга автора, но не способ отказаться от автобиографического характера фактов и обстоятельств, чувств и суждений. Когда вы будете читать помещенные в хрестоматию главы, то наверняка почувствуете, что отроческие впечатления Николеньки Иртеньева перекликаются с вашими.

Отрочество. Главы из повести

Глава II. Гроза

Солнце склонялось к западу и косыми жаркими лучами невыносимо жгло мне шею и щеки; невозможно было дотронуться до раскаленных краев брички: густая пыль поднималась по дороге и наполняла воздух. Не было ни малейшего ветерка, который бы относил ее. Впереди нас, на одинаковом расстоянии, мерно покачивался высокий запыленный кузов кареты с важами^[36], из-за которого виднелся изредка кнут, которым помахивал кучер, его шляпа и фуражка Якова. Я не знал, куда деваться: ни черное от пыли лицо Володи, дремавшего подле меня, ни движения спины Филиппа, ни длинная тень нашей брички, под косым углом бежавшая за нами, не доставляли мне развлечения. Все мое внимание было обращено на верстовые столбы, которые я замечал издалека, и на облака, прежде рассыпанные по небосклону, которые, приняв зловещие черные тени, теперь собирались в одну большую, мрачную тучу. Изредка погромыхивал дальний гром. Это последнее обстоятельство более всего усиливало мое нетерпение скорее приехать на постоянный двор. Гроза наводила на меня невыразимо тяжелое чувство тоски и страха.

До ближайшей деревни оставалось еще верст десять, а большая темно-лиловая туча, взявшаяся бог знает откуда, без малейшего ветра, но быстро подвигалась к нам. Солнце, еще не скрытое облаками, ярко освещает ее мрачную фигуру и серые полосы, которые от нее идут до самого горизонта. Изредка вдалеке вспыхивает молния и слышится слабый гул, постепенно усиливающийся, приближающийся и переходящий в прерывистые раскаты, обнимающие весь небосклон. Василий приподнимается с козел и поднимает верх брички; кучера надевают армяки и при каждом ударе грома снимают шапки и крестятся; лошади настораживают уши, раздувают ноздри, как будто принюхиваясь к свежему воздуху, которым пахнет от приближающейся тучи, и бричка скорее катит по пыльной дороге. Мне становится жутко, и я чувствую, как кровь быстрее обращается в моих жилах. Но вот передовые облака уже начинают закрывать солнце; вот оно выглянуло в последний раз, осветило страшно-мрачную сторону горизонта и скрылось. Вся окрестность вдруг изменяется и принимает мрачный характер. Вот задрожала осиновая роща; листья становятся какого-то бело-мутного цвета, ярко выдающегося на лиловом фоне тучи, шумят и вертятся; макушки

больших берез начинают раскачиваться, и пучки сухой травы летят через дорогу. Стрижи и белогрудые ласточки, как будто с намерением остановить нас, реют вокруг брички и пролетают под самой грудью лошадей; галки с растрепанными крыльями как-то боком летают по ветру; края кожаного фартука, которым мы застегнулись, начинают подниматься, пропускать к нам порывы влажного ветра и, размахиваясь, биться о кузов брички. Молния вспыхивает как будто в самой бричке, ослепляет зрение и на одно мгновение освещает серое сукно, басон^[37] и прижавшуюся к углу фигуру Володи. В ту же секунду над самой головой раздается величественный гул, который, как будто поднимаясь все выше и выше, шире и шире, по огромной спиральной линии, постепенно усиливается и переходит в оглушительный треск, невольно заставляющий трепетать и сдерживать дыхание. Гнев Божий! как много поэзии в этой простонародной мысли!

Колеса вертятся скорее и скорее; по спинам Василия и Филиппа, который нетерпеливо помахивает вожжами, я замечаю, что и они боятся. Бричка шибко катится под гору и стучит по дощатому мосту; я боюсь пошевелиться и с минуты на минуту ожидаю нашей общей гибели.

Тпру! оторвался валёк^[38], и на мосту, несмотря на непрерывные оглушительные удары, мы принуждены остановиться.

Прислонив голову к краю брички, я с захватывающим дыханием замиранием сердца безнадежно слежу за движениями толстых черных пальцев Филиппа, который медлительно захлестывает петлю и выравнивает постромки, толкая пристяжную ладонью и кнутовищем.

Тревожные чувства тоски и страха увеличивались во мне вместе с усилением грозы, но когда пришла величественная минута безмолвия, обыкновенно предшествующая разражению грозы, чувства эти дошли до такой степени, что, продолжись это состояние еще четверть часа, я уверен, что умер бы от волнения. В это самое время из-под моста вдруг появляется, в одной грязной дырявой рубаше, какое-то человеческое существо с опухшим бессмысленным лицом, качающейся, ничем не покрытой обстриженной головой, кривыми безмускульными ногами и с какой-то красной глянцевиной культяпкой вместо руки, которую он сует прямо в бричку.

– Ба-а-шка! убо-го-му Хри-ста ради, – звучит болезненный голос, и нищий с каждым словом крестится и кланяется в пояс.

Не могу выразить чувства холодного ужаса, охватившего мою душу в эту минуту. Дрожь пробежала по моим волосам, а глаза с бессмыслием страха были устремлены на нищего...

Василий, в дороге подающий милостыню, дает наставления Филиппу насчет укрепления валька и, только когда все уже готово и Филипп, собирая вожжи, лезет на козлы, начинает что-то доставать из бокового кармана. Но только что мы трогаемся, ослепительная молния, мгновенно наполняя огненным светом всю лощину, заставляет лошадей остановиться и, без малейшего промежутка, сопровождается таким оглушительным треском грома, что, кажется, весь свод небес рушится над нами. Ветер еще усиливается: гривы и хвосты лошадей, шинель Василья и края фартука принимают одно направление и отчаянно развеваются от порывов неистового ветра. На кожаный верх брички тяжело упала крупная капля дождя... другая, третья, четвертая, и вдруг как будто кто-то забарабанил над нами, и вся окрестность огласилась равномерным шумом падающего дождя. По движениям локтей Василья я замечаю, что он развязывает кошелек; нищий, продолжая креститься и кланяться, бежит подле самых колес, так что, того и гляди, раздавят его. «Поддай Хри-ста ради». Наконец медный грош летит мимо нас, и жалкое создание, в обтянувшем его худые члены, промокшем до нитки рубище, качаясь от ветра, в недоумении останавливается посреди дороги и исчезает из моих глаз.

Косой дождь, гонимый сильным ветром, лил как из ведра: с фризовой спины Василья текли потоки в лужу мутной воды, образовавшуюся на фартуке. Сначала сбитая катышками пыль превратилась в жидкую грязь, которую месили колеса, толчки стали меньше, и по глинистым колеям потекли мутные ручьи. Молния светила шире и бледнее, и раскаты грома уже были не так поразительны за равномерным шумом дождя.

Но вот дождь становится мельче; туча начинает разделяться на волнистые облака, светлеть в том месте, в котором должно быть солнце, и сквозь серовато-белые края тучи чуть виднеется клочок ясной лазури. Через минуту робкий луч солнца уже блестит в лужах дороги, на полосах падающего, как сквозь сито, мелкого прямого дождя и на обмытой, блестящей зелени дорожной травы. Черная туча так же грозно застилает противоположную сторону небосклона, но я уже не боюсь ее. Я испытываю невыразимо отрадное чувство надежды в жизни, быстро заменяющее во мне тяжелое чувство страха. Душа моя улыбается так же, как и освеженная, повеселевшая природа. Василий откидывает воротник шинели, снимает фуражку и отряхивает ее; Володя откидывает фартук; я высовываюсь из брички и жадно впиваю в себя освеженный, душистый воздух. Блестящий, обмытый кузов кареты с важами и чемоданами покачивается перед нами, спины лошадей, шлеи, вожжи, шины

колес – все мокро и блестит на солнце, как покрытое лаком. С одной стороны дороги – необозримое озимое поле, кое-где перерезанное неглубокими овражками, блестит мокрой землею и зеленью и расстилается тенистым ковром до самого горизонта; с другой стороны – осиновая роща, поросшая ореховым и черемушным подседом, как бы в избытке счастья стоит, не шелохнется и медленно роняет с своих обмытых ветвей светлые капли дождя на сухие прошлогодние листья. Со всех сторон выются с веселой песнью и быстро падают хохлатые жаворонки; в мокрых кустах слышно хлопотливое движение маленьких птичек, и из середины рощи ясно долетают звуки кукушки. Так обаятелен этот чудный запах леса после весенней грозы, запах березы, фиалки, прелого листа, сморчков, черемухи, что я не могу усидеть в бричке, соскакиваю с подножки, бегу к кустам и, несмотря на то, что меня осыпает дождевыми каплями, рву мокрые ветки распутившейся черемухи, бью себя ими по лицу и упиваюсь их чудным запахом. Не обращая даже внимания на то, что к сапогам моим липнут огромные комки грязи и чулки мои давно уже мокры, я, шлепая по грязи, бегу к окну кареты.

– Любочка! Катенька! – кричу я, подавая туда несколько веток черемухи, – посмотри, как хорошо!

Девочки пищат, ахают; Мими кричит, чтобы я ушел, а то меня непременно раздавят.

– Да ты понюхай, как пахнет! – кричу я.

Вопросы и задания

►1. Проследите за тем, как описано приближение грозы в повести «Отрочество».

2. Какое чувство испытывали все путники при приближении грозы?

3. Найдите описание начала грозы.

4. Какой момент показан как самая напряженная минута, кульминация грозы? Найдите это описание.

5. Что пережил Николенька в эти мгновения?

6. Чем разрешилось это грозное явление природы?

►►1. Опишите те художественные приемы, которые помогли писателю передать напряжение грозы. Используйте выразительное чтение текста.

2. Какую роль сыграло появление нищего в начале грозы?

►►►1. Какие описания грозных явлений природы

встречали вы на страницах художественных произведений?

2. Прочитайте наизусть одно из произведений, которое говорит о грозных явлениях природы, например «Весеннюю грозу» Ф. И. Тютчева.

Глава XII. Ключик

Едва успели мы, сойдя вниз, поздороваться со всеми гостями, как нас позвали к столу. Папа был очень весел (он был в выигрыше в это время), подарил Любочке дорогой серебряный сервиз и за обедом вспомнил, что у него во флигеле осталась еще бонбоньерка^[39], приготовленная для именинницы.

– Чем человека посылать, поди-ка лучше ты, Коко, – сказал он мне. – Ключи лежат на большом столе в раковине, знаешь?.. Так возьми их и самым большим ключом отопри второй ящик направо. Там найдешь коробочку, конфеты в бумаге и принесешь все сюда.

– А сигары принести тебе? – спросил я, зная, что он всегда после обеда посылал за ними.

– Принеси, да смотри у меня – ничего не трогать! – сказал он мне вслед.

Найдя ключи на указанном месте, я хотел уже отпираться ящик, как меня остановило желание узнать, какую вещь отпирал крошечный ключик, висевший на той же связке.

На столе, между тысячью разнообразных вещей, стоял около перилец шитый портфель с висячим замочком, и мне захотелось попробовать, придется ли к нему маленький ключик. Испытание увенчалось полным успехом, портфель открылся, и я нашел в нем целую кучу бумаг. Чувство любопытства с таким убеждением советовало мне узнать, какие были эти бумаги, что я не успел прислушаться к голосу совести и принялся рассматривать то, что находилось в портфеле...

Детское чувство безусловного уважения ко всем старшим, и в особенности к папа, было так сильно во мне, что ум мой бессознательно отказывался выводить какие бы то ни было заключения из того, что я видел. Я чувствовал, что папа должен жить в сфере совершенно особенной, прекрасной, недоступной и непостижимой для меня, и что стараться проникать в тайны его жизни было бы с моей стороны чем-то вроде святотатства.

Поэтому открытия, почти нечаянно сделанные мною в портфеле папа, не оставили во мне никакого ясного понятия, исключая темного сознания, что я поступил нехорошо. Мне было

стыдно и неловко.

Под влиянием этого чувства я как можно скорее хотел закрыть портфель, но мне, видно, суждено было испытать всевозможные несчастья в этот достопамятный день: вложив ключик в замочную скважину, я повернул его не в ту сторону; воображая, что замок заперт, я вынул ключ, и – о ужас! – у меня в руках была только головка ключика. Тщетно я старался соединить ее с оставшейся в замке половиной и посредством какого-то волшебства высвободить ее оттуда; надо было, наконец, привыкнуть к ужасной мысли, что я совершил новое преступление, которое нынче же по возвращении папа в кабинет должно будет открыться.

Жалоба Мими, единица и ключик! Хуже ничего не могло со мной случиться. Бабушка – за жалобу Мими, St.-Jérôme – за единицу, папа – за ключик... и все это обрушится на меня не позже как нынче вечером.

– Что со мной будет?! А-а-ах! что я наделал?! – говорил я вслух, прохаживаясь по мягкому ковру кабинета. – Э! – сказал я сам себе, доставая конфеты и сигары, – *чему быть, тому не миновать...* – И побежал в дом.

Это фаталистическое изречение, в детстве подслушанное мною у Николая, во все трудные минуты моей жизни производило на меня благотворное, временно успокаивающее влияние. Входя в залу, я находился в несколько раздраженном и неестественном, но чрезвычайно веселом состоянии духа.

Вопросы и задания

1. Почему Николенька не выполнил поручение отца?

2. Когда Николенька произнес: «Чему быть, тому не миновать»? Как вы понимаете смысл этого изречения?

»Как вы понимаете слова *фатализм, фаталистический*? Как они характеризуют фразу «чему быть, тому не миновать»? Объясните.

»»Какую роль это событие сыграло в истории отношений Николеньки с отцом?

Глава XIV. Затмение

...Под влиянием такого же внутреннего волнения и

отсутствия размышления, когда St.-Jérôme сошел вниз и сказал мне, что я не имею права здесь быть нынче за то, что так дурно вел себя и учился, чтобы я сейчас же шел наверх, я показал ему язык и сказал, что не пойду отсюда.

В первую минуту St.-Jérôme не мог слова произнести от удивления и злости.

– C'est bien^[40], – сказал он, догоняя меня, – я уже несколько раз обещал вам наказание, от которого вас хотела избавить ваша бабушка; но теперь я вижу, что, кроме розог, вас ничем не заставишь повиноваться, и нынче вы их вполне заслужили.

Он сказал это так громко, что все слышали его слова. Кровь с необыкновенной силой прилила к моему сердцу; я почувствовал, как крепко оно билось, как краска сходила с моего лица и как совершенно невольно затряслись мои губы. Я должен был быть страшен в эту минуту, потому что St.-Jérôme, избегая моего взгляда, быстро подошел ко мне и схватил за руку; но только что я почувствовал прикосновение его руки, мне сделалось так дурно, что я, не помня себя от злобы, вырвал руку и из всех моих детских сил ударил его.

– Что с тобой делается? – сказал, подходя ко мне, Володя, с ужасом и удивлением видевший мой поступок.

– Оставь меня! – закричал я на него сквозь слезы. – Никто вы не любите меня, не понимаете, как я несчастлив! Все вы гадки, отвратительны, – прибавил я с каким-то исступлением, обращаясь ко всему обществу.

Но в это время St.-Jérôme, с решительным и бледным лицом, снова подошел ко мне, и не успел я приготовиться к защите, как он уже сильным движением, как тисками, сжал мои обе руки и потащил куда-то. Голова моя закружилась от волнения; помню только, что я отчаянно бился головой и коленками до тех пор, пока во мне были еще силы; помню, что нос мой несколько раз натыкался на чьи-то ляжки, что в рот мне попадал чей-то сюртук, что вокруг себя со всех сторон я слышал присутствие чьих-то ног, запах пыли и violette^[41], которой душился St.-Jérôme. Через пять минут за мной затворилась дверь чулана.

– Василь! – сказал он отвратительным, торжествующим голосом, – принеси розог.

Вопросы и задания

►1. Как вы объясняете причины глупого поступка Николеньки?

2. Почему Володя «с ужасом и удивлением» отнесся

к этой выходке младшего брата?

»1. Как вы объясните чувства автора, которые звучат в последней фразе главы? Какие приемы их подчеркивают?

Глава XV. Мечты

Неужели в то время я мог бы думать, что останусь жив после всех несчастий, постигших меня, и что придет время, когда я спокойно буду вспоминать о них?..

Припоминая то, что я сделал, я не мог вообразить себе, что со мной будет; но смутно предчувствовал, что пропал безвозвратно.

Сначала внизу и вокруг меня царствовала совершенная тишина, или, по крайней мере, мне так казалось от слишком сильного внутреннего волнения, но мало-помалу я стал различать различные звуки. Василий пришел снизу и, бросив на окно какую-то вещь, похожую на метлу, зевая, улегся на ларь. Внизу послышался громкий голос Августа Антоныча (должно быть, он говорил про меня), потом детские голоса, потом смех, беготня, а через несколько минут в доме все пришло в прежнее движение, как будто никто не знал и не думал о том, что я сижу в темном чулане.

Я не плакал, но что-то тяжелое, как камень, лежало у меня на сердце. Мысли и представления с усиленной быстротой проходили в моем расстроенном воображении; но воспоминание о несчастии, постигшем меня, беспрестанно прерывало их причудливую цепь, и я снова входил в безвыходный лабиринт неизвестности о предстоящей мне участи, отчаяния и страха.

То мне приходит в голову, что должна существовать какая-нибудь неизвестная причина общей ко мне нелюбви и даже ненависти. (В то время я был твердо убежден, что все, начиная от бабушки и до Филиппа-кучера, ненавидят меня и находят наслаждение в моих страданиях.) «Я должен быть не сын моей матери и моего отца, не брат Володи, а несчастный сирота, подкидыш, взятый из милости», – говорю я сам себе, и нелепая мысль эта не только доставляет мне какое-то грустное утешение, но даже кажется совершенно правдоподобною. Мне отрадно думать, что я несчастен не потому, что виноват, но потому, что такова моя судьба с самого моего рождения и что участь моя похожа на участь несчастного Карла Ивановича.

«Но зачем дальше скрывать эту тайну, когда я сам уже успел проникнуть ее?» – говорю я сам себе, – завтра же пойду к папа и

скажу ему: «Папа! напрасно ты от меня скрываешь тайну моего рождения; я знаю ее». Он скажет: «Что ж делать, мой друг, рано или поздно ты узнал бы это, – ты не мой сын, но я усыновил тебя, и ежели ты будешь достоин моей любви, то я никогда не оставлю тебя»; и я скажу ему: «Папа, хотя я не имею права называть тебя этим именем, но я теперь произношу его в последний раз, я всегда любил тебя и буду любить, никогда не забуду, что ты мой благодетель, но не могу больше оставаться в твоём доме. Здесь никто не любит меня, а St.-Jérôme поклялся в моей гибели. Он или я должны оставить твой дом, потому что я не отвечаю за себя, я до такой степени ненавижу этого человека, что готов на все. Я убью его», – так и сказать: «Папа, я убью его». Папа станет просить меня, но я махну рукой, скажу ему: «Нет, мой друг, мой благодетель, мы не можем жить вместе, а отпусти меня», – и я обниму его и скажу ему, почему-то по-французски: «Oh mon père, oh mon bienfaiteur, donne moi pour la dernière fois ta bénédiction et que la volonté de dieu soit faite!»^[42] И я, сидя на сундуке в темном чулане, плачу навзрыд при этой мысли. Но вдруг я вспоминаю постыдное наказание, ожидающее меня, действительность представляется мне в настоящем свете, и мечты мгновенно разлетаются.

То я воображаю себя уже на свободе, вне нашего дома. Я поступаю в гусары и иду на войну. Со всех сторон на меня несутся враги, я размахиваюсь саблей и убиваю одного, другой взмах – убиваю другого, третьего. Наконец, в изнурении от ран и усталости, я падаю на землю и кричу: «Победа!» Генерал подъезжает ко мне и спрашивает: «Где он – наш спаситель?» Ему указывают на меня, он бросается мне на шею и с радостными слезами кричит: «Победа!» Я выздоравливаю и, с подвязанной черным платком рукою, гуляю по Тверскому бульвару. Я генерал! Но вот *государь* встречает меня и спрашивает, кто этот израненный молодой человек? Ему говорят, что это известный герой Николай. Государь подходит ко мне и говорит: «Благодарю тебя. Я все сделаю, что бы ты ни просил у меня». Я почтительно кланяюсь и, опираясь на саблю, говорю: «Я счастлив, великий государь, что мог пролить кровь за свое отечество, и желал бы умереть за него; но ежели ты так милостив, что позволяешь мне просить тебя, прошу об одном – позволь мне уничтожить врага моего, иностранца St.-Jérôme'a. Мне хочется уничтожить врага моего St.-Jérôme'a». Я грозно останавливаюсь перед St.-Jérôme'ом и говорю ему: «Ты сделал мое несчастье, à genoux!»^[43] Но вдруг мне приходит мысль, что с минуты на минуту может войти настоящий St.-Jérôme с розгами, и я снова вижу себя не генералом, спасающим отечество, а самым жалким, плачевным

созданием.

То мне приходит мысль о Боге, и я дерзко спрашиваю его, за что он наказывает меня? «Я, кажется, не забывал молиться утром и вечером, так за что же я страдаю?» Положительно могу сказать, что первый шаг к религиозным сомнениям, тревожившим меня во время отрочества, был сделан мною теперь, не потому, чтобы несчастье побудило меня к ропоту и неверию, но потому, что мысль о несправедливости провидения, пришедшая мне в голову в эту пору совершенного душевного расстройства и суточного уединения, как дурное зерно, после дождя упавшее на рыхлую землю, с быстротой стало разрастаться и пускать корни. То я воображал, что я непременно умру, и живо представлял себе удивление St.-Jérôme'a, находящего в чулане, вместо меня, безжизненное тело. Вспоминая рассказы Натальи Савишны о том, что душа усопшего до сорока дней не оставляет дома, я мысленно после смерти ношусь невидимкой по всем комнатам бабушкиного дома и подслушиваю искренние слезы Любочки, сожаления бабушки и разговор папа с Августом Антонычем. «Он славный был мальчик», – скажет папа со слезами на глазах. «Да, – скажет St.-Jérôme, – но большой повеса». – «Вы бы должны уважать мертвых, – скажет папа, – вы были причиной его смерти, вы запугали его, он не мог перенести унижения, которое вы готовили ему... Вон отсюда, злодей!»

И St.-Jérôme упадет на колени, будет плакать и просить прощения. После сорока дней душа моя улетает на небо; я вижу там что-то удивительно прекрасное, белое, прозрачное, длинное и чувствую, что это моя мать. Это что-то белое окружает, ласкает меня; но я чувствую беспокойство и как будто не узнаю ее. «Ежели это точно ты, – говорю я, – то покажись мне лучше, чтобы я мог обнять тебя». И мне отвечает ее голос: «Здесь мы все такие, я не могу лучше обнять тебя. Разве тебе не хорошо так?» – «Нет, мне очень хорошо, но ты не можешь щекотать меня, и я не могу целовать твоих рук...» – «Не надо этого, здесь и так прекрасно», – говорит она, и я чувствую, что точно прекрасно, и мы вместе с ней летим все выше и выше. Тут я как будто просыпаюсь и нахожу себя опять на сундуке, в темном чулане, с мокрыми от слез щеками, без всякой мысли, твердящего слова: *и мы все летим выше и выше*. Я долго употребляю всевозможные усилия, чтобы уяснить свое положение; но умственному взору моему представляется в настоящем только одна страшно мрачная, непроницаемая даль. Я стараюсь снова возвратиться к тем отрадным, счастливым мечтам, которые прервало сознание действительности; но, к удивлению моему, как скоро вхожу в колею прежних мечтаний, я вижу, что продолжение их

невозможно и, что всего удивительнее, не доставляет уже мне никакого удовольствия.

Вопросы и задания

►1. Почему, как вам кажется, мечты, которыми утешал себя наказанный Николенька, сидя в темном чулане, описаны так подробно?

2. Перечислите, о чем мечтал Николенька. Как вы оцениваете его мечты?

Глава XVI. Перемелется, мука будет

Я ночевал в чулане, и никто не приходил ко мне; только на другой день, то есть в воскресенье, меня перевели в маленькую комнатку, подле классной, и опять заперли. Я начинал надеяться, что наказание мое ограничится заточением, и мысли мои, под влиянием сладкого, крепительного сна, яркого солнца, игравшего на морозных узорах окон, и дневного обыкновенного шума на улицах, начинали успокаиваться. Но уединение все-таки было очень тяжело: мне хотелось двигаться, рассказать кому-нибудь все, что накопилось у меня на душе, и не было вокруг меня живого создания. Положение это было еще более неприятно потому, что, как мне ни противно было, я не мог не слышать, как St.-Jérôme, прогуливаясь по своей комнате, насвистывал совершенно спокойно какие-то веселые мотивы. Я был вполне убежден, что ему вовсе не хотелось свистать, но что он делал это единственно для того, чтобы мучить меня.

В два часа St.-Jérôme и Володя сошли вниз, а Николай принес мне обед, когда я разговорился с ним о том, что я наделал и что ожидает меня, он сказал:

– Эх, сударь! не тужите, перемелется, мука будет.

Хотя это изречение, не раз и впоследствии поддерживавшее твердость моего духа, несколько утешило меня, но именно то обстоятельство, что мне прислали не один хлеб и воду, а весь обед, даже и пирожное розанчики, заставило меня сильно призадуматься. Ежели бы мне не прислали розанчиков, то значило бы, что меня наказывают заточением, но теперь выходило, что я еще не наказан, что я только удален от других, как вредный человек, а что наказание впереди. В то время как я был углублен в разрешение этого вопроса, в замке моей темницы повернулся ключ, и St.-Jérôme с суровым официальным лицом

вошел в комнату.

– Пойдемте к бабушке, – сказал он, не глядя на меня.

Я хотел было почистить рукава курточки, запачкавшиеся мелом, прежде чем выйти из комнаты, но St.-Jérôme сказал мне, что это совершенно бесполезно, как будто я находился уже в таком жалком нравственном положении, что о наружном своем виде не стоило и заботиться.

Катенька, Любочка и Володя посмотрели на меня в то время, как St.-Jérôme за руку проводил меня через залу, точно с тем же выражением, с которым мы обыкновенно смотрели на колодников, проводимых по понедельникам мимо наших окон. Когда же я подошел к креслу бабушки, с намерением поцеловать ее руку, она отвернулась от меня и спрятала руку под мантилью.

– Да, мой милый, – сказала она после довольно продолжительного молчания, во время которого она осмотрела меня с ног до головы таким взглядом, что я не знал, куда девать свои глаза и руки, – могу сказать, что вы очень цените мою любовь и составляете для меня истинное утешение. Monsieur St.-Jérôme, который по моей просьбе, – прибавила она, растягивая каждое слово, – взялся за ваше воспитание, не хочет теперь оставаться в моем доме. Отчего? От вас, мой милый. Я надеялась, что вы будете благодарны, – продолжала она, помолчав немного и тоном, который доказывал, что речь ее была приготовлена заблаговременно, – за попечения и труды его, что вы будете уметь ценить его заслуги, а вы, молокосос, мальчишка, решились поднять на него руку. Очень хорошо! Прекрасно!! Я тоже начинаю думать, что вы не способны понимать благородного обращения, что на вас нужны другие, низкие средства... Проси сейчас прощения, – прибавила она строго-повелительным тоном, указывая на St.-Jérôme'a, – слышишь?

Я посмотрел по направлению руки бабушки и, увидев сюртук St.-Jérôme'a, отвернулся и не трогался с места, снова начиная ощущать замирание сердца.

– Что же? вы не слышите разве, что я вам говорю?

Я дрожал всем телом, но не трогался с места.

– Коко! – сказала бабушка, должно быть, заметив внутренние страдания, которые я испытывал. – Коко, – сказала она уже не столько повелительным, сколько нежным голосом, – ты ли это?

– Бабушка! я не буду просить у него прощения ни за что... – сказал я, вдруг останавливаясь, чувствуя, что не в состоянии буду удержать слез, давивших меня, ежели скажу еще одно слово.

– Я приказываю тебе, я прошу тебя. Что же ты?

– Я... я... не... хочу... я не могу, – проговорил я, и сдержанные рыдания, накопившиеся в моей груди, вдруг

опрокинули преграду, удерживавшую их, и разразились отчаянным потоком.

– C'est ainsi que vous obéissez à votre second mère, c'est ainsi que vous reconnaissez ses bontés^[44], – сказал St.-Jérôme трагическим голосом, – à genoux!^[45]

– Боже мой, ежели бы она видела это! – сказала бабушка, отворачиваясь от меня и отирая показавшиеся слезы. – Ежели бы она видела... все к лучшему. Да, она не перенесла бы этого горя, не перенесла бы.

И бабушка плакала все сильнее и сильнее. Я плакал тоже, но и не думал просить прощения.

– Tranquillisez vous au nom du ciel, madame la comtesse^[46], – говорил St.-Jérôme.

Но бабушка уже не слушала его, она закрыла лицо руками, и рыдания ее скоро перешли в икоту и истерику. В комнату с испуганными лицами вбежали Мими и Гаша, запахло какими-то спиртами, и по всему дому вдруг поднялись беготня и шептанье.

– Любуйтесь на ваше дело, – сказал St.-Jérôme, уводя меня наверх.

«Боже мой, что я наделал! Какой я ужасный преступник!»

Только что St.-Jérôme, сказав мне, чтобы я шел в свою комнату, спустился вниз, – я, не отдавая себе отчета в том, что я делаю, побежал по большой лестнице, ведущей на улицу.

Хотел ли я убежать совсем из дома или утопиться, не помню; знаю только, что, закрыв лицо руками, чтобы не видеть никого, я бежал все дальше и дальше по лестнице.

– Ты куда? – спросил меня вдруг знакомый голос. – Тебя-то мне и нужно, голубчик.

Я хотел было пробежать мимо, но папа схватил меня за руку и строго сказал:

– Пойдем-ка со мной, любезный! Как ты смел трогать портфель в моем кабинете, – сказал он, вводя меня за собой в маленькую диванную. – А? что ж ты молчишь? а? – прибавил он, взяв меня за ухо.

– Виноват, – сказал я, – я сам не знаю, что на меня нашло.

– А, не знаешь, что на тебя нашло, не знаешь, не знаешь, не знаешь, не знаешь, – повторял он, с каждым словом потрясая мое ухо, – будешь вперед совать нос, куда не следует, будешь? будешь?

Несмотря на то, что я ощущал сильнейшую боль в ухе, я не плакал, а испытывал приятное моральное чувство. Только что папа выпустил мое ухо, я схватил его руку и со слезами принялся покрывать ее поцелуями.

– Бей меня еще, – говорил я сквозь слезы, – крепче, сильнее, я

негодный, я гадкий, я несчастный человек!

– Что с тобой? – сказал он, слегка отталкивая меня.

– Нет, ни за что не пойду, – сказал я, цепляясь за его сюртук. – Все ненавидят меня, я это знаю, но, ради Бога, ты выслушай меня, защити меня или выгони из дома. Я не могу с ним жить, он всячески старается унижить меня, велит становиться на колени перед собой, хочет высечь меня. Я не могу этого, я не маленький, я не перенесу этого, я умру, убью себя. Он сказал бабушке, что я негодный; она теперь больна, она умрет от меня, я... с... ним... ради Бога, высеки... за... что... му... чат.

Слезы душили меня, я сел на диван и, не в силах говорить более, упал головой ему на колени, рыдая так, что мне казалось, я должен был умереть в ту же минуту.

– Об чем ты, пузырь? – сказал папа с участием, наклоняясь ко мне.

– Он мой тиран... мучитель... умру... никто меня не любит! – едва мог проговорить я, и со мной сделались конвульсии.

Папа взял меня на руки и отнес в спальню. Я заснул. Когда я проснулся, было уже очень поздно, одна свечка горела около моей кровати, и в комнате сидели наш домашний доктор, Мими и Любочка. По лицам их заметно было, что боялись за мое здоровье. Я же чувствовал себя так хорошо и легко после двенадцатичасового сна, что сейчас бы вскочил с постели, ежели бы мне не неприятно было расстроить их уверенность в том, что я очень болен.

Вопросы и задания

►1. Почему пословица стала названием главы? Кто утешил Николеньку этой пословицей?

2. Опишите сцену объяснения Николеньки с бабушкой.

3. Почему так тяжело пережил Николенька свои ошибки и свое наказание?

►►1. Почему в названиях двух глав, которые посвящены наказанию Николеньки, ничего не говорится о самом наказании?

Глава XIX. Отрочество

Едва ли мне поверят, какие были любимейшие и

постояннейшие предметы моих размышлений во время моего отрочества, – так они были несообразны с моим возрастом и положением. Но, по моему мнению, несообразность между положением человека и его моральной деятельностью есть вернейший признак истины.

В продолжение года, во время которого я вел уединенную, сосредоточенную в самом себе, моральную жизнь, все отвлеченные вопросы о назначении человека, о будущей жизни, о бессмертии души уже представились мне; и детский слабый ум мой со всем жаром неопытности старался уяснить те вопросы, предложение которых составляет высшую ступень, до которой может достигать ум человека, но разрешение которых не дано ему.

Мне кажется, что ум человеческий в каждом отдельном лице проходит в своем развитии по тому же пути, по которому он развивается и в целых поколениях, что мысли, служившие основанием различных философских теорий, составляют нераздельные части ума; но что каждый человек более или менее ясно сознавал их еще прежде, чем знал о существовании философских теорий.

Мысли эти представлялись моему уму с такою ясностью и поразительностью, что я даже старался применять их к жизни, воображая, что я *первый* открываю такие великие и полезные истины.

Раз мне пришла мысль, что счастье не зависит от внешних причин, а от нашего отношения к ним, что человек, привыкший переносить страдания, не может быть несчастлив, и, чтобы приучить себя к труду, я, несмотря на страшную боль, держал по пяти минут в вытянутых руках лексикону^[47] Татищева или уходил в чулан и веревкой стегал себя по голой спине так больно, что слезы невольно выступали на глазах.

Другой раз, вспомнив вдруг, что смерть ожидает меня каждый час, каждую минуту, я решил, не понимая, как не поняли того до сих пор люди, что человек не может быть иначе счастлив, как пользуясь настоящим и не помышляя о будущем, – и я дня три, под влиянием этой мысли, бросил уроки и занимался только тем, что, лежа на постели, наслаждался чтением какого-нибудь романа и едою пряников с кроновским медом, которые я покупал на последние деньги.

То раз, стоя перед черной доской и рисуя на ней мелом разные фигуры, я вдруг был поражен мыслью: почему симметрия приятна для глаз! что такое симметрия! Это врожденное чувство, отвечал я сам себе. На чем же оно основано? Разве во всем в жизни симметрия? Напротив, вот жизнь – и я нарисовал на доске

овальную фигуру. После жизни душа переходит в вечность: вот вечность – и я провел с одной стороны овальной фигуры черту до самого края доски. Отчего же с другой стороны нету такой же черты? Да и в самом деле, какая же может быть вечность с одной стороны, мы, верно, существовали прежде этой жизни, хотя и потеряли о том воспоминание.

Это рассуждение, казавшееся мне чрезвычайно новым и ясным и которого связь я с трудом могу уловить теперь, – понравилось мне чрезвычайно, и я, взяв лист бумаги, вздумал письменно изложить его, но при этом в голову мою набралась вдруг такая бездна мыслей, что я принужден был встать и пройтись по комнате. Когда я подошел к окну, внимание мое обратила водовозка, которую запрягал в это время кучер, и все мысли мои сосредоточились на решении вопроса: в какое животное или человека перейдет душа этой водовозки, когда она околеет? В это время Володя, проходя через комнату, улыбнулся, заметив, что я размышлял о чем-то, и этой улыбки мне достаточно было, чтобы понять, что все то, о чем я думал, была ужаснейшая гиль^[48].

Я рассказал этот почему-то мне памятный случай только затем, чтобы дать понять читателю о том, в каком роде были мои умствования.

Но ни одним из всех философских направлений я не увлекался так, как скептицизмом^[49], который одно время довел меня до состояния близкого сумасшествия. Я воображал, что, кроме меня, никого и ничего не существует во всем мире, что предметы не предметы, а образы, являющиеся только тогда, когда я на них обращаю внимание, и что, как скоро я перестаю думать о них, образы эти тотчас же исчезают. Одним словом, я сошелся с Шеллингом в убеждении, что существуют не предметы, а мое отношение к ним. Были минуты, что я, под влиянием этой *постоянной идеи*, доходил до такой степени сумасбродства, что иногда быстро оглядывался в противоположную сторону, надеясь расплотить застать пустоту (*néant*) там, где меня не было.

Жалкая, ничтожная пружина моральной деятельности – ум человека!

Слабый ум мой не мог проникнуть непроницаемого, а в непосильном труде терял одно за другим убеждения, которые для счастья моей жизни я никогда бы не должен был сметь затрагивать.

Из всего этого тяжелого морального труда я не вынес ничего, кроме изворотливости ума, ослабившей во мне силу воли, и привычки к постоянному моральному анализу, уничтожившей свежесть чувства и ясность рассудка.

Отвлеченные мысли образуются вследствие способности человека уловить сознанием в известный момент состояние души и перенести его в воспоминание. Склонность моя к отвлеченным размышлениям до такой степени неестественно развила во мне сознание, что часто, начиная думать о самой простой вещи, я впадал в безвыходный круг анализа своих мыслей, я не думал уже о вопросе, занимавшем меня, а думал о том, о чем я думал. Спрашивая себя: о чем я думаю? – я отвечал: я думаю, о чем я думаю. А теперь о чем я думаю? Я думаю, что я думаю, о чем я думаю, и так далее. Ум за разом заходил...

Однако философские открытия, которые я делал, чрезвычайно льстили моему самолюбию: я часто воображал себя великим человеком, открывающим для блага всего человечества новые истины, и с гордым сознанием своего достоинства смотрел на остальных смертных; но, странно, приходя в столкновение с этими смертными, я робел перед каждым, и чем выше ставил себя в собственном мнении, тем менее был способен с другими не только выказывать сознание собственного достоинства, но не мог даже привыкнуть не стыдиться за каждое свое самое простое слово и движение.

Вопросы и задания

- ▶1. О чем вспоминает Николенька в этой главе?
2. Какие вопросы волновали его в это время?

▶▶1. Почему именно эта глава заслужила право называться так же, как и вся повесть?

2. Какие проблемы обдумывал и осмыслял Николенька в эти годы?

3. Согласны ли вы с тем, что Николенька, как ему казалось, совершал философские открытия, или этот вывод он сделал по своей наивности?

4. Прав ли был автор, оценив этот период жизни как «пустыню отрочества»?

▶▶▶1. Размышляли ли вы о симметрии? Попробуйте рассказать, как вы обсудили бы эту проблему с Николенькой.

Федор Михайлович Достоевский (1821–1881)

Среди русских писателей многие считают Федора Достоевского самым грустным писателем. Ранняя смерть матери, тяжелые годы учебы в Главном инженерном училище, заключение в Петропавловской крепости Петербурга, ожидание казни, а затем помилование, острог и высылка за участие в политическом кружке – вехи его биографии. Прожив тяжкую жизнь, писатель стал не просто защитником всех обиженных и оскорбленных, а их другом, умеющим заставить своего читателя сочувствовать чужой беде. Он известен всему миру как один из самых трагических писателей, но при этом ему всегда хотелось, чтобы и взрослые и дети нашли пищу для размышления на страницах его книг. «Я давно уже поставил себе идеалом написать роман о русских теперешних детях, ну и, конечно, о теперешних их отцах» («Дневник писателя»). Он осуществил эту мечту, создав роман «Братья Карамазовы», главы из которого познакомят вас с Колей Красоткиным, Илюшей Снегиревым и другими мальчиками.

Мальчики (из романа «Братья Карамазовы»). Фрагменты (Ф. М. Достоевский)

Связался со школьниками

...Как только он (Алеша Карамазов. – *Ред.*) прошел площадь и свернул в переулок, чтобы выйти в Михайловскую улицу, параллельную Большой, но отделявшуюся от нее лишь канавкой (весь город наш пронизан канавками), он увидел внизу пред мостиком маленькую кучку школьников, всё малолетних деток, от девяти до двенадцати лет, не больше. Они расходились по домам из класса со своими ранчиками за плечами, другие с кожаными мешочками на ремнях через плечо, одни в курточках, другие в пальтишках, а иные и в высоких сапогах со складками на голенищах, в каких особенно любят щеголять маленькие детки, которых балуют зажиточные отцы. Вся группа оживленно о чем-то толковала, по-видимому совещалась. Алеша никогда не мог безучастно проходить мимо ребяток, в Москве тоже это бывало с ним, и хоть он больше всего любил трехлетних детей или около того, но и школьники лет десяти, одиннадцати ему очень нравились. А потому как ни озабочен он был теперь, но ему вдруг захотелось свернуть к ним и вступить в разговор. Подходя, он вглядывался в их румяные, оживленные личики и вдруг увидал,

что у всех мальчиков было в руках по камню, у других так по два. За канавкой же, примерно шагах в тридцати от группы, стоял у забора и еще мальчик, тоже школьник, тоже с мешочком на боку, по росту лет десяти, не больше, или даже меньше того, – бледненький, болезненный и со сверкавшими черными глазками. Он внимательно и пытливо наблюдал группу шести школьников, очевидно его же товарищей, с ним же вышедших сейчас из школы, но с которыми он, видимо, был во вражде. Алеша подошел и, обратясь к одному курчавому, белокурому, румяному мальчику в черной курточке, заметил, оглядев его:

– Когда я носил вот такой, как у вас, мешочек, так у нас носили на левом боку, чтобы правою рукой тотчас достать; а у вас ваш мешок на правом боку, вам неловко доставать...

– Да он левша, – ответил тотчас же другой мальчик, молодцеватый и здоровый, лет одиннадцати. Все остальные пять мальчиков уперлись глазами в Алешу.

– Он и камни левой бросает, – заметил третий мальчик. В это мгновение в группу как раз влетел камень, задел слегка мальчика-левшу, но пролетел мимо, хотя пущен был ловко и энергически. Пустил же его мальчик за канавкой.

– Лупи его, сажай в него, Смуров! – закричали все. Но Смуров (левша) и без того не заставил ждать себя и тотчас отплатил: он бросил камнем в мальчика за канавкой, но неудачно: камень ударился в землю. Мальчик за канавкой тотчас же пустил еще в группу камень, на этот раз прямо в Алешу, и довольно больно ударил его в плечо. У мальчишки за канавкой весь карман был полон заготовленными камнями. Это видно было за тридцать шагов по отдувшимся карманам его пальтишка.

– Это он в вас, в вас, он нарочно в вас метил. Ведь вы Карамазов, Карамазов? – закричали хохоча мальчишки. – Ну, все разом в него, пали!

И шесть камней разом вылетели из группы. Один угодил мальчику в голову, и тот упал, но мигом вскочил и с остервенением начал отвечать в группу камнями. С обеих сторон началась непрерывная перестрелка, у многих в группе тоже оказались в кармане заготовленные камни.

– Что вы это! Не стыдно ли, господа! Шестеро на одного, да вы убьете его! – закричал Алеша.

Он выскочил и стал навстречу летящим камням, чтобы загородить собою мальчика за канавкой. Трое или четверо на минутку унялись.

– Он сам первый начал! – закричал мальчик в красной рубашке раздраженным детским голоском, – он подлец, он давеча в классе Красоткина перочинным ножиком пырнул, кровь

потекла. Красоткин только фискалить не хотел, а этого надо избить...

– Да за что? Вы, верно, сами его дразните?

– А вот он опять вам камень в спину прислал. Он вас знает, – закричали дети. – Это он в вас теперь кидает, а не в нас. Ну всё, опять в него, не промахивайся, Смуров!

И опять началась перестрелка, на этот раз очень злая. Мальчику за канавкой ударило камнем в грудь; он вскрикнул, заплакал и побежал вверх в гору, на Михайловскую улицу. В группе загалдели: «Ага, трусил, бежал, мочалка!»

– Вы еще не знаете, Карамазов, какой он подлый, его убить мало, – повторил мальчик в курточке, с горящими глазенками, старше всех по-видимому.

– А какой он? – спросил Алеша. – Фискал, что ли? Мальчики переглянулись как будто с усмешкой.

– Вы туда же идете, в Михайловскую? – продолжал тот же мальчик. – Так вот догоните-ка его... Вон видите, он остановился опять, ждет и на вас глядит...

Мальчик ждал его, не двигаясь с места. Подойдя совсем, Алеша увидел пред собою ребенка не более девяти лет от роду, из слабых и малорослых, с бледненьким худеньким продолговатым личиком, с большими темными и злобно смотревшими на него глазами. Одет он был в довольно ветхий старенький пальтишко, из которого уродливо вырос. Голые руки торчали из рукавов. На правом коленке панталон была большая заплатка, а на правом сапоге, на носке, где большой палец, большая дырка, видно, что сильно замазанная чернилами. В оба отдувшиеся кармашка его пальто были набраны камни. Алеша остановился пред ним в двух шагах, вопросительно смотря на него. Мальчик, догадавшись тотчас по глазам Алеши, что тот его бить не хочет, тоже спустил куражу и сам даже заговорил.

– Я один, а их шесть... Я их всех перебую один, – сказал он вдруг, сверкнув глазами.

– Вас один камень, должно быть, очень больно ударил, – заметил Алеша.

– А я Смурову в голову попал! – вскрикнул мальчик.

– Они мне там сказали, что вы меня знаете и за что-то в меня камнем бросили? – спросил Алеша.

Мальчик мрачно посмотрел на него.

– Я вас не знаю. Разве вы меня знаете? – допрашивал Алеша...

– Монах в гарнитуровых штанах! – крикнул мальчик, все тем же злобным и вызывающим взглядом следя за Алешей, да кстати и став в позу, рассчитывая, что Алеша непременно бросится на него теперь, но Алеша повернулся, поглядел на него и пошел

прочь. Но не успел он сделать и трех шагов, как в спину его больно ударился пущенный мальчишкой самый большой булыжник, который только был у него в кармане.

– Так вы сзади? Они правду, стало быть, говорят про вас, что вы нападаете исподтишка? – обернулся опять Алеша, но на этот раз мальчишка с остервенением опять пустил в Алешу камнем и уже прямо в лицо, но Алеша успел заслониться вовремя, и камень ударил его в локоть.

– Как вам не стыдно! Что я вам сделал? – вскричал он. Мальчик молча и заодно ждал лишь одного, что вот теперь Алеша уж несомненно на него бросится; видя же, что тот даже и теперь не бросается, совершенно озлился, как зверенок: он сорвался с места и кинулся сам на Алешу, и не успел тот шевельнуться, как злой мальчишка, нагнув голову и схватив обеими руками его левую руку, больно укусил ему средний ее палец. Он впился в него зубами и секунд десять не выпускал его. Алеша закричал от боли, дергая изо всей силы палец. Мальчик выпустил его наконец и отскочил на прежнюю дистанцию. Палец был больно прокушен, у самого ногтя, глубоко, до кости; полилась кровь. Алеша вынул платок и крепко обернул в него раненую руку. Обертывал он почти целую минуту. Мальчишка все это время стоял и ждал. Наконец Алеша поднял на него свой тихий взор.

– Ну хорошо, – сказал он, – видите, как вы меня больно укусили, ну и довольно ведь, так ли? Теперь скажите, что я вам сделал?

Мальчик посмотрел с удивлением.

– Я хоть вас совсем не знаю и в первый раз вижу, – все так же спокойно продолжал Алеша, – но не может быть, чтоб я вам ничего не сделал, – не стали бы вы меня так мучить даром. Так что же я сделал и чем я виноват пред вами, скажите?

Вместо ответа мальчик вдруг громко заплакал, в голос, и вдруг побежал от Алеши. Алеша пошел тихо вслед за ним на Михайловскую улицу, и долго еще видел он, как бежал вдали мальчик, не умаляя шагу, не оглядываясь и, верно, все так же в голос плача. Он положил непременно, как только найдется время, разыскать его и разъяснить эту чрезвычайно поразившую его загадку...

Вопросы и задания

►1. Как вы оцениваете схватку между мальчишками-одноклассниками?

2. Какую роль в этом столкновении сыграл Алеша Карамазов?

3. Оцените умение Алеши не терять способности на справедливую оценку поступков даже тогда, когда обиды наносят ему самому.

►1. Опишите самых заметных участников мальчишеской драки.

2. Объясните поведение Алеши в этой сцене.

►►1. Как вы оцениваете поведение героев этой сцены? Кто из них справедлив? Кто ожесточен и потерял самообладание? Можете ли вы по этой сцене определить отношение автора к своим героям?

Надрыв в избе

...Наконец он (Алеша Карамазов. – *Ред.*) разыскал в Озерной улице дом мещанки Калмыковой, ветхий домишко, перекосившийся, всего в три окна на улицу... Квартира штабс-капитана действительно оказалась только простою избой...

Алеша вошел в избу и встретился с семьей Снегиревых.

– Николай Ильич Снегирев-с, русской пехоты бывший штабс-капитан-с, хоть и посрамленный своими пороками, но все же штабс-капитан...

– Я пришел... по тому самому делу...

– По тому самому делу? – нетерпеливо прервал штабс-капитан...

– Это он на меня тебе, папа, жаловаться пришел! – крикнул знакомый уже Алеше голосок давешнего мальчика из-за занавески в углу. – Это я ему давеча палец укусил!

Занавеска отдернулась, и Алеша увидел давешнего врага своего, в углу, под образами, на прилаженной на лавке и на стуле постельке...

– Какой такой палец укусил? – привскочил со стула штабс-капитан. – Это вам он палец укусил-с?

– Да, мне. Давеча он на улице с мальчиками камнями перебрасывался; они в него шестеро кидают, а он один. Я подошел к нему, а он и в меня камень бросил, потом другой мне в голову. Я спросил: что я ему сделал? Он вдруг бросился и больно укусил мне палец, не знаю за что.

– Сейчас высеку-с! Сею минутой высеку-с, – совсем уже вскочил со стула штабс-капитан.

– Да я ведь вовсе не жалуясь, я только рассказал... Я вовсе не

хочу, чтобы вы его высекли. Да он, кажется, теперь и болен...

– А вы думали, я высеку-с? Что я Илюшечку возьму да сейчас и высеку перед вами для вашего полного удовлетворения? Скоро вам это надо-с? – проговорил штабс-капитан, вдруг повернувшись к Алеше с таким жестом, как будто хотел на него броситься. – Жалею, сударь, о вашем пальчике, но не хотите ли я, прежде чем Илюшечку сечь, свои четыре пальца, сейчас же на ваших глазах, для вашего справедливого удовлетворения, вот этим самым ножом оттяпаю. Четырех-то пальцев, я думаю, вам будет довольно-с для утоления жажды мщения-с, пятого не потребуете?.. – Он вдруг остановился и как бы задохся. Каждая черточка на его лице ходила и дергалась, глядел же с чрезвычайным вызовом. Он был как бы в исступлении.

– Я, кажется, теперь все понял, – тихо и грустно ответил Алеша, продолжая сидеть. – Значит, ваш мальчик – добрый мальчик, любит отца и бросился на меня как на брата вашего обидчика... Это я теперь понимаю...

Вопросы и задания

►1. Как вы объясните использование почтительной добавки «-с» в речи Снегирева?

2. Оцените напряжение, которое передает эта сцена и искренность участников диалога.

Коля Красоткин

...Был он смелый мальчишка, «ужасно сильный», как пронеслась и скоро утвердилась молва о нем в классе, был ловок, характера упорного, духа дерзкого и предприимчивого. Учился он хорошо, и шла даже молва, что он и из арифметики, и из всемирной истории собьет самого учителя Дарданелова. Но мальчик хоть и смотрел на всех свысока, вздернув носик, но товарищем был хорошим и не превозносился. Уважение школьников принимал как должное, но держал себя дружелюбно. Главное, знал меру, умел при случае сдерживать себя самого, а в отношениях к начальству никогда не переступал некоторой последней и заветной черты, за которую уже проступок не может быть терпим, обращаясь в беспорядок, бунт и в беззаконие. И однако, он очень, очень не прочь был пошалить при всяком удобном случае, пошалить как самый последний мальчишка, и не столько пошалить, сколько что-нибудь намудрить, начудесить,

здать «экстрафеферу», шикую, порисоваться. Главное, был очень самолюбив...

Вопросы и задания

►1. Охарактеризуйте Колю Красоткина. Как вы оценили особенности его характера и поведения?

У постели смертельно больного Илюши собрались его школьные товарищи и Алеша Карамазов. Пришел и друг Илюши, последнее время находившийся с ним в ссоре, Коля Красоткин. Он привел с собой собаку по кличке Перезвон.

Жучка

Коля с важною миной в лице прислонился к забору и стал ожидать появления Алеши. Да, с ним ему давно уже хотелось встретиться. Он много наслышался о нем от мальчиков, но до сих пор всегда наружно выказывал презрительно равнодушный вид, когда ему о нем говорили, даже «критиковал» Алешу, выслушивая то, что о нем ему передавали. Но про себя очень, очень хотел познакомиться: что-то было во всех выслушанных им рассказах об Алеше симпатическое и влекущее. Таким образом, теперешняя минута была важная; во-первых, надо было себя в грязь лицом не ударить, показать независимость: «А то подумает, что мне тринадцать лет, и примет меня за такого же мальчишку, как и эти. И что ему эти мальчишки? Спрошу его, когда сойдуся. Скверно, однако же, то, что я такого маленького роста. Тузиков моложе меня, а на полголовы выше. Лицо у меня, впрочем, умное; я не хорош, я знаю, что я мерзок лицом, но лицо умное. Тоже надо не очень высказываться, а то сразу-то с объяснениями, он и подумает... Тьфу, какая будет мерзость, если подумает!..»

Так волновался Коля, изо всех сил стараясь принять самый независимый вид. Главное, его мучил маленький его рост, не столько «мерзкое» лицо, сколько рост. У него дома, в углу на стене, еще с прошлого года была сделана карандашом черточка, которою он отметил свой рост, и с тех пор каждые два месяца он с волнением подходил опять мериться: на сколько успел вырасти? Но увы! вырастал он ужасно мало, и это приводило его порой просто в отчаяние. Что же до лица, то было оно вовсе не «мерзкое», напротив, довольно миловидное, беленькое, бледненькое, с веснушками. Серые, небольшие, но живые глазки

смотрели смело и часто загорались чувством. Скулы были несколько широки, губы маленькие, не очень толстые, но очень красные; нос маленький и решительно вздернутый: «Совсем курносый, совсем курносый!» – бормотал про себя Коля, когда смотрелся в зеркало, и всегда отходил от зеркала с негодованием. «Да вряд ли и лицо умное?» – подумывал он иногда, даже сомневаясь и в этом. Впрочем, не надо полагать, что забота о лице и о росте поглощала всю его душу. Напротив, как ни язвительны были минуты пред зеркалом, но он быстро забывал о них, и даже надолго, «весь отдаваясь идеям и действительной жизни», как определял он сам свою деятельность.

Алеша появился скоро и спеша подошел к Коле; за несколько шагов еще тот разглядел, что у Алеши было какое-то совсем радостное лицо. «Неужели так рад мне?» – с удовольствием подумал Коля... К удивлению Коли, Алеша вышел к нему в том, в чем сидел в комнате, без пальто, видно, что поспешил. Он прямо протянул Коле руку.

– Вот и вы наконец, как мы вас все ждали.

– Были причины, о которых сейчас узнаете. Во всяком случае, рад познакомиться. Давно ждал случая и много слышал, – пробормотал, немного задыхаясь, Коля.

– Да мы с вами и без того бы познакомились, я сам о вас много слышал, но здесь-то, сюда-то вы запоздали.

– Скажите, как здесь?

– Илюша очень плох, он непременно умрет.

– Что вы! Согласитесь, что медицина подлость, Карамазов, – с жаром воскликнул Коля.

– Илюша часто, очень часто поминал об вас, даже, знаете, во сне, в бреду. Видно, что вы ему очень, очень были дороги прежде... до того случая... с ножиком. Тут есть и еще причина... Скажите, это ваша собака?

– Моя. Перезвон.

– А не Жучка? – жалостно поглядел Алеша в глаза Коле. – Та уже так и пропала?

– Знаю, что вам хотелось бы всем Жучку, слышал всё-с, – загадочно усмехнулся Коля...

– Ах, как это жаль, – воскликнул с волнением Алеша, – что я не знал ваших этих с ним отношений раньше, а то бы я сам давно уже пришел к вам вас просить пойти к нему со мной вместе. Верите ли, в жару, в болезни, он бредил вами. Я и не знал, как вы ему дороги! И неужели, неужели вы так и не отыскиали эту Жучку? Отец и все мальчишки по всему городу разыскивали. Верите ли, он, больной, в слезах, три раза при мне уж повторял отцу: «Это оттого я болен, папа, что я Жучку тогда убил, это меня Бог

наказал», – не собьешь его с этой мысли! И если бы только достали теперь эту Жучку и показали, что она не умерла, а живая, то, кажется, он бы воскрес от радости. Все мы на вас надеялись.

– Скажите, с какой же стати надеялись, что я отыщу Жучку, то есть что именно я отыщу? – с чрезвычайным любопытством спросил Коля, – почему именно на меня рассчитывали, а не на другого?

– Какой-то слух был, что вы ее отыскиваете и что когда отыщете ее, то приведете. Смуров что-то говорил в этом роде. Мы, главное, все стараемся уверить, что Жучка жива, что ее где-то видели. Мальчики ему живого зайчика откуда-то достали, только он посмотрел, чуть-чуть улыбнулся и попросил, чтобы выпустили его в поле. Так мы и сделали. Сию минуту отец воротился и ему щенка меделянского принес, тоже достал откуда-то, думал этим утешить, только хуже еще, кажется, вышло...

– Еще скажите, Карамазов: что такое этот отец? Я его знаю, но что он такое по вашему определению: шут, паяц?

– Ах нет, есть люди глубоко чувствующие, но как-то придавленные. Шутовство у них вроде злобной иронии на тех, которым в глаза они не смеют сказать правды от долговременной унижительной робости пред ними. Поверьте, Красоткин, что такое шутовство чрезвычайно иногда трагично. У него все теперь, все на земле совокупилось в Илюше, и умри Илюша, он или с ума сойдет с горя, или лишит себя жизни. Я почти убежден в этом, когда теперь на него смотрю!

– Я вас понимаю, Карамазов, я вижу, вы знаете человека, – прибавил проникновенно Коля.

– А я, как увидал вас с собакой, так и подумал, что вы это привели ту самую Жучку.

– Подождите, Карамазов, может быть, мы ее и отыщем, а эта – это Перезвон. Я впущу ее теперь в комнату и, может быть, развеселю Илюшу побольше, чем меделянским щенком. Подождите, Карамазов, вы кой-что сейчас узнаете. Ах, Боже мой, что ж я вас держу! – вскричал вдруг стремительно Коля. – Вы в одном сюртучке на таком холоде, а я вас задерживаю: видите, видите, какой я эгоист! О, все мы эгоисты, Карамазов!

– Не беспокойтесь, правда, холодно, но я не простудлив. Пойдемте, однако же. Кстати: как ваше имя, я знаю, что Коля, а дальше?

– Николай, Николай Иванов Красоткин, или, как говорят показенному: сын Красоткин, – чему-то засмеялся Коля, но вдруг прибавил: – Я, разумеется, ненавижу мое имя Николай.

– Почему же?

– Тривиально^[50], казенно...

– Вам тринадцатый год? – спросил Алеша.

– То есть четырнадцатый, через две недели четырнадцать, весьма скоро. Признаюсь пред вами заранее в одной слабости, Карамазов, это уж так пред вами, для первого знакомства, чтобы вы сразу увидели всю мою натуру: я ненавижу, когда меня спрашивают про мои года, более чем ненавижу... и наконец... про меня, например, есть клевета, что я на прошлой неделе с приговорительными в разбойники играл. То, что я играл, это действительность, но что я для себя играл, для доставления себе самому удовольствия, то это решительно клевета. Я имею основание думать, что до вас это дошло, но я не для себя играл, а для детворы играл, потому что они ничего без меня не умели выдумать. И вот у нас всегда вздор распускают. Это город сплетен, уверяю вас...

Коля был чрезвычайно доволен Алешей. Его поразило то, что с ним он в высшей степени на ровной ноге и что тот говорит с ним как с «самым большим».

– Я вам сейчас один фортель^[51] покажу, Карамазов, тоже одно театральное представление, – нервно засмеялся он, – я с тем и пришел.

– Зайдем сначала налево к хозяевам, там все ваши свои пальто оставляют, потому что в комнате тесно и жарко.

– О, ведь я на мгновение, я войду и просижу в пальто. Перезвон останется здесь в сенях и умрет: «Иси, Перезвон, куш^[52] и умри!» – видите, он и умер. А я сначала войду, высмотрю обстановку и потом, когда надо будет, свистну: «Иси, Перезвон!» – и вы увидите, он тотчас же влетит как угорелый. Только надо, чтобы Смуров не забыл отворить в то мгновение дверь. Уж я распоряжусь, и вы увидите фортель...

У Илюшиной постельки

...Между тем Илюша уже недели две как почти не сходил с своей постельки, в углу, у образов. В классы же не ходил с самого того случая, когда встретился с Алешей и укусил ему палец. Впрочем, он с того же дня и захворал, хотя еще с месяц мог кое-как ходить изредка по комнате и в сенях, изредка вставая с постельки. Наконец совсем обессилел, так что без помощи отца не мог двигаться... Что же до штабс-капитана, то появление в его квартире детей, приходивших веселить Илюшу, наполнило душу его с самого начала восторженною радостью и даже надеждой, что Илюша перестанет теперь тосковать и, может быть, оттого скорее выздоровеет... О прибытии же Коли Красоткина он не

имел никакого предчувствия, хотя уже давно желал, чтобы пришел наконец этот мальчик, по котором так мучился его Илюшечка. В то самое мгновение, когда Красоткин отворил дверь и появился в комнате, все, штабс-капитан и мальчики, столпились около постельки больного и рассматривали только что принесенного крошечного меделянского щенка, вчера только родившегося, но еще за неделю заказанного штабс-капитаном, чтобы развлечь и утешить Илюшечку, все тосковавшего об исчезнувшей и, конечно, уже погибшей Жучке. Но Илюша, уже слышавший и знавший еще за три дня, что ему подарят маленькую собачку, и не простую, а настоящую меделянскую (что, конечно, было ужасно важно), хотя и показывал из тонкого и деликатного чувства, что рад подарку, но все, и отец и мальчики, ясно увидели, что новая собачка, может быть, только еще сильнее шевельнула в его сердечке воспоминание о несчастной, им замученной Жучке. Щеночек лежал и копошился подле него, и он, болезненно улыбаясь, гладил его своею тоненькою, бледненькою, высохшею ручкой; даже видно было, что собачка ему понравилась, но... Жучки все же не было, все же это не Жучка, а вот если бы Жучка и щеночек вместе, тогда бы было полное счастье!

– Красоткин! – крикнул вдруг один из мальчиков, первый завидевший вошедшего Колю. Произошло видимое волнение, мальчики расступились и стали по обе стороны постельки, так что вдруг открыли всего Илюшечку. Штабс-капитан стремительно бросился навстречу Коле.

– Пожалуйста, пожалуйста... дорогой гость! – залепетал он ему. – Илюшечка, господин Красоткин к тебе пожаловал...

...Больной видимо побледнел. Он приподнялся на кровати и пристально-пристально посмотрел на Колю. Тот не видал своего прежнего маленького друга уже месяца два и вдруг остановился пред ним совсем пораженный: он и вообразить не мог, что увидит такое похудевшее и пожелтевшее личико, такие горящие в лихорадочном жару и как будто ужасно увеличившиеся глаза, такие худенькие ручки. С горестным удивлением всматривался он, что Илюша так глубоко и часто дышит и что у него так ссохлись губы. Он шагнул к нему, подал руку и, почти совсем потерявшись, проговорил:

– Ну что, старик... как поживаешь?

Но голос его пресекся, развязности не хватило, лицо как-то вдруг передернулось, и что-то задрожало около его губ. Илюша болезненно ему улыбался, все еще не в силах сказать слова...

Красоткин присел на постельке, в ногах у Илюши. Он хоть, может быть, и приготовил дорогой, с чего развязно начать

разговор, но теперь решительно потерял нитку.

– Нет... я с Перезвоном... У меня такая собака теперь, Перезвон. Славянское имя. Там ждет... свистну, и влетит. Я тоже с собакой, – оборотился он вдруг к Илюше, – помнишь, старик, Жучку? – вдруг огрел он его вопросом.

Лицо Илюшечки перекопилось. Он страдальчески посмотрел на Колю. Алеша, стоявший у дверей, нахмурился и кивнул было Коле украдкой, чтобы тот не заговаривал про Жучку, но тот не заметил или не захотел заметить.

– Где же... Жучка? – надорванным голосом спросил Илюша.

– Ну, брат, твоя Жучка – фью! Пропала твоя Жучка! Илюша смолчал, но пристально-пристально посмотрел еще раз на Колю. Алеша, поймав взгляд Коли, изо всех сил опять закивал ему, но тот снова отвел глаза, сделав вид, что и теперь не заметил.

– Забежала куда-нибудь и пропала. Как не пропасть после такой закуски, – безжалостно резал Коля, а между тем сам как будто стал от чего-то задыхаться. – У меня зато Перезвон... Славянское имя... Я к тебе привел...

– Не надо! – проговорил вдруг Илюшечка.

– Нет, нет, надо, непременно посмотри... Ты развлечешься. Я нарочно привел... такая же лохматая, как и та... Вы позволите, сударыня, позвать сюда мою собаку? – обратился он вдруг к госпоже Снегиревой в каком-то совсем уже непостижимом волнении.

– Не надо, не надо! – с горестным надрывом в голосе воскликнул Илюша. Укор загорелся в глазах его.

– Вы бы-с... – рванулся вдруг штабс-капитан с сундука у стенки, на котором было присел, – вы бы-с... в другое время-с... – пролепетал он, но Коля, неудержимо настаивая и спеша, вдруг крикнул Смурову: «Смуров, отвори дверь!» – и только что тот отворил, свистнул в свою свистульку. Перезвон стремительно влетел в комнату.

– Прыгай, Перезвон, служи! Служи! – завопил Коля, вскочив с места, и собака, став на задние лапы, вытянулась прямо перед постелькой Илюши. Произошло нечто никем неожиданное: Илюша вздрогнул и вдруг с силой двинулся весь вперед, нагнулся к Перезвону и, как бы замирая, смотрел на него.

– Это... Жучка! – прокричал он вдруг надтреснутым от страдания и счастья голосом.

– А ты думал кто? – звонким, счастливым голосом изо всей силы завопил Красоткин и, нагнувшись к собаке, обхватил ее и приподнял к Илюше...

Илюша же и говорить не мог. Он смотрел на Колю своими большими и как-то ужасно выкатившимися глазами, с раскрытым

ртом и побледнев как полотно. И если бы только знал не подозревавший ничего Красоткин, как мучительно и убийственно могла влиять такая минута на здоровье больного мальчика, то ни за что бы не решился выкинуть такую штуку, какую выкинул...

...Пусть он к тебе на постель сам вскочит. Иси, Перезвон! – стукнул ладонью по постели Коля, и Перезвон как стрела влетел к Илюше. Тот стремительно обнял его голову обеими руками, а Перезвон мигом облизал ему за это щеку. Илюшечка прижался к нему, протянулся на постельке и спрятал от всех в его косматой шерсти свое лицо...

Илюша

– Папа, папа, поди сюда... мы... – пролепетал было Илюша в чрезвычайном возбуждении, но, видимо не в силах продолжать, вдруг бросил свои обе исхудалые ручки вперед и крепко, как только мог, обнял их обоих разом, и Колю и папу, соединив их в одно объятие и сам к ним прижавшись. Штабс-капитан вдруг весь так и затрясся от безмолвных рыданий, а у Коли задрожали губы и подбородок.

– Папа, папа! Как мне жалко тебя, папа! – горько простонал Илюша.

– Илюшечка... голубчик... доктор сказал... будешь здоров... будем счастливы... доктор... – заговорил было штабс-капитан.

– Ах, папа! Я ведь знаю, что тебе новый доктор про меня сказал... Я ведь видел! – воскликнул Илюша и опять крепко, изо всей силы прижал их обоих к себе, спрятав на плече у папы свое лицо.

– Папа, не плачь... а как я умру, то возьми ты хорошего мальчика, другого... сам выбери из них из всех, хорошего, назови его Илюшей и люби его вместо меня...

– Молчи, старик, – выздоровеешь! – точно осердившись, крикнул вдруг Красоткин.

– А меня, папа, меня не забывай никогда, – продолжал Илюша, – ходи ко мне на могилку... да вот что, папа, похорони ты меня у нашего большого камня, к которому мы с тобой гулять ходили, и ходи ко мне туда с Красоткиным, вечером... И Перезвон... А я буду вас ждать... Папа, папа!

Его голос пресекался, все трое стояли обнявшись и уже молчали. Плакала тихо на своем кресле и Ниночка, и вдруг, увидав всех плачущими, залилась слезами и мамаша.

– Илюшечка! Илюшечка! – восклицала она.

Красоткин вдруг высвободился из объятий Илюши.

– Прощай, старик, меня ждет мать к обеду, – проговорил он скороговоркой. – Как жаль, что я ее не предупредил. Очень будет беспокоиться... Но после обеда я тотчас к тебе, на весь день, на весь вечер, и столько тебе расскажу, столько расскажу! И Перезвона приведу, а теперь с собой уведу, потому что он без меня выть начнет и тебе мешать будет: до свиданья!

И он выбежал в сени. Ему не хотелось расплакаться, но в сенях он-таки заплакал. В этом состоянии нашел его Алеша.

– Коля, вы должны непременно сдержать слово и прийти, а то он будет в страшном горе, – настойчиво проговорил Алеша.

– Непременно! О, как я клянусь, что не приходил раньше, – плача и уже не конфузясь, что плачет, пробормотал Коля. В эту минуту вдруг словно выскочил из комнаты штабс-капитан и тотчас затворил за собою дверь. Лицо его было исступленное, губы дрожали. Он стал пред обоими молодыми людьми и вскинул вверх обе руки.

– Не хочу хорошего мальчика! Не хочу другого мальчика! – прошептал он диким шепотом, скрежеща зубами. – Аще забуду тебе, Иерусалиме, да прильпнет...

Он не договорил, как бы захлебнувшись, и опустил в бессилии пред деревянную лавкой на колени. Стиснув обоими кулаками свою голову, он начал рыдать, как-то нелепо взвизгивая, изо всей силы крепясь, однако, чтобы не услышали его взвизгов в избе. Коля выскочил на улицу.

– Прощайте, Карамазов! Сами-то придете? – резко и сердито крикнул он Алеше.

– Вечером непременно буду.

– Что он это такое про Иерусалим... Это что еще такое?

– Это из Библии: «Аще забуду тебе, Иерусалиме», то есть если забуду все, что есть у меня драгоценного, если променяю на что, то да поразит...

– Понимаю, довольно! Сами-то приходите! Иси, Перезвон! – совсем уже свирепо прокричал он собаке и большими, скорыми шагами зашагал домой...

Похороны Илюшечки. Речь у камня

...Алеша вошел в комнату. В голубом, убранном белым рюшем гробе лежал, сложив ручки и закрыв глазки, Илюша. Черты исхудалого лица его совсем почти не изменились... Выражение лица было серьезное и как бы задумчивое. Особенно хороши были руки, сложенные накрест, точно вырезанные из мрамора. В руки ему вложили цветов, да и весь гроб был уже

убран снаружи и снутри цветами... Когда Алеша отворил дверь, штабс-капитан с пучком цветов в дрожащих руках своих обсыпал ими снова своего дорогого мальчика. Он едва взглянул на вошедшего Алешу, да и ни на кого не хотел глядеть, даже на плачущую, помешанную жену свою, свою «мамочку», которая все старалась приподняться на свои больные ноги и заглянуть поближе на своего мертвого мальчика. Ниночку же дети приподняли с ее стулом и придвинули вплоть к гробу. Она сидела, прижавшись к нему своею головой, и тоже, должно быть, тихо плакала. Лицо Снегирева имело вид оживленный, но как бы растерянный, а вместе с тем и ожесточенный. В жестах его, в вырывавшихся словах его было что-то полоумное. «Батюшка, милый батюшка!» – восклицал он поминутно, смотря на Илюшу. У него была привычка, еще когда Илюша был в живых, говорить ему ласкаючи: «Батюшка, милый батюшка!»

...Дети подняли гроб, но, пронося мимо матери, остановились пред ней на минутку и опустили его, чтоб она могла с Илюшей проститься. Но увидав вдруг это дорогое личико вблизи, на которое все три дня смотрела лишь с некоторого расстояния, она вдруг вся затряслась и начала истерически дергать над гробом своею седою головой взад и вперед.

– Мама, окрести его, благослови его, поцелуй его, – прокричала ей Ниночка. Но та, как автомат, все дергалась своею головой и безмолвно, с искривленным от жгучего горя лицом, вдруг стала бить себя кулаком в грудь. Гроб понесли дальше... Алеша, выходя из дому, обратился было к квартирной хозяйке с просьбой присмотреть за оставшимися, но та и договорить не дала:

– Знамо дело, при них буду, христиане и мы тоже. – Старуха, говоря это, плакала.

Нести до церкви было недалеко, шагов триста, не более. День стал ясный, тихий; морозило, но немного. Благовестный звон еще раздавался. Снегирев суетливо и растерянно бежал за гробом в своем стареньком, коротеньком, почти летнем пальтишке, с непокрытою головой и с старою, широкополою, мягкою шляпой в руках. Он был в какой-то неразрешимой заботе, то вдруг протягивал руку, чтобы поддержать изголовье гроба, и только мешал несущим, то забегал сбоку и искал, где бы хоть тут пристроиться. Упал один цветок на снег, и он так и бросился подымать его, как будто от потери этого цветка бог знает что зависело.

– А корочку-то, корочку-то забыли, – вдруг воскликнул он в страшном испуге. Но мальчики тотчас напомнили ему, что корочку хлеба он уже захватил еще давеча и что она у него в

кармане. Он мигом выдернул ее из кармана и, удостоверившись, успокоился.

– Илюшечка велел, Илюшечка, – пояснил он тотчас Алеше, – лежал он ночью, а я подле сидел, и вдруг приказал: «Папочка, когда засыпят мою могилку, покроши на ней корочку хлебца, чтоб воробушки прилетали, я услышу, что они прилетели, и мне весело будет, что я не один лежу»...

...Между тем все тихонько брели по тропинке, и вдруг Смуров воскликнул:

– Вот Илюшин камень, под которым его хотели похоронить!

Все молча остановились у большого камня. Алеша посмотрел, и целая картина того, что Снегирев рассказывал когда-то об Илюшечке, как тот, плача и обнимая отца, восклицал: «Папочка, папочка, как он унизил тебя!» – разом представилась его воспоминанию. Что-то как бы сотряслось в его душе. Он с серьезным и важным видом обвел глазами все эти милые, светлые лица школьников, Илюшиных товарищей, и вдруг сказал им:

– Господа, мне хотелось бы вам сказать здесь, на этом самом месте, одно слово.

Мальчики обступили его и тотчас устремили на него пристальные, ожидающие взгляды.

– Господа, мы скоро расстанемся... Скоро я здешний город покину, может быть очень надолго. Вот мы и расстанемся, господа. Согласимся же здесь, у Илюшина камушка, что не будем никогда забывать – во-первых, Илюшечку, а во-вторых, друг об друге. И что бы там ни случилось с нами потом в жизни, хотя бы мы и двадцать лет потом не встречались, – все-таки будем помнить о том, как мы хоронили бедного мальчика, в которого прежде бросали камни, помните, там у мостика-то? – а потом так все его полюбили. Он был славный мальчик, добрый и храбрый мальчик, чувствовал честь и горькую обиду отцовскую, за которую и восстал. Итак, во-первых, будем помнить его, господа, во всю нашу жизнь. И хотя бы мы были заняты самыми важными делами, достигли почестей или впали бы в какое великое несчастье, – все равно не забывайте никогда, как нам было раз здесь хорошо, всем сообща, соединенным таким хорошим и добрым чувством, которое и нас сделало на это время любви нашей к бедному мальчику, может быть, лучшими, чем мы есть в самом деле...

– Это непременно так будет, Карамазов, я вас понимаю, Карамазов! – воскликнул, сверкнув глазами, Коля. Мальчики заволновались и тоже хотели что-то воскликнуть, но сдержались, пристально и умиленно смотря на оратора.

– Это я говорю на тот страх, что мы дурными сделаемся, –

продолжал Алеша, – но зачем нам и делаться дурными, не правда ли, господа? Будем, во-первых и прежде всего, добры, потом честны, а потом – не будем никогда забывать друг об друге. Это я опять-таки повторяю. Я слово вам даю от себя, господа, что я ни одного из вас не забуду; каждое лицо, которое на меня теперь, сейчас, смотрит, припомню, хоть бы и чрез тридцать лет. Давеча вот Коля сказал Карташову, что мы будто бы не хотим знать, «есть он или нет на свете?». Да разве я могу забыть, что Карташов есть на свете и что вот он... смотрит на меня своими славными, добрыми, веселыми глазками. Господа, милые мои господа, будем все великодушны и смелы, как Илюшечка, умны, смелы и великодушны, как Коля (но который будет гораздо умнее, когда подрастет), и будем такими же стыдливými, но умненькими и милыми, как Карташов. Да чего я говорю про них обоих! Все вы, господа, милы мне отныне, всех вас заключу в мое сердце, а вас прошу заключить и меня в ваше сердце! Ну, а кто нас соединил в этом добром хорошем чувстве, об котором мы теперь всегда, всю жизнь вспоминать будем и вспоминать намерены, кто как не Илюшечка, добрый мальчик, милый мальчик, дорогой для нас мальчик на веки веков! Не забудем же его никогда, вечная ему и хорошая память в наших сердцах, отныне и во веки веков!

– Так, так, вечная, вечная, – прокричали все мальчики своими звонкими голосами, с умиленными лицами.

– Будем помнить и лицо его, и платье его, и бедненькие сапожки его, и гробик его, и несчастного грешного отца его, и о том, как он смело один восстал на весь класс за него!

– Будем, будем помнить! – прокричали опять мальчики, – он был храбрый, он был добрый!

– Ах, как я любил его! – воскликнул Коля.

– Ах, деточки, ах, милые друзья, не бойтесь жизни! Как хороша жизнь, когда что-нибудь сделаешь хорошее и правдивое!

– Да, да, – восторженно повторили мальчики.

– Карамазов, мы вас любим! – воскликнул неудержимо один голос, кажется Карташова.

– Мы вас любим, мы вас любим, – подхватили и все. У многих сверкали на глазах слезинки.

– Ура Карамазову! – восторженно провозгласил Коля.

– И вечная память мертвому мальчику! – с чувством прибавил опять Алеша.

– Вечная память! – подхватили снова мальчики.

– Карамазов! – крикнул Коля, – неужели и взаправду религия говорит, что мы все встанем из мертвых и оживем и увидим опять друг друга, и всех, и Илюшечку?

– Непременно восстанем, непременно увидим и весело,

радостно расскажем друг другу все, что было, – полусмеясь, полу в восторге ответил Алеша.

– Ах, как это будет хорошо! – вырвалось у Коли.

– Ну, а теперь кончим речи и пойдемте на его поминки. Не смущайтесь, что блины будем есть. Это ведь старинное, вечное, и тут есть хорошее, – засмеялся Алеша. – Ну пойдемте же! Вот мы теперь и идем рука в руку.

– И вечно так, всю жизнь рука в руку! Ура Карамазову! – еще раз восторженно прокричал Коля, и еще раз все мальчишки подхватили его восклицание.

Вопросы и задания

►1. Расскажите об истории с Жучкой и ее мнимой гибелью.

2. Почему Жучка стала Перезвоном?

3. Чем завершилась эта история?

►►1. Почему Коля Красоткин не принес найденную Жучку к Илюше сразу же после того, как ее нашел?

2. Как вы объясните замысел Коли? Как характеризует его забота о том, чтобы всех удивить дрессировкой собаки?

►►►1. Опишите сцену встречи Илюши с найденной Жучкой.

2. Как одноклассников сплотила чужая беда?

3. Почему похороны Илюши и речь у камня помогают понять важность человечности и дружбы?

Антон Павлович Чехов (1860–1904)

Жизнь Чехова складывалась нелегко. Он вырос в Таганроге, в семье мелкого лавочника, окончил гимназию и затем переехал в Москву, где окончил медицинский факультет Московского университета. Но его призванием было литературное творчество, и доктор Чехов стал писателем.

Как ни труден был быт в семье Чеховых, братья и сестра росли веселыми и беспечными. Главным изобретателем всяких проказ в семье был Антон. Из одной детской домашней шутки впоследствии вырос забавный рассказ «Хирургия», который исполнялся братьями как веселая сценка. Вместо зуба в рот бедному «больному» помещалась огромная пробка.

Ранние рассказы Чехова – это веселые шутки и комические сценки. У молодого писателя, который публиковался в разных юмористических журналах, было немало псевдонимов: Антоша, Человек без селезенки, Рувер, Уллис, Брат моего брата, но чаще всего Антоша Чехонте.

Вы уже знаете, что слово **псевдоним**, образованное от греческих слов «вымысел» и «имя», обозначает **вымышленное имя, которым автор заменяет свое настоящее**.

В ранних рассказах Чехова множество самых разных героев. Среди них и ваши ровесники. Как же изображал отрочество молодой писатель? В небольшом рассказе «Жизнь в вопросах и восклицаниях» автор так характеризует этот период жизни человека: *«Отрочество. Иди-ка сюда, я тебя высеку! Где это ты себе нос разбил? Не беспокой мамашу! Ты не маленький! Не подходи к столу, тебе после! Читай! Не знаешь? Пошел в угол! Единица! Не клади в карман гвоздей!..»*

А. П. Чехов сочинял не только веселые и забавные рассказы для юмористических журналов. В его произведениях звучала сатира: вместо доброжелательного смеха читатель слышал осуждение. Писатель ответственной и строже смотрит на то, какой рисуется в его рассказах окружающая жизнь. Многочисленные и забавные псевдонимы заменяются его собственным именем. Когда А. П. Чехов составлял свой первый большой сборник произведений, он включил в него и рассказ «Хамелеон». Именно этот сборник писатель впервые подписал собственным именем: Антон Чехов. «...Нотки задумчивости... и особенной, только Чехову свойственной, печали, уже прокрадывающиеся сквозь яркую смешливость, еще более оттеняли молодое веселье этих рассказов», – вспоминал впоследствии об этом сборнике писатель В. Г. Короленко.

Вам предстоит познакомиться с рассказами «Хамелеон», «Толстый и тонкий» и их героями. О свойствах ящериц-хамелеонов, меняющих свой цвет в зависимости от обстановки, так широко известно людям разных стран, что даже в словарях у этого слова есть два объяснения. Одно говорит о том, что это один из видов ящериц, а второе значение формулируется так: *«Переносное значение. Беспринципный человек, легко меняющий свои взгляды в зависимости от обстановки»*.

Хамелеон (А. П. Чехов)

Через базарную площадь идет полицейский надзиратель Очумелов в новой шинели и с узелком в руке. За ним шагает

рыжий городской с решетом, доверху наполненным конфискованным крыжовником. Кругом тишина... На площади ни души... Открытые двери лавок и кабаков глядят на свет божий уныло, как голодные пасти; около них нет даже нищих.

– Так ты кусаться, окаянная? – слышит вдруг Очумелов. – Ребята, не пушай ее! Нынче не велено кусаться! Держи! А... а!

Слышен собачий визг. Очумелов глядит в сторону и видит: из дровяного склада купца Пичугина, прыгая на трех ногах и оглядываясь, бежит собака. За ней гонится человек в ситцевой крахмальной рубаше и расстегнутой жилетке. Он бежит за ней и, подавшись туловищем вперед, падает на землю и хватается собаку за задние лапы. Слышен вторично собачий визг и крик: «Не пушай!» Из лавок высовываются сонные физиономии, и скоро около дровяного склада, словно из земли выросши, собирается толпа.

– Никак беспорядок, ваше благородие!.. – говорит городской.

Очумелов делает полуоборот налево и шагает к сборищу. Около самых ворот склада, видит он, стоит вышеописанный человек в расстегнутой жилетке и, подняв вверх правую руку, показывает толпе окровавленный палец. На полупьяном лице его как бы написано: «Ужо я сорву с тебя, шельма!», да и самый палец имеет вид знамения победы. В этом человеке Очумелов узнает золотых дел мастера Хрюкина. В центре толпы, растопырив передние ноги и дрожа всем телом, сидит на земле сам виновник скандала – белый борзой щенок с острой мордой и желтым пятном на спине. В слезящихся глазах его выражение тоски и ужаса.

– По какому это случаю тут? – спрашивает Очумелов, врезываясь в толпу. – Почему тут? Это ты зачем палец?.. Кто кричал?

– Иду я, ваше благородие, никого не трогаю... – начинает Хрюкин, кашляя в кулак. – Насчет дров с Митрий Митричем, – и вдруг эта подлая ни с того ни с сего за палец... Вы меня извините, я человек, который работающий... Работа у меня мелкая. Пушай мне заплатят, потому – я этим пальцем, может, неделю не пошевельну... Этого, ваше благородие, и в законе нет, чтоб от твари терпеть... Ежели каждый будет кусаться, то лучше и не жить на свете...

– Гм!.. Хорошо... – говорит Очумелов строго, кашляя и шевеля бровями. – Хорошо... Чья собака? Я этого так не оставлю. Я покажу вам, как собак распускать! Пора обратить внимание на подобных господ, не желающих подчиняться постановлениям! Как оштрафуют его, мерзавца, так он узнает у меня, что значит собака и прочий бродячий скот! Я ему покажу кузькину мать!..

Елдырин, – обращается надзиратель к городовому, – узнай, чья это собака, и составляй протокол! А собаку истребить надо. Немедля! Она наверное бешеная... Чья это собака, спрашиваю?

– Это, кажись, генерала Жигалова! – говорит кто-то из толпы.

– Генерала Жигалова? Гм!.. Сними-ка, Елдырин, с меня пальто... Ужас, как жарко! Должно полагать, перед дождем... Одного только я не понимаю: как она могла тебя укусить? – обращается Очумелов к Хрюкину. – Нешто она достанет до пальца? Она маленькая, а ты ведь вон какой здоровила! Ты, должно быть, расковырял палец гвоздиком, а потом и пришла в твою голову идея, чтоб сорвать. Ты ведь... известный народ! Знаю вас, чертей!

– Он, ваше благородие, сигаркой ей в харю для смеха, а она – не будь дура, и тяпни... Вздорный человек, ваше благородие!

– Врешь, кривой! Не видал, так, стало быть, зачем врать? Их благородие умный господин и понимают, ежели кто врет, а кто по совести, как перед Богом... А ежели я вру, так пушай мировой рассудит. У него в законе сказано... Нынче все равны... У меня у самого брат в жандармах... ежели хотите знать...

– Не рассуждать!

– Нет, это не генеральская... – глубокомысленно замечает городской. – У генерала таких нет. У него все больше легавые...

– Ты это верно знаешь?

– Верно, ваше благородие...

– Я и сам знаю. У генерала собаки дорогие, породистые, а эта – черт знает что! Ни шерсти, ни вида... подлость одна только... И такую собаку держать?! Где же у вас ум? Попадись такая собака в Петербурге или Москве, то знаете, что было бы? Там не посмотрели бы в закон, а моментально – не дыши! Ты, Хрюкин, пострадал, и дела этого так не оставляй... Нужно проучить! Пора...

– А может быть, и генеральская... – думает вслух городской. – На морде у ней не написано... Намедни во дворе у него такую видел.

– Вестимо, генеральская! – говорит голос из толпы.

– Гм!.. Надень-ка, брат Елдырин, на меня пальто... Что-то ветром подуло... Знобит... Ты отведешь ее к генералу и спросишь там. Скажешь, что я нашел и прислал... И скажи, чтобы ее не выпускали на улицу... Она, может быть, дорогая, а ежели каждый свинья будет ей в нос сигаркой тыкать, то долго ли испортить. Собака – нежная тварь... А ты, болван, опусти руку! Нечего свой дурацкий палец выставлять! Сам виноват!..

– Повар генеральский идет, его спросим... Эй, Прохор! Подика, милый, сюда! Погляди на собаку... Ваша?

– Выдумал! Этаких у нас отродясь не бывало!

– И спрашивать тут долго нечего, – говорит Очумелов. – Она бродячая! Нечего тут долго разговаривать... Ежели сказал, что бродячая, стало быть и бродячая... Истребить, вот и все.

– Это не наша, – продолжает Прохор. – Это генералова брата, что наемднись приехал. Наш не охотник до борзых. Брат ихний охоч...

– Да разве братец ихний приехали? Владимир Иваныч? – спрашивает Очумелов, и все лицо его заливается улыбкой умиления. – Ишь ты, Господи! А я и не знал! Погостить приехали?

– В гости...

– Ишь ты, Господи... Соскучились по братце... А я ведь и не знал! Так это ихняя собачка? Очень рад... Возьми ее... Собачонка ничего себе... Шустрая такая... Цап этого за палец! Ха-ха-ха... Ну, чего дрожишь? Ррр... Рр... Сердится, шельма, цуцык этакий...

Прохор зовет собаку и идет с ней от дровяного склада... Толпа хохочет над Хрюкиным.

– Я еще доберусь до тебя! – грозит ему Очумелов и, запахиваясь в шинель, продолжает свой путь по базарной площади.

Вопросы и задания

►1. Найдите и прочитайте экспозицию рассказа. Кто главный герой этой экспозиции?

2. Опишите полицейского надзирателя Очумелова, используя при этом его приметы, четко обозначенные автором.

3. Сколько раз Очумелов меняет свое решение?

4. Когда в рассказе впервые появляется слово «толпа»? Как вы думаете, почему?

►►1. Охарактеризуйте Хрюкина и опишите его поведение.

2. Назовите героев, которые влияют на ход событий, но не появляются перед читателем.

►►►1. Почему слово *хамелеон* появляется только в заголовке рассказа?

2. Сколько «хамелеонов» видите вы в этом рассказе? В одном классе ученики выдвинули три решения: хамелеон – Очумелов; хамелеоны – Очумелов и Хрюкин; хамелеоны – Очумелов, Хрюкин, толпа. К какому из этих решений вы присоединяетесь? Может быть, найдете еще

одно решение?

3. Сколько кульминаций вы находите в этом рассказе?

Толстый и тонкий (А. П. Чехов)

На вокзале Николаевской железной дороги встретились два приятеля: один толстый, другой тонкий. Толстый только что пообедал на вокзале, и губы его, подернутые маслом, лоснились, как спелые вишни. Пахло от него хересом и флер-д'оранжем. Тонкий же только что вышел из вагона и был навьючен чемоданами, узлами и картонками. Пахло от него ветчиной и кофейной гущей. Из-за его спины выглядывала худенькая женщина с длинным подбородком – его жена, и высокий гимназист с прищуренным глазом – его сын.

– Порфирий! – воскликнул толстый, увидев тонкого. – Ты ли это? Голубчик мой! Сколько зим, сколько лет!

– Батюшки! – изумился тонкий. – Миша! Друг детства! Откуда ты взялся?

Приятели троекратно облобызались и устремили друг на друга глаза, полные слез. Оба были приятно ошеломлены.

– Милый мой! – начал тонкий после лобызания. – Вот не ожидал! Вот сюрприз! Ну, да погляди же на меня хорошенько! Такой же красавец, как и был! Такой же душонок и щеголь! Ах ты, Господи! Ну, что же ты? Богат? Женат? Я уже женат, как видишь... Это вот моя жена, Луиза, урожденная Ванценбах... лютеранка... А это сын мой, Нафанаил, ученик третьего класса. Это, Нафаня, друг моего детства! В гимназии вместе учились!

Нафанаил немного подумал и снял шапку.

– В гимназии вместе учились! – продолжал тонкий. – Помнишь, как тебя дразнили? Тебя дразнили Геростратом за то, что ты казенную книжку папироской прожег, а меня Эфиальтом^[53] за то, что я ябедничать любил. Хо-хо... Детьми были! Не бойся, Нафаня! Подойди к нему поближе... А это моя жена, урожденная Ванценбах... лютеранка.

Нафанаил немного подумал и спрятался за спину отца.

– Ну, как живешь, друг? – спросил толстый, восторженно глядя на друга. – Служишь где? Дослужился?

– Служу, милый мой! Коллежским ассессором уже второй год и Станислава^[54] имею. Жалованье плохое... ну, да Бог с ним! Жена уроки музыки дает, я портсигары приватно из дерева делаю. Отличные портсигары! По рублю за штуку продаю. Если кто берет десять штук и более, тому, понимаешь, уступка. Пробавляемся

кое-как. Служил, знаешь, в департаменте, а теперь сюда переведен столоначальником по тому же ведомству... Здесь буду служить. Ну, а ты как? Небось уже статский^[55]? А?

– Нет, милый мой, поднимай повыше, – сказал толстый. – Я уже до тайного дослужился... Две звезды имею.

Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз его посыпались искры. Сам он съежился, сгорбился, сузился... Его чемоданы, узлы и картонки съежились, поморщились... Длинный подбородок жены стал еще длиннее; Нафанаил вытянулся во фрунт и застегнул все пуговицы своего мундира...

– Я, ваше превосходительство... Очень приятно-с! Друг, можно сказать, детства и вдруг вышли в такие вельможи-с! Хи-хи-с.

– Ну, полно! – поморщился толстый. – Для чего этот тон? Мы с тобой друзья детства – и к чему тут это чинопочитание!

– Помилуйте... Что вы-с... – захихикал тонкий, еще более съезживаясь. – Милостивое внимание вашего превосходительства... вроде как бы живительной влаги... Это вот, ваше превосходительство, сын мой Нафанаил... жена Луиза, лютеранка, некоторым образом...

Толстый хотел было возразить что-то, но на лице у тонкого было написано столько благоговения, сладости и почтительной кислоты, что тайного советника стошнило. Он отвернулся от тонкого и подал ему на прощанье руку.

Тонкий пожал три пальца, поклонился всем туловищем и захихикал, как китаец: «хи-хи-хи». Жена улыбнулась. Нафанаил шаркнул ногой и уронил фуражку. Все трое были приятно ошеломлены.

Вопросы и задания

- ▶1. Как произошла встреча бывших одноклассников?
2. Кто из них Порфирий, а кто – Миша?
3. Почему так активен в своих речах Порфирий? О каких его качествах это говорит?
4. С какого момента изменился характер их беседы?

▶▶1. Какие приметы характеризуют не только внешность, но и характер тонкого?

2. Найдите обращения, которыми пользовались бывшие одноклассники.

»»1. Почему только при первой встрече мы слышим их имена, а дальше оба бывших соученика используют обращение «милый мой»?

2. Почему мы можем достаточно подробно описать жизнь тонкого и почти ничего не узнали о толстом?

3. Есть ли приметы «хамелеонства» в поведении героев?

4. Как заголовок помогает понять отношение автора к своим героям?

Герой и сюжет

Сюжет – цепочка событий, среди которых вы можете найти завязку, кульминацию и развязку, состоит из более или менее важных и значительных эпизодов в жизни героев. Каждый эпизод – часть сюжета, он показывает, с каким мастерством писатель увлекает нас, читателей, вслед за событиями жизни своих героев.

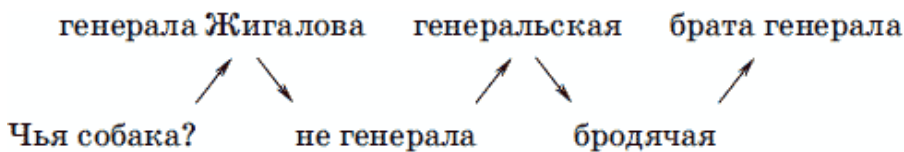
Читая художественное произведение, мы следим за развитием сюжета. В ходе его герои высказывают суждения, принимают решения и совершают поступки. Именно поступки чаще всего помогают нам дать оценку герою, понять взгляды человека, разобраться в его характере.

Проверим свои наблюдения.

Событие	Поступок героя	Качества, проявленные героем
<i>«Васюткино озеро»</i>		
Васютка заблудился.	Поиск дороги к дому.	Настойчивость и смелость.
<i>«Толстый и тонкий»</i>		
Встреча героев.	Определение места и роли в обществе.	Подобострастие тонкого.

Так заполнили свою таблицу ученики одного из шестых классов.

Но перед ними стояла и другая задача: объяснить события «Хамелеона» – ведь в нем явно не одно событие и не один поступок отражают поведение героя и говорят о его качествах. Попробуем это изобразить:

Итак, перед читателем несколько очень напряженных моментов в судьбе и собаки, и даже самого Очумелова. В рассказе оказалось три кульминации. И сам Очумелов, и Хрюкин, и вся толпа за считанные минуты пережили несколько потрясений. Смена событий вызывает нашу реакцию. Так происходит как в жизни, так и в подчеркнутой, концентрированной форме – в художественном произведении. События вызывают поступки, которые помогают нам понять героев и мотивы их поведения.

Вопросы и задания

►1. Найдите в сюжете хорошо знакомых произведений завязку событий, их кульминацию и развязку. Обратитесь, например, к рассказу «Васюткино озеро».

2. Найдите среди знакомых произведений такие, в которых вы увидели несколько напряженных моментов.

►►1. Какие художественные приемы часто помогают

увидеть кульминацию художественного произведения?

2. Почему характер героя чаще всего особенно ясно выявляет себя при описании кульминационных событий?

»»1. Может ли быть в художественном произведении несколько сюжетов?

2. Может ли быть так, что в сюжете есть несколько кульминаций?

3. Сколько сюжетов, как вам кажется, в «Руслане и Людмиле»?

Николай Георгиевич Гарин-Михайловский (1852–1906)

Н. Г. Михайловский родился в семье боевого генерала: заслуги отца так высоко ценились властями, что сам царь стал крестным отцом первого ребенка этой семьи. Мальчика в честь крестного отца называли Николаем.

Суровый отец был убежден в необходимости палочной дисциплины, а добрая и хорошо понимавшая сына мать как могла оберегала впечатлительного и талантливого ребенка в его непростой жизни.

Окончив Институт инженеров путей сообщения в Петербурге, Михайловский прокладывает железные дороги, строит порты...

В 1892 году вышли из печати два его произведения: «Детство Тёмы» и «Несколько лет в деревне» за подписью «Гарин-Михайловский» – такой псевдоним взял себе автор.

Став известным, писатель не перестает увлеченно работать инженером-путейцем, кроме этого он издает журналы и занимается сельским хозяйством. Современные исследователи утверждают, что Гарин-Михайловский был единственным писателем, который основал город – и не какой-нибудь маленький, а известный всем Новосибирск. Он же создал проект электрической железной дороги между Севастополем и Ялтой в Крыму.

Сейчас вы познакомитесь с главами из автобиографической повести Н. Г. Гарина-Михайловского (как вы помните, автобиографическая повесть рассказывает о жизни самого автора).

Детство Тёмы. Фрагменты **(Н. Г. Гарин-Михайловский)**

...Он любил эти страшные рассказы, неистощимым источником которых являлся Иванов. Бывало, скажет Иванов во время рекреации^[56]: «Не ходи сегодня во двор, буду рассказывать». И Тёма как прикованный оставался на месте. Начнет и сразу захватит Тёму. Подопрется, бывало, коленом о скамью и говорит, говорит – так и льется у него. Смотрит на него Тёма, смотрит на маленький, болтающийся в воздухе порыжелый сапог Иванова, на лопнувшую кожу этого сапога; смотрит на едва выглядывающий, засаленный, покрытый перхотью форменный воротничок; смотрит в его добрые светящиеся глаза и слушает, и чувствует, что любит он Иванова, так любит, так жалко ему почему-то этого маленького, бедно одетого мальчика, которому ничего, кроме его рассказов, не надо, – что готов он, Тёма, прикажи ему только Иванов, все сделать, всем для него пожертвовать.

– Как много ты знаешь! – сказал раз Тёма. – Как ты все это можешь выдумать?

– Какой ты смешной, – ответил Иванов. – Разве это моя фантазия? Я читаю.

– Разве такие вещи печатают?

– Конечно, печатают. Ты читаешь что-нибудь?

– Как читаю?

– Ну, как читаешь? Возьмешь какой-нибудь рассказ, сядешь и читаешь.

Тёма удивленно слушал Иванова. В его голове не вмещалось,

чтоб можно было добровольно, без урока, сидеть и читать.

– Ты вот попробуй, когда-нибудь я принесу тебе одну занимательную книжку... Только не порви.

В втором классе Тёма уже читал Гоголя, Майн Рида, Вагнера и втянулся в чтение. Он любил, придя из гимназии, под вечер, с куском хлеба, забраться куда-нибудь в каретник, на чердак, в беседку – куда-нибудь подальше от жилья, и читать, переживая все ощущения выводимых героев.

Он познакомился с Ивановым по дому и, узнав его жизнь, еще больше привязался к нему. Добрый, кроткий с теми, кого он любил, Иванов был круглый сирота, жил у богатых родственников, помещиков, но как-то заброшенно, в стороне от всей квартиры, в маленькой, возле самой кухни, комнатке. К нему никто не заглядывал, он тоже не любил ходить в общие комнаты и всегда почти просиживал один у себя.

– Тебе он нравится, мама? – приставал Тёма по сто раз к своей матери и, получая утвердительный ответ, переживал наслаждение за своего друга. – Мама, скажи, что тебе больше всего в нем нравится?

– Глаза.

– Правда, глаза? Знаешь, мама, его мать умерла перед тем, как он поступил в гимназию. Я видел ее портрет. Она казачка, мама... Такая хорошенькая... Он на груди в маленьком медальоне носит ее портрет. Он мне показывал, только сказал, чтобы я никому ничего не говорил. Ты тоже, мама, никому не говори!..

– Глупый ты мальчик! – улыбаясь, говорила мать.

– Мама, он говорит, чтобы летом я ехал к ним в деревню. Там у них пруд есть, рыбу будем ловить, сад большой; у него большой кожаный диван под окнами, и вишни прямо в окно висят. У дяди его пропасть книг... Мы вдвоем запремся и будем читать...

Иногда утром, когда Тёме не хотелось вставать, когда почему-либо перспектива идти в гимназию не представляла ничего заманчивого, Тёма вдруг вспоминал своего друга, и сладкое чувство охватывало его, – он вскакивал и начинал одеваться. Он переживал наслаждение от мысли, что опять увидит Иванова, который уж будет ждать его и весело сверкнет своими добрыми черными глазами из-под мохнатой шапки волос. Поздороваются друзья, сядут поближе друг к другу и радостно будут улыбаться Корневу, который, грызя ногти, насмешливо скажет:

– Сто лет не видались... Поцелуйтесь на радостях.

В такие минуты Тёма считал себя самым счастливым человеком.

- ▶1. Как возникла дружба Тёмы с Ивановым?
2. Когда и почему Тёма стал увлеченным читателем?

▶▶▶1. В какие минуты Тёма считал себя самым счастливым человеком?

2. Догнал или перегнал вас Тёма как читатель? Напомним – в старой гимназии второй класс был примерно равен нашему шестому.

IX. Ябеда

Но ничто не вечно под луною. И дружба Тёмы с Ивановым прекратилась, и мечты о деревне не осуществились, и на самое воспоминание об этих лучших днях из детства Тёмы жизнь безжалостно наложила свою гадливую печать, как бы в отместку за доставленное блаженство.

Учитель французского языка, Бошар, скромно начавший карьеру с кучера, сохранивший свою представительную фигуру, заседал на своем учительском месте так же величественно и добродушно, как в былые дни восседал на козлах своего фиакра. Как прежде, бывало, он по временам стегал свою клячу длинным бичом, так и теперь, от времени до времени, он хлопал своей широкой, пухлой ладонью и кричал громким равнодушным голосом:

– Voyons, voyons donc!^[57]

Однажды, по заведенному порядку, шел урок Бошара. Очередной переводил, остальной класс был в каком-то среднем состоянии между сном и бодрствованием.

В маленькое, круглое окошко класса, проделанное в дверях, заглянул чей-то глаз.

Вахнов сложил машинально кукиш, любовался им сначала сам, а затем предложил полюбоваться и смотревшему в окошечко.

При всем своем добродушии Иван Иванович, который и смотрел в окошко, не вытерпел и, отворив дверь, пригласил Вахнова к директору.

Вахнов струсил и стал божиться, что это не он. В подтверждение своих слов он сослался на Бошара, будто бы видевшего, как он, Вахнов, сидел смирно.

Бошар, видевший все и с любопытством естествоиспытателя наблюдавший сам зверька низшей расы – Вахнова, проговорил с пренебрежением удовлетворенного наблюдателя:

– Allez, allez, bête animal!^[58]

Вахнов скрепя сердце пошел за Иваном Ивановичем в

коридор, но, когда дверь затворилась и они остались одни с глазу на глаз, Вахнов, недолго думая, встал на колени и проговорил:

– Иван Иванович, не губите меня! Директор исключит за это, а отец убьет меня. Честное слово, я говорю правду: вы знаете моего отца.

Иван Иванович хорошо знал отца Вахнова, который был в полном смысле слова зверь по свирепости и крутости нрава. Он славился на весь город этими своими качествами, наряду, впрочем, и с другими, признанными обществом: идеальной честностью и беззаветным мужеством.

– Встаньте скорей! – сконфуженно и растерянно заговорил Иван Иванович и сам бросился поднимать Вахнова.

Вахнов, для усиления впечатления, вставая, чмокнул надзирателя в руку. Иван Иванович, окончательно растерявшись, опрометью бросился от Вахнова, отмахиваясь и отплевываясь на ходу. Вахнов, постояв немного в коридоре, снова вошел в класс.

Какими-то судьбами эта история все-таки дошла до директора, и педагогическим советом Вахнов был приговорен к двухнедельному аресту по два часа каждый день.

Убедившись, что донес не Иван Иванович, Вахнов остановился на Бошаре, как на единственном человеке, который мог донести. Это было и общее мнение всего класса. Хотя и не горячо, но почти все высказывали порицание Бошару.

«Идиот» Вахнов на мгновение приобрел если не уважение, то сочувствие. Это сочувствие пробудило в Вахнове затоптанное сперва отцом, а потом и гимназией давно уже спавшее самолюбие. Он испытал сладкое нравственное удовлетворение, которое чувствует человек от сочувствия к нему общества. Но что-то говорило ему, что это сочувствие ненадежное и, чтоб удержать его, от него, Вахнова, требовалось что-то такое, что заставило бы навсегда забыть его прошлое...

За мгновение до прихода Бошара Вахнов не удержался, чтобы не сказать Иванову и Тёме (по настоянию Иванова они и во втором классе продолжали сидеть втроем и по-прежнему на последней скамейке) о том, что он всунул в стул, на который сядет Бошар, иголку.

Так как на лицах Иванова и Тёмы изобразился какой-то ужас вместо ожидаемого одобрения, то Вахнов на всякий случай проговорил:

– Только выдайте!

– Мы не выдадим, но не потому, что испугались твоих угроз, – ответил с достоинством Иванов, – а потому, что к этому обязывают правила товарищества. Но это такая гнусная гадость...

Тёма только взглядом ответил на так отчетливо выраженные

Ивановым его собственные мысли.

Спорить было поздно. Бошар уже входил, величественный и спокойный. Он поднялся на возвышение, стал спиной к стулу, не спеша положил книги на стол, оглянул взглядом сонного орла класс и, раздвигая слегка фалды, грузно опустился.

В то же мгновение он вскочил как ужаленный, с пронзительным криком, нагнулся и стал щупать рукой стул. Разыскав иголку, он вытащил ее с большим трудом из сиденья и бросился из класса^[59]. Совершенно бледный, с провалившимися вдруг куда-то внутрь глазами, откуда они горели огнем, влетел в класс директор и прямо бросился к последней скамейке.

– Это не я! – прижатый к скамье, в диком ужасе закричал Тёма.

– Кто?! – мог только прохрипеть директор, схватив его за руку.

– Я не знаю! – ответил высоким визгом Тёма.

Рванув Тёму за руку, директор одним движением выдернул его в проход и потащил за собой.

Тёма каким-то вихрем понесся с ним по коридору. Как-то тупо застыв, он безучастно наблюдал ряды вешалок, шинелей, грязную калошу, валявшуюся посреди коридора... Он пришел в себя, только очутившись в директорской, когда его слух поразил зловеще щелкнувший замок запиравшейся на ключ двери.

Смертельный ужас охватил его, когда он увидел, что директор, покончив с дверью, стал как-то тихо, беззвучно подбираться к нему.

– Что вы хотите со мной делать?! – неистово закричал Тёма и бросился в сторону.

В то же мгновение директор схватил его за плечо и проговорил быстрым, огнем охватившим Тёму шепотом:

– Я ничего не сделаю, но не шутите со мною: кто?!

Тёма помертвелыми глазами, застыв на месте, с ужасом смотрел на раздувавшиеся ноздри директора.

Впившиеся черные горящие глаза ни на мгновение не отпускали от себя широко раскрытых глаз Тёмы. Точно что-то, помимо воли, раздвигало ему глаза и входило через них властно и сильно, с мучительной болью вглубь, в Тёму, туда... куда-то далеко, в ту глубину, которую только холодом прикосновения чего-то чужого впервые ощущал в себе онемевший мальчик...

Ошеломленный, удрученный, Тёма почувствовал, как он точно погружался куда-то...

И вот, как жалобный подсвист в бурю, рядом с диким воем зазвучали в его ушах и посыпались его бессвязные, слабеющие слова о пощаде, слова мольбы, просьбы и опять мольбы о пощаде

и еще... ужасные, страшные слова, бессознательно слетавшие с помертвевших губ... ах! более страшные, чем кладбище и черная шапка Еремея, чем розги отца, чем сам директор, чем все, что бы то ни было на свете. Что смрад колодца?! Там, открыв рот, он больше не чувствовал его... От смрада души, охватившего Тёму, он бешено рванулся.

– Нет! Нет! Не хочу! – с безумным воплем бесконечной тоски бросился Тёма к вырвавшему у него признание директору.

– Молчать! – со спокойным, холодным презрением проговорил удовлетворенный директор и, втолкнув Тёму в соседнюю комнату, запер за ним дверь.

Оставшись один, Тёма как-то бессильно, тупо оглянулся, точно отыскивая потерявшуюся связь событий. Затихавшие в отдалении шаги директора дали ему эту связь. Ослепительной, мучительной болью сверкнуло сознание, что директор пошел за Ивановым.

– И-и! – ухватил себя ногтями за щеки Тёма и завертелся волчком. Натолкнувшись на что-то, он так и затих, охваченный какой-то бесконечной пустотой.

В соседнюю комнату опять вошел директор. Снова раздался его бешеный крик.

Тёма пришел в себя и замер в томительно напряженном ожидании ответа Иванова.

– Я не могу... – тихой мольбой донеслось к Тёме, и сердце его сжалось мучительной болью.

Опять загремел директор, и новый залп угроз оглушил комнату.

– Я не могу, я не могу... – доносился как будто с какой-то бесконечной высоты до слуха Тёмы быстрый, дрожащий голос Иванова. – Делайте со мной, что хотите, я приму на себя всю вину, но я не могу выдать...

Наступило гробовое молчание.

– Вы исключаетесь из гимназии, – проговорил холодно и спокойно директор. – Можете отправляться домой. Лица с таким направлением не могут быть терпимы.

– Что ж делать? – ответил раздраженно Иванов, – выгоняйте, но вы все-таки не заставляйте меня сделать подлость.

– Вон!!

Тёма уже ничего не чувствовал. Все как-то онемело в нем.

Через полчаса состоялось определение педагогического совета. Вахнов исключался. Родным Иванова предложено было добровольно взять его. Карташев наказывался на неделю оставаться во время обеда в гимназии, по два часа каждый день.

Тёме приказали идти в класс, куда он и пошел, подавленный,

униженный, тупой, чувствуя отвращение и к себе, и к директору, и к самой жизни, чувствуя одно бесконечное желание, чтобы жизнь отлетела сразу, чтобы сразу перестать чувствовать.

Но жизнь не отлетает по желанию, чувствовать надо, и Тёма почувствовал, решившись поднять наконец глаза на товарищей, что нет Иванова, нет Вахнова, но есть он, ябеда и доносчик, пригвожденный к своему позорному месту... Неудержимой болью охватила его мысль о том светлом, безвозвратно погибшем времени, когда и он был чистым и незапятнанным; охватило его горькое чувство тоски, зачем он живет, и рыдания подступили к его горлу.

Но он удержал их, и только какой-то тихий, жалобный писк успел вырваться из его горла, писк, замерший в самом начале. Что-то забытое, напомнившее Тёме Жучку в колодце, мелькнуло в его голове...

Тёма быстро, испуганно оглянулся... Но никто не смотрел на него.

Передавая дома эту историю, Тёма скрыл, что выдал товарища.

Отец, выслушав, проговорил:

– Иначе ты и не мог поступить... И без наказания нельзя было оставить; Вахнова давно пора было выгнать; Иванов, видно, за что-нибудь намечен, а ты, как меньше других виноватый, поплатился недельным наказанием. Что ж? отсидишь.

Сердце Тёмы тоскливо ныло, и, еще более униженный, он стоял и не смел поднять глаз на отца и мать.

Аглаида Васильевна ничего не сказала и ушла к себе.

Не дотронувшись почти до еды, Тёма тоскливо ходил по комнатам, отыскивая такие, в которых никого не было, и, останавливаясь у окон, неподвижно, без мысли, замирал, смотря ку да-то. При малейшем шорохе он быстро отходил от своего места и испуганно оглядывался.

Когда наступили сумерки, ему стало еще тяжелее, и он как-то бессознательно потянулся к матери. Он рассмотрел ее возле окна и молча подошел.

– Тёма, расскажи мне, как все было... – мягко, ласково, но требовательно-уверенно проговорила мать.

Тёма замер и почувствовал, что мать уже догадалась.

– Все расскажи.

Этот ласковый, вперед прощающий голос охватил Тёму какою-то жгучей потребностью – все до последнего передать матери.

Передав истину, Тёма горько оборвал рассказ и униженно опустил голову.

– Бедный мой мальчик, – произнесла охваченная той же тоской унижения и горечи мать.

Тёма облокотился на спинку ее кресла и тихо заплакал.

Мать молча вытирала капавшие по его щекам слезы. Собравшись с мыслями и дав время успокоиться сыну, она сказала:

– Что делать? Если мы видим свои недостатки и если, замечая их, стараемся исправиться, то и ошибки наши уже являются источниками искупления. Сразу ничего не приходит. Все достается тяжелой борьбой в жизни. В этой борьбе ты уже нашел сегодня одну свою слабую сторону... Когда будешь молиться, попроси у Бога, чтобы он послал тебе твердость и крепкую волю в минуты страха и опасности.

– Ах, мама, как я вспомню про Иванова, как вспомню... так бы, кажется, и умер сейчас.

Мать молча гладила голову сына.

– Ну, а если б ты пошел к нему? – спросила она ласково.

Тёма не сразу ответил.

– Нет, мама, не могу, – сказал он дрогнувшим голосом. – Когда я знаю, что больше не увижу его... так жалко... я так люблю его... а как подумаю, что пойду к нему... я больше не люблю его, – тоскливо закончил Тёма, и слезы опять брызнули из его глаз.

– Ну и не надо, не ходи. Когда-нибудь в жизни, когда ты выйдешь хорошим, честным человеком, Бог даст, ты встретишься с ним и скажешь ему, что если ты вышел таким, то оттого, что ты всегда думал о нем и хотел быть таким же честным, хорошим, как он. Хорошо?

Тёма молча вздохнул и задумался. Мать тоже замолчала и только продолжала ласкать своего не устоявшего в первом бою сына.

Вечером, в кровати, Тёма осторожно поднял голову и, убедившись, что все уже спят, беззвучно спустился на пол и, весь проникнутый горячим экстазом, охваченный каким-то особенным, так редко, но с такой силой посещающим детей огнем веры, – жарко молился, прося Бога послать ему силы ничего не бояться.

И вдруг, среди молитвы, Тёма вспомнил Иванова, его добрые глаза, так ласково, доверчиво смотревшие на него, вспомнил, что больше его никогда не увидит... и, как-то завизжавши от боли, впился зубами в подушку и замер в безысходной тоске...

- ▶1. Что отличало дружбу Тёмы с Ивановым?
2. Какое событие прервало дружбу мальчиков?

▶▶1. Каким вы представляете себе Иванова?

2. Какие слова-синонимы слову «ябеда» вы знаете?
Почему все они звучат как оскорбление?

▶▶▶1. Почему автор подробно описал события, которые ему было трудно и тяжело вспоминать?

2. Почему предательство всегда вызывает такую отрицательную оценку?

3. Какие произведения, в которых жестоко обличается предательство, вы читали?

XI. Экзамены

Подошли и экзамены.

Несмотря на то что Тёма не пропускал ни одной церкви без того, чтобы не перекреститься, не ленился за квартал обходить встречного батюшку, или в крайнем случае при встречах хватался за левое ухо и скороговоркой говорил: «Чур, чур, не меня!», или усердно на том же месте перекручивался три раза, – дело, однако, плохо подвигалось вперед.

Дома тем не менее Тёма продолжал взятый раньше тон.

– Выдержал?

– Выдержал...

– Ну, сколько же, ты думаешь, тебе все-таки поставили?

– Я без ошибки отвечал...

– Значит, пять?

– Пять! – недоумевал Тёма.

Экзамены кончились. Тёма пришел с последнего экзамена.

– Ну?

– Кончил...

Опять ответ поразил мать какою-то неопределенностью.

– Выдержал?

– Да...

– Значит, перешел?

– Верно...

– Да когда же узнать-то можно?

– Завтра, сказали.

Назавтра Тёма принес неожиданную новость, что он срезался по трем предметам, что передержку дают только по двум, но если особенно просить, то разрешат и по трем. Это-то последнее обстоятельство и вынудило его открыть свои карты, так как

просить должны были родители.

Тёма не мог вынести пристального, презрительного взгляда матери, устремленного на него, и смотрел куда-то вбок...

– Негодяй! – проговорила наконец мать, толкнув ладонью Тёму по лбу.

Тёма ждал, конечно, сцены гнева, неудовольствия, упреков, но такого выражения презрения он не предусмотрел, и тем обиднее оно ему показалось. Он сидел в столовой и чувствовал себя очень скверно. С одной стороны, он не мог не сознавать, что все его поведение было достаточно пошло; но, с другой стороны, он считал себя уже слишком оскорбленным. Обиднее всего было то, что на драпировку в благородное негодование у него не хватало материала, и, кроме фигуры жалкого обманщика, ничего из себя и выкроить нельзя было. А между тем какое-то раздражение и тупая злость разбирали его и искали выхода. Отец пришел. Ему уже сказала мать.

– Болван! – проговорил с тем же оттенком пренебрежения отец. – В кузнецы отдам...

...Тон отца еще больше опошил перед ним его собственное положение. Нет! Решительно ничего нет, за что бы уцепиться и почувствовать себя хоть чуточку не так пошло и гадко! И вдруг светлая мысль мелькнула в голове Тёмы: отчего бы ему не умереть?! Ему даже как-то весело стало от мысли, какой эффект произвело бы это. Вдруг приходят, а он мертвый лежит. Вот тогда и сердись сколько хочешь! Конечно, он виноват – он понимал это очень хорошо, – но он умрет и этим вполне искупит свою вину. И это, конечно, поймут и отец и мать, и это будет для них вечным укором! Он отомстит им! Ему ни капли их не жалко – сами виноваты! Тёма точно снова почувствовал презрительный шлепок матери по лбу. Злое, недоброе чувство с новой силой зашевелилось в его сердце. Он злорадно остановил глаза на коробке спичек и подумал, что такая смерть была бы очень хороша, потому что будет не сразу и он успеет еще насладиться чувством удовлетворенного торжества при виде горя отца и матери. Он занялся вопросом, сколько надо принять спичек, чтоб покончить с собой. Всю коробку? Это, пожалуй, будет слишком много, он быстро умрет, а ему хотелось бы подольше полюбоваться. Половину? Тоже, пожалуй, много. Тёма остановился почему-то на двадцати головках. Решив это, он сделал маленький антракт, так как, когда вопрос о количестве был выяснен, решимость его значительно ослабела. Он в первый раз серьезно вник в положение вещей и почувствовал непреодолимый ужас к смерти. Это было решающее мгновение, после которого, успокоенный каким-то подавленным сознанием,

что дело не будет доведено до конца, он протянул руку к спичкам, отобрал горсть их и начал потихоньку, держа руки под столом, осторожно обламывать головки. Он делал это очень осторожно, зная, что спичка может вспыхнуть в руке, а это иногда кончается антоновым огнем. Наломав, Тёма аккуратно собрал головки в кучку и некоторое время с большим удовольствием любовался ими в сознании, что их проглотит кто угодно, но только не он. Он взял одну головку и попробовал на язык: какая гадость!

С водой разве?!

Тёма потянулся за графином и налил себе четверть стакана. Это много для одного глотка. Тёма встал, на цыпочках вышел в переднюю и, чтоб не делать шума, выплеснул часть воды на стену. Затем он вернулся назад и остановился в нерешительности. Несмотря на то что он знал, что это шутка, его стало охватывать какое-то странное волнение. Он чувствовал, что в его решимости не глотать спичек стала показываться какая-то страшная брешь: почему и в самом деле не проглотить? В нем уж не было уверенности, что он не сделает этого. С ним что-то происходило, чего он ясно не создавал. Он, если можно так сказать, перестал чувствовать себя, как будто был кто-то другой, а не он. Это наводило на него какой-то невыразимый ужас. Этот ужас все усиливался и толкал его. Рука автоматически протянулась к головкам и всыпала их в стакан. «Неужели я выпью?!» – думал он, поднимая дрожащей рукой стакан к побелевшим губам. Мысли вихрем завертелись в его голове. «Зачем? Разве я не виноват действительно? Я, конечно, виноват. Разве я хочу нанести такое горе людям, для которых так дорога моя жизнь? Боже сохрани! Я люблю их...»

– Артемий Николаевич, что вы делаете?! – закричала Таня не своим голосом.

У Тёмы мелькнула только одна мысль, чтобы Таня не успела вырвать стакан. Судорожным, мгновенным движением он опрокинул содержимое в рот... Он остановился с широко раскрытыми, безумными от ужаса глазами.

– Батюшки! – завопила режущим, полным отчаяния голосом Таня, стремглав бросаясь к кабинету. – Барин... барин!..

Голос ее обрывался какими-то воплями:

– Артемий... Николаич... отравились!!

Отец бросился в столовую и остановился, пораженный идиотским лицом сына.

– Молока!

Таня бросилась к буфету.

Тёма сделал слабое усилие и отрицательно качнул головой.

– Пей, негодяй, или я расшибу твою мерзкую башку об стену! – закричал неистово отец, схватив сына за воротник мундира.

Он так сильно сжимал, что Тёма, чтоб дышать, должен был наклониться, вытянуть шею и в таком положении, жалкий, растерянный, начал жадно пить молоко.

– Что такое?! – вбежала мать.

– Ничего, – ответил взбешенным, пренебрежительным голосом отец, – фокусами занимается.

Узнав, в чем дело, мать без сил опустилась на стул.

– Ты хотел отравиться?!

В этом вопросе было столько отчаянной горечи, столько тоски, столько чего-то такого, что Тёма вдруг почувствовал себя как бы оторванным от прежнего Тёмы, любящего, нежного, и его охватило жгучее, непреодолимое желание во что бы то ни стало, сейчас же, сию секунду снова быть прежним мягким, любящим Тёмой. Он стремглав бросился к матери, схватил ее руки, крепко сжал своими и голосом, доходящим до рева, стал просить:

– Мама, непременно прости меня! Я буду прежний, но забудь все! Ради Бога, забудь!

– Все, все забыла, все простила, – проговорила испуганная мать.

– Мама, голубка, не плачь, – ревел Тёма, дрожа, как в лихорадке.

– Пей молоко, пей молоко! – твердила растерянню, испуганно мать, не замечая, как слезы лились у нее по щекам.

– Мама, не бойся ничего! Ничего не бойся! Я пью, я уже три стакана выпил. Мама, это пустяки, вот смотри, все головки остались в стакане. Я знаю, сколько их было... Я знаю... Раз, два, три...

Тёма судорожно считал головки, хотя перед ним была одна сплошная, сгустившаяся масса, тянувшаяся со дна стакана к его краям...

– Четырнадцать! Все! Больше не было, – я ничего не выпил... Я еще один стакан выпью молока.

– Боже мой, скорей за доктором!

– Мама, не надо!

– Надо, мой милый, надо!

Отец, возмущенный всей этой сценой, не выдержал и, плюнув, ушел в кабинет.

– Милая мама, пусть он идет, я не могу тебе сказать, что я пережил, но если б ты меня не простила, я не знаю... я еще бы раз... Ах, мама, мне так хорошо, как будто я снова родился! Я знаю, мама, что должен искупить перед тобою свою вину, и знаю,

что искуплю, оттого мне так легко и весело. Милая, дорогая мама, поезжай к директору и попроси его, – я выдержу передержку, я знаю, что выдержу, потому что я знаю, что я способный и могу учиться.

Тёма, не переставая, все говорил, говорил и все целовал руки матери. Мать молча, тихо плакала. Плакала и Таня, сидя тут же на стуле.

– Не плачь, мама, не плачь, – повторял Тёма. – Таня, не надо плакать.

Исключительные обстоятельства выбили всех из колеи. Тёма совершенно не испытывал той обычной, усвоенной манеры отношения сына к матери, младшего к старшему, которая существовала обыкновенно. Точно перед ним сидел его товарищ, и Таня была товарищ, и обе они и он попали неожиданно в какую-то беду, из которой он, Тёма, знает, что выведет их, но только надо торопиться.

– Поедешь, мама, к директору? – нервно, судорожно спрашивал он.

– Поеду, милый, поеду.

– Непременно поезжай. Я еще стакан молока выпью. Пять стаканов, больше не надо, а то понос сделается. Понос очень нехорошо.

Мысли Тёмы быстро перескакивали с одного предмета на другой, он говорил их вслух, и чем больше говорил, тем больше ему хотелось говорить и тем удовлетвореннее он себя чувствовал.

Мать со страхом слушала его, боясь этой бесконечной потребности говорить, с тоской ожидая доктора. Все ее попытки остановить сына были бесполезны, он быстро перебивал ее:

– Ничего, мама, ничего, пожалуйста, не беспокойся.

И снова начинался бесконечный разговор.

Вошли дети, гулявшие в саду. Тёма бросился к ним и, сказав: «Вам нельзя тут быть», – запер перед ними дверь.

Наконец приехал доктор, осмотрел, выслушал Тёму, потребовал бумаги, перо, чернила, написал рецепт и, успокоив всех, остался ждать лекарства. У Тёмы начало жечь внутри.

– Пустяки, – проговорил доктор, – сейчас пройдет.

Когда принесли лекарство, доктор молча, тяжело сопя, приготовил в двух рюмках растворы и сказал, обращаясь к Тёме:

– Ну, теперь закусите вот этим все ваши разговоры. Отлично! Теперь вот это! Ну, теперь можете продолжать.

Тёма снова начал, но через несколько минут он как-то сразу раскис и вяло оборвал себя:

– Мама, я спать хочу.

Его сейчас же уложили, и, под влиянием порошков, он заснул

крепким детским сном.

На другой день Тёма был вне всякой опасности и хотя ощущал некоторую слабость и боль в животе, но чувствовал себя прекрасно, был весел и с нетерпением гнал мать к директору. Только при появлении отца он умолкал, и было что-то такое в глазах сына, от чего отец скорее уходил к себе в кабинет. Приехал доктор, и мать, оставив Тёму на его попечении, уехала к директору.

– Я сяду заниматься, чтоб не терять времени, – заявил весело Тёма.

– Вот и отлично, – ответил доктор.

Тёма забрал книги и отправился в маленькую комнатку, а доктор ушел в кабинет к старику Карташеву.

Когда разговор коснулся текущих событий, генерал не утерпел, чтобы не пожаловаться на жену за неправильное воспитание сына.

– Да, нервно немножко... – проговорил доктор как-то нехотя. – Век такой... Вы, однако, с сыном-то все-таки помягче, а то ведь можно и совсем свихнуть мальчугана... Нервы у него не вашего времени...

– Пустяки, весь он в меня...

– Может, в вас он... да уж... одним словом, надо сдерживать себя.

– Пропал мальчик, – с отчаянием в голосе произнес отец.

Доктор добродушно усмехнулся.

– Славный мальчик, – заметил он и забарабанил пальцами по столу.

– Эх! – махнул огорченно отец и зашагал угрюмо по комнате.

Приехала мать с радостным лицом.

– Разрешил?! – спросил Тёма, выскакивая с латинской грамматикой. – Мама, я вот уже сколько прошел!

Неделя промелькнула для Тёмы незаметно. Он не мог оторваться от книг. В голову, строчка за строчкой, вкладывались страницы книги, как в какой-то мешок. Иногда он закрывал глаза и мысленно пробегал пройденное, и все в систематическом порядке, рельефно и выпукло проносилось перед ним. Довольный опытом, Тёма с новым жаром продолжал занятия. Передержка была по русскому, латинскому и географии, но уже она сидела вся в голове. Иногда он звал сестру и говорил ей:

– Экзаменуй меня.

Зина добросовестно принималась спрашивать, и Тёма без запинки отвечал с малейшими деталями. В награду Зина говорила огорченно:

– Стыдно с такими способностями так лениться.

– Я на будущий год буду отлично заниматься, сяду на первую скамейку и буду первым учеником...

В день экзамена Таня разбудила Тёму на заре, и он, забравшись в беседку, все три предмета еще раз бегло просмотрел. От волнения он не мог ничего есть и, едва выпив стакан чаю, поехал с неизменным Еремеем в гимназию. Директор присутствовал при всех трех экзаменах. Тёма отвечал без запинки.

По исхудалому, тонкому, вытянутому лицу Тёмы видно было, что не даром дались ему его знания.

Директор молча слушал, всматривался в мягкие, горящие внутренним огнем глаза Тёмы и в первый раз почувствовал к нему какое-то сожаление.

По окончании последнего экзамена он погладил его по голове и проговорил:

– Отличные способности. Могли бы быть украшением гимназии. Будете учиться?

– Буду, – прошептал, вспыхнув, Тёма.

– Ну, ступайте домой и передайте вашей матушке, что вы перешли в третий класс.

Счастливый Тёма выскочил, как бомба, из гимназии.

– Еремей, я перешел! Все экзамены выдержал, всё без запинки отвечал.

– Слава Богу, – заерзал, облегченно вздыхая, Еремей. – Чтоб оны вси тые экзамены сказывысь! – разразился он неожиданной речью. – Дай Бог, щоб их вси уж покончали, да в офицеры б вас произвели, – щоб вы, як папа ваш, енералом булы.

Выговорив такую длинную тираду, Еремей успокоился и впал в свое обычное, спокойное состояние.

Тёма мысленно усмехнулся его пожеланиям и, усевшись поудобнее в экипаж, беззаботно отдался своему праздничному настроению.

– Ну? – встретила его мать у калитки.

– Выдержал.

– Слава Богу, – и мать медленно перекрестилась. – Перекрестись и ты, Тёма.

Но Тёме показалось вдруг обидным креститься: за что? он столько уже крестился и всегда, пока не стал учиться, резался.

– Я не буду креститься, – буркнул обиженный Тёма.

– Тёма, ты серьезно хочешь вогнать меня в могилу? – спросила его холодно мать.

Тёма молча снял шапку и перекрестился.

– Ах, какой глупый мальчик! Если ты и занимался и благодаря этому и своим способностям выдержал, так кто же тебе

все дал? Стыдно! Глупый мальчик.

Но уж эта нотация была сделана таким ласкающим голосом, что Тёма, как ни желал изобразить из себя обиженного, не удержался и распустил губы в довольную, глупую улыбку.

«Да, уж такой возраст!» – подумала мать и, ласково притянув Тёму, поцеловала его в голову. Мальчик почувствовал себя тепло и хорошо и, поймав руку матери, горячо ее поцеловал.

– Ну, зайди к папе и обрадуй его... ласково, как ты умеешь, когда захочешь.

Окрыленный, Тёма вошел в кабинет и в один залп проговорил:

– Милый папа, я перешел в третий класс.

– Умница, – ответил отец и поцеловал сына в лоб.

Тёма, тоже с чувством, поцеловал у него руку и с облегченным сердцем направился в столовую.

Вопросы и задания

►1. Как Тёма готовился к экзаменам и почему он их так плохо сдал?

2. Как герою удалось переломить себя и начать готовиться к переэкзаменовке?

►►►1. Как вы оцениваете главу «Экзамены» в автобиографическом произведении – как рассказ об экзамене и переэкзаменовке или как рассказ о человеке, которому удалось справиться со своей слабостью, рассказ о становлении характера мальчика?

Поступок героя и характер

Каждый поступок человека имеет свою причину. Среди самых важных причин нужно прежде всего назвать характер. При

опасности трус побежит, даже не пытаясь оценить ситуации, смелый и уравновешенный человек сначала определит реальность угрозы, а только затем последует поступок. Вспомним, например, как ведут себя при нападении врага Руслан и Фарлаф.

В художественных произведениях автор очень часто показывает связь характера и поступка человека. В главе «Ябеда» автобиографической повести «Детство Тёмы» Гарина-Михайловского перед нами три характера и три варианта выбора поступка. Подлый поступок совершил тупой и жестокий Вахнов. В нем даже не шевельнулось чувство раскаяния, а жил всего лишь животный страх перед наказанием. Слабый физически, но смелый и стойкий Иванов смог противостоять воле директора и не совершил того, что казалось ему подлостью, хотя это лишало его возможности дальнейшего образования. Чуткий и добрый Тёма не устоял перед волей сильного человека и сдался. Так одно событие дает возможность увидеть различные качества – подлость, благородство и малодушие.

В этой главе важно и то, что связь поступка и характера не одномоментна. Мы можем долго помнить о своих поступках и продолжать их оценивать через годы. Так эпизод, который отдален от него многими годами, автор вспомнил в автобиографической повести, назвав главу о нем оскорбительным для подростка словом «ябеда».

Художественная литература повествует о человеке и его жизни, рисует панораму поступков героев разных времен и в самых различных обстоятельствах, но всегда между ними существует тесная связь.

Уже в сказках мы ждем от героев, хотя они и сказочные, поведения, которое определяется их характером и взглядами. Никто из читателей не ждет подлого поступка от Ивана-царевича, а благородного – от Кощея Бессмертного.

Вопросы и задания

►1. Почему XIX век часто называют «железным»? Как это отразилось на отображении людей и событий этого века в художественных произведениях?

2. Назовите поступки одного из своих любимых героев, которые были бы, по вашему мнению, тесно связаны с его характером.

►►1. Какое качество характера помогло Васютке во время его многодневного странствия по тайге?

2. Кто из мальчиков у костра на Бежином лугу проявил смелость и решительность? Какие поступки были вызваны этими качествами?

Мир вещей XIX века

У каждой эпохи есть свои приметы. И от каждой эпохи, как ее самый достоверный след, остается память о важнейших событиях, но также остается и мир ее вещей. Их мы можем увидеть в исторических и краеведческих музеях. Так, теперь можно увидеть не только восстановленный дворец богатого вельможи, но и деревенскую избу крестьянина XIX века. Иногда вещи прошлого (инструменты, оружие, мебель, одежда) сохраняются и в наших домах, среди предметов домашнего обихода. Нам, живущим в XXI веке, одинаково интересны и вещи мирного быта, и вещи, связанные с войной. Так, «Бородинская панорама» в Москве дает возможность увидеть и одежду солдат и офицеров – участников сражения, и все виды вооружения 1812 года.

Вещи, встречающиеся на страницах художественных произведений, не только служат фоном – они активно участвуют в событиях эпохи. Буран, застигший в степи путников на санях, запряженных лошадьми, сразу же вводит нас в сферу возможностей эпохи, особенностей жизни в эту эпоху.

Мир вещей вводит нас и в историю того, как человек организовывал свой быт, свою жизнь. Так, например, освещение жилища имеет свою историю. И до сих пор мы понимаем, как можно освещаться горячей лучиной, как – керосиновой лампой, а как меняет наш быт электрическая лампочка.

Вопросы и задания

- 1. Какие вещи в нашем быту пришли из XIX века?
2. Определите, в какую эпоху, в какой век могли

появиться такие слова: *обоз, вагон, паровоз, плот, буран, ураган, керосиновая лампа...*

►►►1. Составьте словарик новых слов, которые, по вашему мнению, должны быть на страницах современных художественных произведений.

Илья Муромец и Соловей-разбойник. Художник И. Билибин

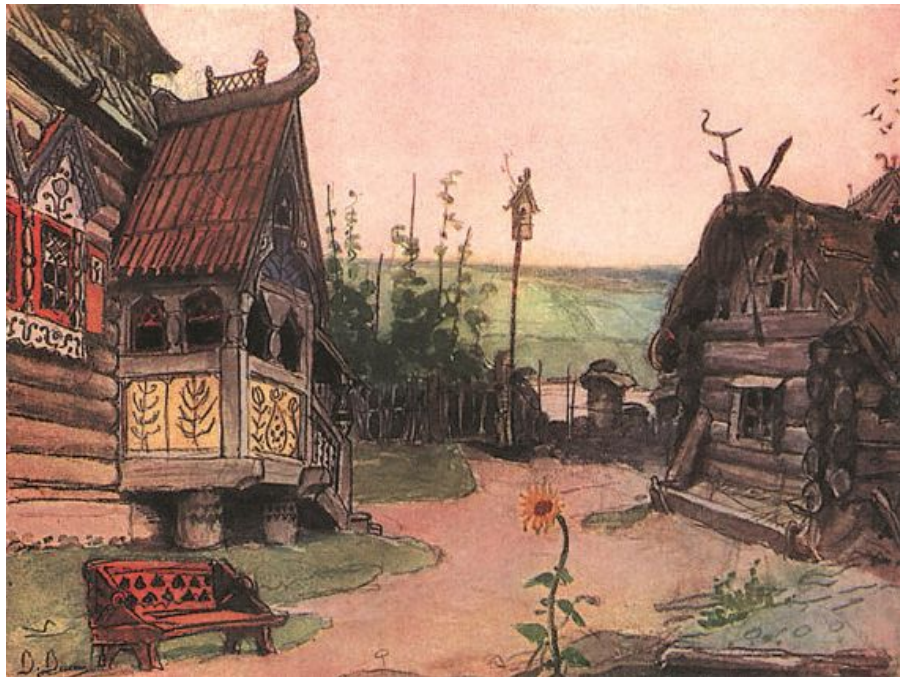
После побоища Игоря Святославича с половцами. Художник В. Васнецов

А. Н. Островский. Художник В. Перов

Снегурочка и Лель. Художник В. Васнецов

Берендеев посад. Художник В. Васнецов

Снегурочка. Художник В. Васнецов

В. А. Жуковский. Художник Е. Рейтерн

С. Т. Аксаков. Художник И. Крамской

«Буря». Художник Л. Хайлов

И. А. Крылов. Художник К. Брюллов

«Два мальчика». Художник Е. М. Бём

«Волк и Ягненок». Художник Е. Рачев

А. А. Дельвиг. Рисунок П. Яковлева

А. С. Пушкин. Художник Е. Гейтман

И. И. Пуцин. Художник Ф. Верне

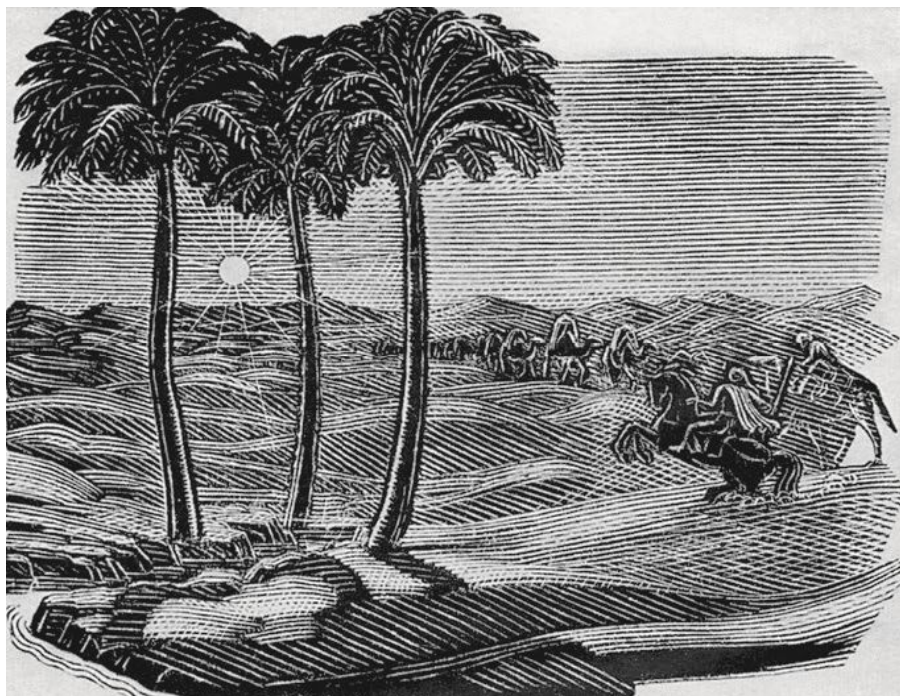
А. М. Горчаков. Художник Ф. Верне

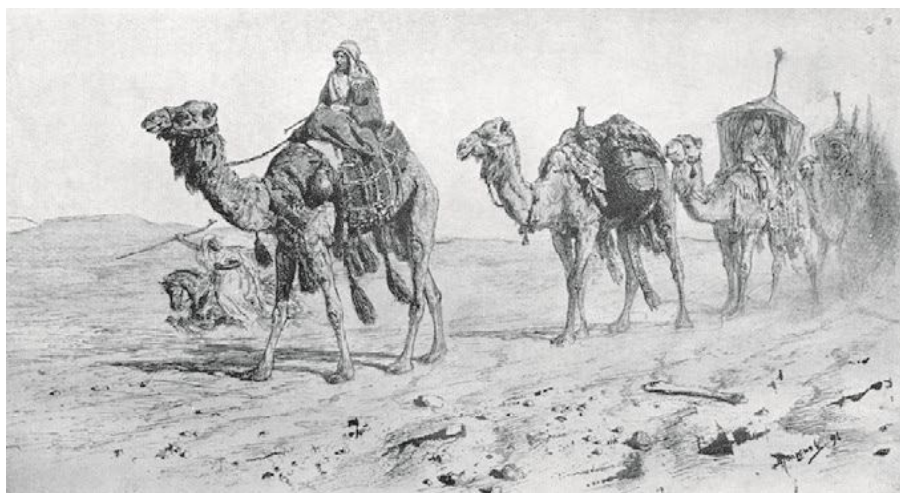
«Утес». Художник Н. Дубовской

«На севере диком...». Художник И. Шишкин

«Три пальмы». Художник М. Пиков

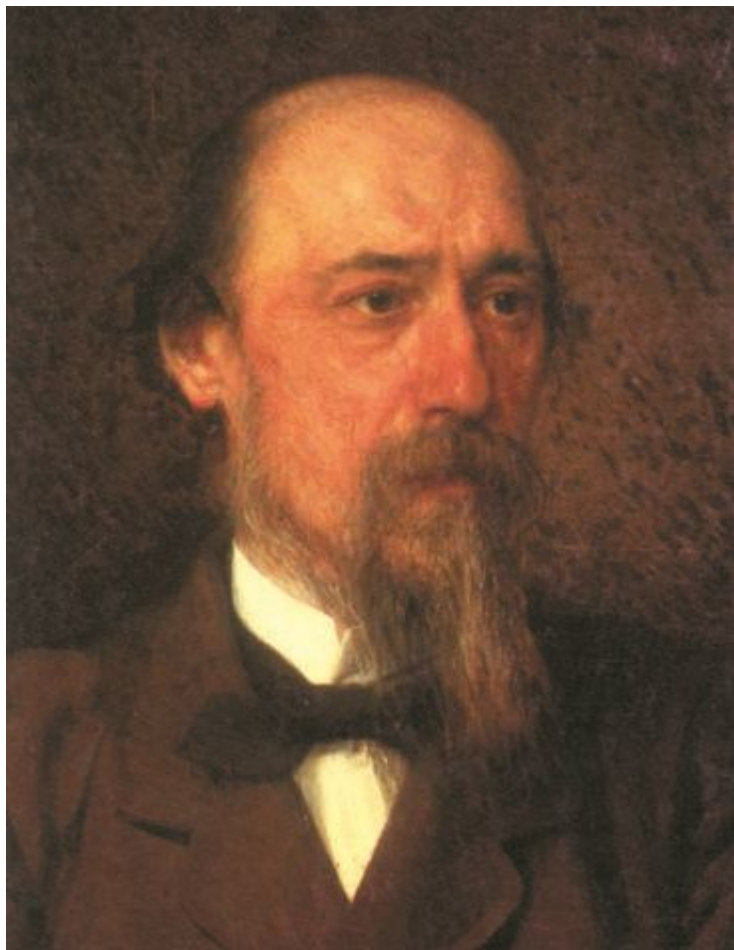
Караван в Аравийской пустыне. Художник Д. Поленов

«Бежин луг». Художник Е. М. Бём

Ночное. Костер. Художник Б. Кустодиев

Н. А. Некрасов. Художник И. Крамской

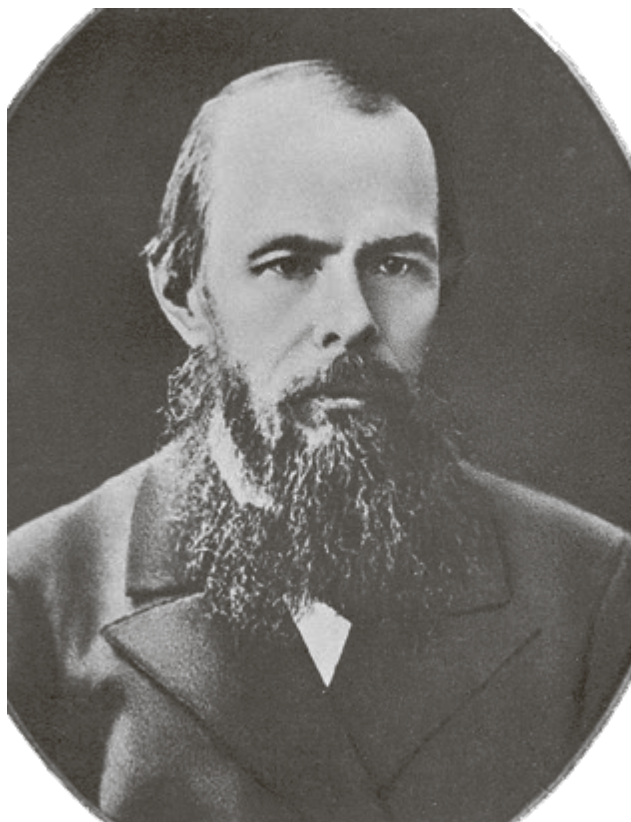
Игра в бабки. Художник В. Маковский

«Школьник». Художник А. Пахомов

Сельская бесплатная школа. Художник А. Морозов

Ф. М. Достоевский

«Братья Карамазовы». Художник В. Лодягин

Первая встреча Алеши с Илюшей Снегиревым

У постели больного Илюши

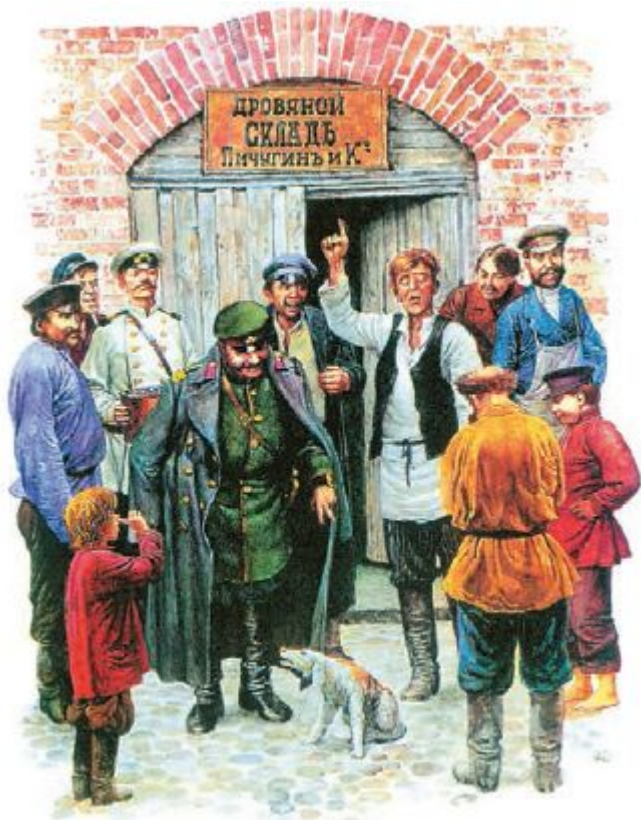
Разговор Снегирева с доктором

А. П. Чехов. Художник И. Браз

«Толстый и тонкий». Художник Б. Калаушин

«Хамелеон». Художник А. Дудин

notes

Примечания

Есау́л – от тюркского слова «начальник». С XVI века есаул – должность, а с XVIII века – чин в казачьих войсках.

Запон – передник.

Коты́ – женская обувь, род полусапожек.

Епанча́ – широкий плащ без рукавов.

Мокóй – рыба морской волк, род акулы.

Так называются один или два двора, поселенных на степной дороге для ночевки или кормежки обозов. (*Примечание С. Т. Аксакова.*)

Оброть – часть упряжи лошади, конская узда с одним поводом для привязи.

Малахѣй – кафтан без пояса.

Кантён – округ.

Оболо́чем... ко́шмами – обернем войлоком.

Сафьян – кожа высокого качества.

Ре́е́стр – о́пись, пе́речень предме́тов.

Пуд – русская мера веса, равная 16,3 килограмма.

Фунт – русская мера веса, равная 409,5 грамма.

Кисея́ – прозрачная тонкая ткань.

Асéссор – гражданский чин VIII класса.

остря́к (*франц.*).

Кíвер – высокий жесткий военный головной убор.

Бетховен.

Кирасёр – военнослужащий некоторых частей тяжелой кавалерии.

Места, упоминаемые в рассказе, реально существуют. Бежин луг находился в тринадцати километрах от Спасского-Лутовинова. Из тех же мест Тургенев взял и другие упоминаемые в рассказе названия – Парахинские кусты, деревня Варнавицы, село Шаламово и другие.

Ягдта́ш – охотничья сумка для дичи.

Гуртовщи́ки – пастухи, погонщики скота.

Армячо́к (армя́к) – старинная крестьянская верхняя одежда из толстого сукна.

Замáшная – сшитая из замáшки, грубого домотканого холста.

«Рольней» и «черпальной» на бумажных фабриках называется то строение, где в чанах вычерпывают бумагу. Оно находится у самой плотины, под колесом. (*Примечание И. С. Тургенева.*)

«Лисовщи́кий» гладят, скоблят бумагу. (Примечание
И. С. Тургенева.)

«Дворцом» называется у нас место, по которому вода бежит на колесо. (*Примечание И. С. Тургенева.*)

Сетка, которой бумагу черпают. (*Примечание И. С. Тургенева.*)

Казю́ли – по-орловскому: змеи. (*Примечание И. С. Тургенева.*)

Так мужики называют у нас солнечное затмение. (*Примечание И. С. Тургенева.*)

В поверье о «Тришке», вероятно, отозвалось сказание об Антихристе. (*Примечание И. С. Тургенева.*)

Боча́р – то же, что и бонда́рь, реме́сленник, изгото́вляющий
бочки.

Суги́бель – крутой поворот в овраге. (Примечание
И. С. Тургенева.)

Бу́чило – глубокая яма с весенней водой, оставшейся после половодья, которая не пересыхает даже летом. (*Примечание И. С. Тургенева.*)

Ва́жи – большие чемоданы, прикреплявшиеся к крыше возка или кареты.

Басóн – шерстяная тесьма.

Валёк – толстая палка у передка повозки, к которой прикрепляются ремни, соединяющие валёк с хомутом.

Бонбоньерка – изящная коробочка для конфет.

Хорошо (*франц.*).

фиалки (*франц.*).

О мой отец, о мой благодетель, дай мне в последний раз свое благословение, и да совершится воля Божия! (*франц.*)

на колени! (*франц.*)

Так-то вы повинуетесь своей второй матери, так-то вы оплачиваете за ее доброту (*франц.*).

на колени! (*франц.*)

Ради Бога, успокойтесь, графиня (*франц.*).

Лексикóны – словари.

Гиль – здесь: вздор, чепуха, бессмыслица.

Скептицизм – философское учение, подвергающее сомнению возможность познания действительности.

Тривиально – неоригінально, пошло.

Фóртель – трюк, ловкая проделка.

Куш – приказание собаке: «Смирно! Лежать!»

Эфи́альт – афинский политик (ок. 500–461 гг. до н. э.).

Станисла́ва – т. е. орден Св. Станислава.

Ста́тский – т. е. статский советник (гражданский чин).

Рекреа́ция – перемена, промежуток времени между уроками.

Эй, вы, потише! (*франц.*)

Пошел, пошел, глупое животное! (*франц.*)

Прошу читателя иметь в виду, что речь идет о гимназии в отдаленное время, т. е. 20 лет тому назад. (*Примечание Н. Г. Гарина-Михайловского.*)